



**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ**

2017 Том 16 № 2

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ Козьменко Владимир Матвеевич, доктор ист. наук, профессор, РУДН, Россия E-mail: kozmenko_vm@rudn.university	ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА Мосейкина Марина Николаевна, доктор ист. наук, профессор, РУДН, Россия E-mail: moseikina_mn@rudn.university	ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ СЕРИИ Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, кандидат ист. наук, доцент, РУДН, Россия E-mail: kornoukhova_gg@rudn.university
---	---	---

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Арсланов Рафаэль Амирович, доктор исторических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, РФ

Владимирски Ирена, доктор исторических наук, профессор, Академический колледж Ахва, Биир-Тувиа, Израиль

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, РФ

Кемпер Михаэль, доктор наук, профессор, Амстердамский университет, Амстердам, Голландия

Козэн Стивен, доктор наук, профессор, Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Мартин Александр, доктор наук, профессор, Нотрдамский университет, Нотр Дам, США

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, Уральский Федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, РФ

Юнусова Айслу Биалаловна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, Уфа, РФ

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка *Ю.А. Заикина*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «История России»:

ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.university

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ**

ISSN 2312-8690 (online); 2312-8674 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/russian-history/index>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих
(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Цель и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам публикаций.

Цель журнала – способствовать сотрудничеству и научному обмену в области исторического знания, публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых по широкому кругу актуальных проблем российской истории, касающихся политики, экономики, культуры Российского государства, центральное место среди которых отводится истории народов России и проблемам российской регионалистики.

Одна из задач журнала – знакомить читателей с новейшими достижениями отечественной и зарубежной исторической науки, дискуссионными проблемами российской истории, современной методологией и методами в области исторических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Основные рубрики журнала: социально-экономическая, политическая и социокультурная история народов России; российская общественно-политическая мысль; история национальной политики и межконфессиональных отношений в России; исторический опыт народов в периоды войн и конфликтов; контакты и связи народов России с народами мира; Русский мир; история эмиграции народов России и миграционная политика РФ; проблемы археологии, этнографии и антропологии народов России; российская регионалистика.

Кроме научных статей публикуются рецензии и историографические обзоры.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Подписано в печать 15.05.2017. Выход в свет 30.05.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 24,75. Тираж 500 экз. Заказ № 592. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2017



RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY

2017 Volume 16 № 2

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

Scientific journal

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Kozmenko,

RUDN University,

Moscow, Russia

E-mail:

kozmenko_vm@rudn.university

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Marina Moseikina,

RUDN University,

Moscow, Russia

E-mail:

moseikina_mn@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya Kornoukhova,

RUDN University,

Moscow, Russia

E-mail:

kornoukhova_gg@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Rafael Arslanov, RUDN University, Moscow, Russia

Stephen Cohen, New York University, New York, USA

Vladimir Datsyshen, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Michael Kemper, University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands

Alexander M. Martin, University of Notre Dame, Notre Dame, USA

Olga Porshneva, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Irena Vladimirska, Academic College of Ahva, Biiir-Tuvia, Israel

Aislu Yunusova, Chief Scientific Officer, Federal State Institution of Science Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev, Ufa, Russia

Copy Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *Yu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia

Ordzhonikidze St., 3, Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board of RUDN Journal of Russian History:

Miklukho-Makhlaya St., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.university

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8690 (online); 2312-8674 (print)

Published Four times a year

<http://journals.rudn.ru/russian-history/index>

Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a peer-reviewed international academic journal publishing historical researches. It is international with regard to both its editorial board and contributing authors.

The goal of the *Journal* is to improve the research work efficiency in the field of historical knowledge, to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international researchers in the study of a wide range of issues (politics, economy and culture of the Ancient Russia – the Russian Empire – the Soviet Union – the Russian Federation), where the central place is given to the history of the peoples of Russia and Russian's regions.

General Journal Sections are the following: socio-economic, political and socio-cultural history of the peoples of Russia; history of national policies and inter-confessional relations in Russia; the historical experience of peoples during wars and conflicts; contacts and links of the peoples of Russia with the peoples of the world; the Russian world and the history of the emigration of peoples of Russia; migration policy of Russia; problems of archeology, ethnography and anthropology; Russian regionalistic.

In addition to research articles the journal also publishes book reviews and historiographical overviews.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Printing run 500 copies. Open price
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university
© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА	
В этом номере	147
1917 ГОД: СМУТА, ПЕРЕВОРОТ, РЕВОЛЮЦИЯ? (К ПОНИМАНИЮ СУЩНОСТИ СОБЫТИЙ)	
Булдаков В.П.	
К истории русской революции: отречение царя или восстание масс?	153
РОССИЯ НА ПУТИ К РЕВОЛЮЦИИ	
Дубровин М.Г.	
Сметы Главного артиллерийского управления Российской империи как источник информации о подготовке русской армии к Первой мировой войне	174
Оськин М.В.	
Продовольственная политика министерства земледелия в период Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.)	190
Миронова Е.В.	
Повседневная жизнь интернированных Казанской губернии в 1917 г.	210
РЕВОЛЮЦИЯ И ИСКУССТВО	
Аксенова Г.В.	
Судьбы русского изобразительного искусства в годы революции и Гражданской войны (особенности творчества А.А. Рыбникова)	223
«ДРУГОЙ ВЗГЛЯД»: 1917 ГОД В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННИКОВ	
Котеленец Е.А., Сергеева М.О.	
События 1917 года в воспоминаниях творческой интеллигенции Серебряного века	253
Поршнева О.С.	
Политические процессы и деятели Российской революции 1917 года в восприятии военного атташе Великобритании Альфреда Нокса	264
РЕВОЛЮЦИЯ И МИР	
Лебедев В.В.	
Влияние русской революции на Первомайское движение в Корее (1917–1919 гг.)	281
РЕВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	
Багдасарян В.Э., Реснянский С.И.	
Столетие Российской революции 1917 года в фокусе антироссийской исторической пропаганды	303
Зверев В.В.	
«Неюбилейная» книга	323

CONTENTS

TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE 1917 RUSSIAN REVOLUTION

In the issue 147

1917 YEAR: THE TUMULT, THE POVERTY, THE REVOLUTION? (TO UNDERSTANDING THE ESSENCE OF EVENTS)

Vladimir P. Buldakov

History of Russian Revolution: abdication of the tsar or revolt of the masses? 153

RUSSIA ON THE ROAD TO THE REVOLUTION

Mikhail G. Dubrovin

Estimates of the main artillerian management of the Russian Empire as a source of information on the preparation of the Russian army to the First World War 174

Maxim V. Os'kin

Food Policy of the Ministry of Agriculture in World War I (July 1914 – February 1917) 190

Elena V. Mironova

Everyday life of internees in Kazan Province in 1917 210

REVOLUTION AND ART

Galina V. Aksenova

Fates of Russian art in the years of revolution and Civil War (Peculiarities of A.A. Rybnikov's creative work) 223

«ANOTHER VIEW»: 1917 IN THE EVALUATION OF CONTEMPORANTS

Elena A. Kotelenets, Mariya O. Sergeeva

1917 Events in Memories of the Silver Age creative intelligentsia 253

Olga S. Porshneva

Political processes and figures of 1917 Russian Revolutionas viewed by British Military Attache Alfred Knox 264

REVOLUTION AND WORLD

Vasilii V. Lebedev

Influence of the Russian Revolution on the March 1st Movement in Korea (1917–1919) 281

THE REVOLUTION IN HISTORICAL MEMORY

Vardan E. Bagdasaryan, Sergey I. Resnanskii

Centenary of 1917 Russian revolution in the focus of anti-Russian historical propaganda 303

Vasilii V. Zverev

«Non-Anniversary» Book 323



DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-147-152

В ЭТОМ НОМЕРЕ IN THIS ISSUE

Вниманию читателей представлен специальный выпуск журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России», посвященный 100-летию Российской революции 1917 г. Обращение к событиям вековой давности в формате специального выпуска было вызвано рядом обстоятельств. Прежде всего, свою роль сыграли произошедшие за последнее время в стране изменения. После периода общественного индифферентизма и ослабления внимания со стороны академической науки без какого-либо давления сверху и воздействия информканалов заметно возрос интерес к событиям 1917 г. в России, вызванный в том числе практической необходимостью, запросами дня сегодняшнего. Современников волнует проблема истоков Русской революции, они пытаются понять, почему так быстро развалилась казавшаяся незыблемой власть, опиравшаяся в течение трех веков на поддержку миллионов населения. Вызывает интерес и резкий переход народных настроений от патриотического подъема в начале Первой мировой войны к национальному нигилизму и жажде разрушения «несправедливого строя» в октябре 1917 г.

Одной из актуальных проблем остается и отношение интеллиген-

A special issue of “RUDN Journal of Russian History” dedicated to the 100th anniversary of the 1917 Russian Revolution brought to readers’ attention. The consideration of the century-old events in the format of a special issue is caused by a number of circumstances. First of all, it is the recent changes in the country which have played a great role. After a period of social indifference and reduced attention on the part of the academic science, without any pressure from above and the influence of information channels, there has noticeably grown interest in the events of 1917 in Russia; it was caused, in particular, by practical necessity and today’s requests. Contemporaries are concerned about the origins of the Russian revolution; they are trying to understand why the seemingly unshakable power, which for three centuries had been supported by millions of people, collapsed so quickly. Besides, it is the sharp transition of popular sentiments from the patriotic upsurge at the beginning of the First World War to national nihilism and the desire to destroy the «unjust system» in October 1917 which is of great interest.

One of the topical problems remains the attitude of the intelligentsia to the authorities and the people, which, largely under the influence of its propaganda, staged the revolution. As a result,

ции к власти и народу, который во многом под влиянием ее пропаганды поднялся на революцию. В итоге, сметая провозглашаемые демократической интеллигенцией лозунги свободы и прав личности, т.е. отвергая либеральную модель исторического транзита России от монархии к республике, он выбрал радикальный путь реализации своих глубинных чаяний о добре и справедливости.

Происходящие в общественном сознании изменения последних десятилетий создали не только определенные условия, но и потребность в качественных научных исследованиях, вклад в проведение которых вносит данный специализированный выпуск журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России». Представленные в данном номере статьи являются не только определенным срезом научных интерпретаций, дающим возможность судить о состоянии процесса исследования революции, но и отражением различий в ее видении и осмыслении. Плюрализм мнений, основанный на принципах объективизма и историзма, будучи одной из важнейших черт данного номера «Вестника», дает возможность обогатить наше знание, рассмотреть те проблемы революции, которые ранее или не привлекали внимания, или даже были закрыты для специального научного анализа. Следует заметить, что темы статей предложили сами авторы, исходя из собственных научных интересов и пристрастий.

В своей научной статье В.П. Булдаков, – известный историк, чьи разрушающие многие мифы о револю-

sweeping away the slogans of freedom and individual rights proclaimed by the democratic intelligentsia, i.e., rejecting the liberal model of Russia's historical transition from monarchy to the republic, the people chose a radical way to realize the deepest aspirations for good and justice.

The changes of the past decades that have taken place in the public consciousness have created not only certain conditions, but also the need for high-quality scientific research; and it is this special issue of the “RUDN Journal of Russian History” which makes the contribution to such research. The articles presented in this issue are not only a particular section of scientific interpretations, which give an opportunity to judge the state of the process of considering the revolution, but also reflect the differences in its vision and comprehension. The pluralism of opinions, based on the principles of objectivity and historicism, being one of the most important features of this issue, makes it possible to enrich our knowledge, to consider those problems of the revolution that previously either did not attract attention, or even were closed for special scientific analysis. It should be noted that the subjects of the articles were proposed by the authors themselves, based on their own scientific interests and preferences.

In his scientific article, V.P. Buldakov, a well-known historian whose monographs destroying many myths about the revolution received a massive public reaction, presented a rather original vision of the essence of the February events of 1917. In his opinion, the overthrow of tsarism was caused by

ции монографии получили широкий общественный отклик, представил довольно оригинальное видение сути февральских событий 1917 г. По его мнению, свержение царизма было вызвано не столько силой общественно-го движения, сколько слабостью власти, провоцировавшей своей недееспособностью стихийное выступление народа. При этом политическое недовольство получило мощное эмоциональное наполнение, придавшее выступлению характер смуты.

Вполне обоснованной и логичной представляется и публикация в номере статьи В.В. Зверева, посвященной книге В.П. Булдакова и Т.Г. Леонтьевой «Война, породившая революцию» (М., 2015). В подготовленной под красноречивым и вместе с тем парадоксальным названием «Неюбилейная книга» рецензии автор отметил нетривиальность подходов, синтез традиционных и современных научно-исторических методов, позволивших провести антропологическую реконструкцию самой сути событий. Особенно подчеркивается использование в книге теории ресентимента (подспудно накапливающейся агрессивности внутри «прогрессирующего» общества), позволившей авторам показать психоэмоциональные истоки социального взрыва, усиленного в России гетерогенностью культур «верхов» и «низов».

В разделе «Россия на пути к революции» редакция вполне обоснованно разместила статью М.В. Оськина, посвященную проблеме продовольственной политики государства в годы Первой мировой войны. Рассмотрев деятельность Министерства

the weakness of the authorities provoking by their incapacity a spontaneous protest of the people, rather than by the strength of the social movement. At the same time, the political dissatisfaction received a powerful emotional impulse, which turned the protest into a riot.

The article of V.V. Zverev, dedicated to the book of V.P. Buldakov and T.G. Leontieva «The war that gave birth to the revolution» (Moscow, 2015) seems quite reasonable and logical for publishing in this issue. In the review under the eloquent and at the same time paradoxical title «Non-Anniversary Book», the author notes the non-triviality of approaches, the synthesis of traditional and modern scientific and historical methods that allowed carrying out the anthropological reconstruction of the very essence of the events. There is particularly stressed the use of the theory of the resentment (the inherently accumulating aggressiveness within the «progressing» society), which enabled the authors to show the psychoemotional origins of the social explosion reinforced in Russia by the heterogeneity of the cultures of the «top» and «bottom».

In the section «Russia on the Road to Revolution» there is published M.V. Oskin's article, devoted to the problem of the state food policy during the First World War. The author considers the activities of the Ministry of Agriculture and notes that in the difficult times of the war it was able to provide the army with food and prevent famine in the rear. Besides, on the factual material the author confirms the generally accepted conclusion that it was the failures of the state authorities in carrying out the surplus-appropriation

земледелия и отметив, что в нелегких условиях войны оно сумело обеспечить армию продуктами питания и не допустить голода в тылу, автор вместе с тем на фактическом материале подтвердил общепризнанный вывод о том, что именно неудачи государственной власти в проведении продразверстки вызвали продовольственный кризис, спровоцировавший начало Февральской революции.

Е.А. Котеленец и М.О. Сергеева реконструировали восприятие событий 1917 г. российской творческой интеллигенцией. Изучив дневники и мемуары таких творцов русской культуры, как И.А. Бунин, Н.А. Бердяев, М. Горький и др., авторы показали изменения отношения представителей интеллигенции к революции. Ожидая и даже подготавливая ее, с восторгом встретив в феврале 1917 г. наступление «зари свободы», они в своем большинстве осудили приход «восставшего хама», связав с октябрьским переворотом крушение надежд на европейское развитие России. Воспоминания представителей творческой интеллигенции Серебряного века, как показано в статье, отразили не только их субъективное видение и понимание великих исторических событий, но боль и раздумья о судьбах страны.

В оригинальной статье О.С. Поршневой рассматриваются мемуары военного атташе Великобритании в России Альфреда Нокса, бывшего свидетелем событий 1914–1917 гг. Особого внимания заслуживает проведенный анализ истолкования Ноксом саморефлексии русских людей, зафиксированного им формирования поли-

tion that caused the food crisis, which provoked the beginning of the February revolution.

E.A. Kotelenets and M.O. Sergeeva reconstructed the Russian creative intelligentsia's perception of the events of 1917. Having studied the diaries and memoirs of such creators of the Russian culture as I.A. Bunin, N.A. Berdyayev, M. Gorky, and others, the authors showed the changes in the attitude of the intelligentsia towards the revolution. Expecting and even preparing it, enthusiastically greeting the «dawn of freedom» in February 1917, most of them condemned the arrival of the «insurgent cad», linking the collapse of hopes for the European development of Russia with the October coup. As shown in the article, the memories of the representatives of the Silver Age creative intelligentsia reflected not only their subjective vision and understanding of the great historical events, but also the pain and reflections on the fate of the country.

In the original article of O.S. Porshneva there are considered the memoirs of the British military attaché in Russia Alfred Knox, who witnessed the events of 1914–1917. Special attention should be paid to the analysis of Knox's interpretation of the self-reflection of Russian people, the formation of the political cult of the people as the source of the highest legitimacy, which became one of the bases of the Bolsheviks' claims to power. At the same time, the author paid attention to the fact that the military attaché most of all worried about the state of the Russian army, its ability to fulfil its allied duty in the conditions of the political destabilization. As the re-

тического культа народа как источника высшей легитимности, ставшего одной из основ притязаний большевиков на власть. Вместе с тем автор обратил внимание на то, что военного атташе более всего волновало состояние русской армии, ее способность в условиях политической дестабилизации выполнить свой союзнический долг. В этом, как справедливо заметила исследовательница, проявился «колониальный дискурс» восприятия переломных для России событий и, можно добавить, имперский эгоизм и злорадство по отношению к старому врагу.

В.В. Лебедев в своей статье, помещенной в разделе «Революция и мир», на основании японских источников пришел к выводу о том, что идеи Октябрьской революции открыли для корейского движения за независимость альтернативу потерпевшей крушение национал-буржуазной программе «обретения независимости посредством дипломатии». Сохранив дух Первомайского движения 1919 г., они заложили фундамент для нового поколения революционеров, которое сыграет свою роль в корейских событиях 1945–1953 гг.

Завершает специальный выпуск эмоционально написанная статья В.Э. Багдасяряна и С.И. Реснянского, сконцентрировавших свое внимание на современных идеологических интерпретациях революции 1917 г. Авторы, исследовав исторический нарратив, охватывающий революционные события в России, выявили идеологические основы и политический контекст их освещения, определили пять распространяемых в обще-

searcher rightly remarks, in this there was manifested the “colonial discourse” of the perception of the events that were crucial for Russia, and, one can add, imperial egoism and *shadenfreude* towards the old enemy.

In the section “Revolution and World” in the article on the basis of the Japanese sources, V.V. Lebedev came to the conclusion that the ideas of the October Revolution opened for the Korean independence movement an alternative to the national-bourgeois program of “gaining independence through diplomacy” which failed. Retaining the spirit of the March 1st movement of 1919, they laid the foundation for a new generation of revolutionaries, which will play its role in the Korean events of 1945–1953.

The emotionally written article of V.E. Baghdasaryan and S.I. Resniansky is focused on the modern ideological interpretations of the 1917 Russian Revolution. Having studied the historical narrative covering the revolutionary events in Russia, the authors revealed the ideological foundations and the political context of their coverage, defined the five ideologemes disseminated in the public consciousness. They conducted their thorough analysis, believing that the criticism of the Soviet project is based on an implicit anti-Russian orientation. There are shown the cognitive and political consequences of particular interpretation models. Thus, the authors consider in great detail the ideologeme “about freedom stolen by October”, dwell on the interpretations of the Russian revolution as a new Russian riot and the modification of imperialism. Not all judgments of the authors can be

ственном сознании идеологом, провели их тщательный анализ, считая, что критика советского проекта имеет в своей основе имплицитную антироссийскую направленность. Показаны когнитивные и политические последствия той или иной интерпретационной модели. Так, весьма подробно авторы рассмотрели идеологему «об украденной Октябрем свободе», остановились на трактовках Российской революции как новой русской смуты и модификации империализма. Не все суждения авторов могут быть безоговорочно приняты, но их отличает аргументированность и четко выраженная патриотическая направленность.

Подготовленный тематический номер журнала «Вестник РУДН. Серия: История России» отвечает потребностям общества в расширении знаний о Российской революции, отличается широтой тематики, разнообразием мнений, дискуссионным характером и освещением как глобальных, так и частных проблем событий 1917 г. в России.

unconditionally accepted, but they are distinguished by argumentativeness and clearly expressed patriotic orientation.

The prepared thematic issue of the “RUDN Journal of Russian History” meets the needs of the society in expanding knowledge of the Russian revolution; it is distinguished by its breadth of topics, diversity of opinions, the controversial nature and coverage of both global and particular problems of the events of 1917 in Russia.



УДК 94(47).084.1

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-153-173

К ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ОТРЕЧЕНИЕ ЦАРЯ ИЛИ ВОССТАНИЕ МАСС?

В.П. Булдаков

Институт российской истории Российской Академии Наук
Москва, Россия, kuroneko@list.ru

В статье показано, что в 1917 г. царская власть развалилась скорее в силу внутренних неурядиц, нежели была свергнута вооруженным народом. Решающую роль при этом сыграло всеобщее представление о полной недееспособности Николая II. Недовольство слабой властью повлекло за собой стихийный бунт, не встретивший должного сопротивления со стороны властей. Вслед за тем избавление от Романовых вызвало восторг во всех слоях общества.

Ключевые слова: Россия, системный кризис, революция, образы власти, Николай II, психология власти, психология масс

Введение. Легкостью, с которой произошла гибель 300-летней династии, не устаешь поражаться. Император, словно со вздохом облегчения, «сдал» корону неведомо кому. Общественность, со своей стороны, повела себя так, как будто избавилась от какой-то жуткой напасти.

Хотя события, связанные с отречением Николая II, многократно описаны, остается неясным, что предопределило исход события: слабость власти или сила общественного недовольства? Недостаточно изучен и вопрос о том, как реагировали на это событие в различных слоях общества. Все это заметно осложняет понимание природы российской революционности, а следовательно, причин прихода к власти большевиков. В связи с этим стоит более пристально взглянуть в морально-психологическое состояние высшей власти и психосоциальное состояние масс до и после ее падения.

Исследование проблемы. Писатель В.В. Розанов, человек более чем законопослушный, попытался осмыслить вопрос о «виновности» императора. «Царь бывший, может быть, думает с удивлением: “Я был со всеми любезен, чего же от меня хотели?”... Увы, это совсем не то, что нужно, – писал Розанов. – “Любезностей” история не требует». И потому он обвинял Николая II: «“Потеря царства”... самое есть ужасное преступление», особенно, когда оно

«крушится по внутренним причинам, от неумения править, от произвола, от безумных допущенных злоупотреблений...» [1, с. 518].

Вероятно, со временем Розанов изменил свое мнение: «жалость к падшему» сдерживала, ужасы революции затмевали «преступления самодержавия». В сущности, сходным образом настроены многие современные историки.

То, что Николай II тяготился властью, не вызывало сомнений – об этом по своему свидетельствует и галерея его живописных портретов. Конечно, наибольшее впечатление производит работа В. Серова. Здесь мы видим, между прочим, обаятельного, странновато задумчивого человека, вовсе не похожего на «хозяина Земли Русской» (как он представился в анкете Всероссийской переписи 1897 г.). Точно так же его многочисленные парадные портреты далеки от образа повелителя 1/6 земного пространства. Обычно Николай II предстает красивым, даже импозантным, но начисто лишенным *имперской энергетики* «царем». Наиболее откровенно «заземленное» впечатление от него выразил Б. Кустодиев: «ярмарочный» царь словно подклеен к лубочному изображению Кремля. Он вроде бы изоморфен колориту старины, однако его тревожно ослабленная мысль словно отчуждена от действительности.

Интересны воспоминания Кустодиева об общении с императором: «Беседовали по искусству <...> Просветить его не удалось, – сетовал художник, – безнадежен, увы...». Оказалось, что Николай II любит старину, а «все новшества и импрессионизм смешивает с революцией» [Цит. по: 2, с. 148].

Проницательный глаз художника не подвел: Николай II словно не к месту восстал из далекого – соответственно им приукрашиваемого – прошлого. Он не принимал непонятных ему лично инноваций. Этот человек словно замкнулся в своей скорлупе. Он был не просто пассивен, а внутренне *равнодушен* к действительности.

Документы и свидетельства подтверждают, что Николай II тяготился не только текущей работой, но и своей «должностью». Для правителей такое не редкость. Но его предшественники умели пересилить себя: Александр II вошел в историю как царь-реформатор. Дневники его правнука впечатляют совсем другим: он любил помногу гулять и стрелять ворон.

Интересно, что при этом царь старался казаться «военным» человеком. В этом, однако, проглядывало нечто скорее мальчишеское, нежели царское. Историк Б. Никольский, убежденный монархист, а потому остро ощущавший несоответствие царя той маске, которой он пытался прикрыть свою немощь, именовал его уничижительно – «полковник» [См.: 3, с. 196, 220, 232]. Но этот человек интересовался преимущественно *декоративной* стороной армейской жизни.

Интересно, что он требовал, чтобы все члены великокняжеской семьи непременно посвятили себя военной службе. Аргументов относительно склонностей к иному поприщу он не принимал. Царь словно ощущал себя обреченным «на службу» самодержцем. Как бы охраняя свою тягостную прерогати-

ву, он резко реагировал на любую попытку родственников повлиять на дела управления империей.

«Государственный здравый смысл был в нем затемнен эмоциональными комплексами», – считал великий князь Александр Михайлович, отмечая, что «большая часть его поступков была неразрешимой загадкой для каждого, кто не был знаком со всеми обстоятельствами его детства, воспитания и первых лет его царствования»¹. Николай II так и не овладел приемами «царского ремесла», вероятно, считая их излишними для «помазанника Божия» [4, с. 34, 67, 68–69]. «Государь и императрица погрязли в мистицизме, – уверял в 1907 г. С. Ю. Витте, – до сих пор занимаются спиритизмом и применяют даже к суждению о политике какие-то религиозно-мистические методы, веря в чудеса, в Божественное предопределение, в таинственное предназначение тех или иных лиц и имен совершить какие-то дела, основать гармонию душ» [См.: 5, с. 558; 6, с. 113].

В великокняжеском окружении считали, что виной всему психический надлом, определивший судьбу династии. Как известно, император и его младший брат были воспитаны венценосными родителями настолько жестко, что они выросли бесхарактерными существами. Вероятно, сказалась и неожиданная смерть отца, оставившая Николая II наедине с пугающей короной и неожиданностями грядущего XX в. Внутренняя неуверенность соединилась с управленческой неопытностью и отсутствием необходимого образования². Отсюда «странности» поведения: «любезно» провожая министра, царь на следующий день мог подписать указ о его отставке. Определяющей константой поведения императора стало своего рода неуверенное упрямство. Но царь, как подмечали многие, все же «старался». Однако пытаться *быть* самодержцем – безнадежное занятие: любая имитация рано или поздно откроется. Даже самый искусный «имитатор» не способен вести себя как природный «король-чудотворец» [7]. А люди, между прочим, в беспокойные времена особенно склонны ожидать от власти «чуда».

«Надо уметь играть царя, – писал Ф.И. Шаляпин. – ...Шекспировского размаха его роль... Если же природа сделала, меня, царя, человеком маленького роста... я должен найти тон, создать себе атмосферу – именно такую, в которой я, маленький и горбатый, производил бы такое же впечатление, как произвел бы большой и величественный царь». Если это не удалось – провал: «Горит империя» [8, с. 154]. У Николая II исполнение роли царя не заладилось. Это становилось все более заметным. «Нервозность его ужасна» – отмечал Б. Никольский. – ...Ни одного спокойного движения, ни одного спокойного жеста... Глаза, напротив, робкие, кроткие, добрые и жалкие...

¹ Александр Михайлович [Романов], вел. кн. Царская фамилия // Иллюстрированная Россия. 1933. № 3 (401). С. 6.

² Александр Михайлович [Романов], вел. кн. Царская фамилия // Иллюстрированная Россия. 1933. № 3 (401). С. 1; № 7 (407). С. 1.

Портреты совершенно не дают о нем представления... Точно какая-то непосильная ноша на хилого работника и он неуверенно, шатко, тревожно ее несет». К последним словам Никольский было добавил: «точно он сейчас развалится», но, передумав, зачеркнул [3, с. 47] – сказала верноподданническая политкорректность.

Не следовало слишком пристально вглядываться в фигуру императора – это было чревато разочарованием. Но именно это происходило.

От правителя в России всегда ждали слишком многого. А потому бессилие власти вызывало поистине иррациональное смятение [9, с. 53–63]. «Наши сограждане... совершенно растерялись, – писал монархист Л.А. Тихомиров. – В ужасе они не знают, где искать спасения... Теперь же все кругом рассыпается...». Тихомиров преувеличивал – сказывалась обычная пугливость интеллигентного обывателя. Он был прав в другом: «...Когда человека охватывает безумный страх перед жизнью, все его нравственные устои неизбежно расшатываются» [10, с. 112]. И эта социальная тенденция неуклонно подогревалась «странными» поступками императора.

В августе 1915 г. министры *incorpore* высказали свое неодобрение акту смещения царем великого князя Николая Николаевича с поста верховного главнокомандующего [11, с. 9–10], человека популярного в армии именно своей «крутостью». Пыталась отговорить императора от этого шага даже мать, опасавшаяся, что это свяжут с влиянием Распутина¹. Широкой общественности было ясно, что Николай II скомпрометирует на этом посту не только себя, но и самодержавный принцип.

Уже в годы Первой русской революции появилась песня «Царь наш с виду жидок», в основе которой, по мнению специалистов, лежала сатирическая песня декабристов «Царь наш немец прусский» [12, с. 175]. Образу императора, считавшегося человеком военным, такие сравнения особенно вредили. Не случайно после поражений в русско-японской войне некоторые крестьяне стали поносить Николая II площадной бранью. С 1907 г. они все чаще спьяну именовали царя «собакой», «душегубом», «извергом», «живодером», умеющим лишь «кровь нашу пить, да шкуру лупить». Раздавались призывы физически уничтожить не только его, но и «весь царствующий дом», причем это делалось вовсе не под влиянием внешней агитации [См.: 13, с. 185, 187, 190; 14, с. 309–312]. Похоже, люди разуверились в возможности справедливого властвования при Николае II.

Вступление империи в большую войну требовало духовного сплочения народа вокруг самодержца. Николаю II предстояло соответственно «вырасти» в глазах подданных. Между тем в обществе считали, что «ни по своей натуре, ни по характеру, ни по наклонностям, ни даже по внешней манере он совершенно не подходил к той диктаторской роли, которую должен был играть Русский Монарх во время войны» [15, с. 87]. Российский патриотизм, фоку-

¹ Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005. С. 89.

сирующийся на фигуре верховного правителя, становился все более зыбким. В десакрализации власти сыграла немалую роль и волна шпиономании, замкнувшейся на фигуре императрицы-«немки» [См.: 16].

До некоторых пор участвовавшие поношения царя носили экспрессивно-ситуационный характер. «Царь дурак, сукин сын», – заявляла, к примеру, в январе 1915 г. орловская крестьянка, обиженная несправедливым распределением пособий для семей мобилизованных¹. Однако количество подобных инвектив грозило перерасти в негативное представление о царе. В июне 1915 г. один солдат писал в Пензенскую губернию: «...А не лучше ли заставить воевать того самого Николашку, чтобы даром наша кровь не пропадала, которую он до сих пор пил...» [Цит. по: 17, с. 416]. Вслед за тем слова о «предательском» и «шпионском» окружении царя стали повторяться во всех слоях общества [18, с. 26].

Николай II боялся негативной информации о состоянии дел в империи. Адмирал Д.Н. Ненюков, удостоившийся аудиенции у царя, сразу же почувствовал, что не может сказать ему всей правды, ибо «это означало бы обвинение целого ряда лиц и притом виновных не в злоумышлении, а вследствие недостатков всей системы управления, от которой страдала Россия». Вместе с тем адмирал был «совершенно очарован... ласковым обращением» императора². Фетишизация власти и личности верховного правителя у известного круга лиц все же сохранялась – сказывалась подспудное влияние традиции.

Однако образ власти докончили антидинастические слухи. Им уже нечего было противопоставить. В 1915 г. С.Д. Сазонов так отвечал на вопросы о Распутине: «...То, что о нем говорят, абсолютная ерунда... Его Государь не переносит и послал бы к чертовой матери, если бы он попробовал вмешаться в политику и военные дела... Нужно бы сослать Распутина и всю эту камарилью на Сахалин. Но никто ничего не делает» [19, с. 128]. Но люди верили слухам, а не отставным министрам. При этом обвиняли и действующих министров, которые «губят вымирающую династию, захватив ее гнилые похоти, слабости, неврастенические порывания и пристрастия» [3, с. 245].

Во второй половине 1916 г. либеральная пресса сумела навязать массовому сознанию нехитрые, а потому доходчивые домыслы: «Распутин назначает министров»; «Государыня – немка и находится в тайной связи с Вильгельмом»; «Войну ведут царица и Распутин, а Николай II делает все, что они ему говорят» [18, с. 15–17; 17, с. 414–416]. Люди образованные недоумевали, в низах злословили на кабацкий манер: «Царь с егорием, а царица с Григорием». Всему этому потворствовали и те, кто окружал престол³. Что до простого народа, то он, вероятно, все больше недоумевал: «Как царь такое похабство у себя в доме терпит?» [28 с. 103–104, 110–111]. Подозрение, что теперь вся-

¹ Государственный архив Орловской области (ГА ОО). Ф. 714. Оп. 1. Д. 1271. Л. 1.

² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 531. Л. 31.

³ Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы), М., 2005. С. 90.

кий мужик может «иметь» все царство, довершило дело – соответствующие шутки пользовались особой популярностью [21, с. 37]. Справедливы они или нет, уже не имело значения.

Либеральное общество реагировало на происходящее у трона все острее. Осенью 1915 г. историк А.Н. Савин писал в дневнике: «Ведь это дом умалишенных, и этот желтый дом в самую трагическую полосу русской истории управляет страной» [Цит. по: 21, с. 60]. Лидер октябристов А.И. Гучков писал в августе 1916 г. генералу М.В. Алексееву о «слабой, дрянной, слякотной власти» [Цит. по: 23, с. 15]. Иные монархисты характеризовали правительство как «безумное собрание глупых, трусливых, бездарных и ничтожных людей» [3, с. 275]. Список подобных отзывов можно продолжать до бесконечности. Конечно, люди сгущали краски. Тем не менее, в конце октября 1916 г. М.В. Алексеев – формально правая рука императора – заговорил о желании уйти с должности начальника штаба Верховного главнокомандующего. «Ничего нельзя сделать, ничем нельзя помочь делу. Ну что можно сделать с этим ребенком! – говорил он об императоре. – Пляшет над пропастью и... спокоен. Государством же правит безумная женщина, а около нее клубок грязных червей» [24, с. 201]. Не удивительно, что в ноябре 1916 г. лидер кадетов П.Н. Милюков задал с думской трибуны риторический, в сущности, вопрос: «Что это: глупость или измена?».

Некоторые считают, что «знаменитая» речь Милюкова положила начало революции. «Читал речи Милюкова и Шульгина, – писал иркутский журналист. – В этих речах как бы воплотился ужас современной русской жизни» [25, с. 282]. Великий князь Александр Михайлович предупреждал царя: «...Мы являемся свидетелями того, как само правительство поощряет революцию», ибо «никто другой революции не хочет». Он считал, что «грядущая русская революция 1917 года явится прямым продуктом усилий... правительства». Впервые случится невероятное: «Революция будет произведена не снизу, а сверху...»¹.

Великий князь был не вполне прав: оппозиционные настроения элит отнюдь не вызвали адекватной реакции в *массах*. В низах действовали иные – «эмоциональные», а не политические – законы. В народе и без того уже записали Николая II в разряд негодных правителей. Для того, чтобы царь «слиял», важнее было именно это, а не «заговоры» политиков.

Сегодня довольно трудно усвоить, что в феврале 1917 г. монархию практически никто *не свергал*. Николай II даже не пытался цепляться за власть. Он ушел, воображая, что кругом «измена, трусость, обман». Так мог думать «обиженный» человек, тяготившийся навязанной ему ролью, однако пытавшийся «тянуть лямку».

¹ Александр Михайлович [Романов], вел. кн. Царская фамилия // Иллюстрированная Россия. 1933. № 7 (405). С. 5.

Из непонимания этого и вырастают конспирологические теории, порой подверстанные под современную политику [26, с. 474–550; 27]. Убедить простого читателя в достоверности любой «заговорщической» версии нетрудно. Достаточно подобрать некоторые туманные факты, намеки, обмолвки, исходящие от запутавшихся современников, навязать им понятные современнику взаимосвязи, и получится «убедительная» для наивных людей картина. Все это уже было.

Известно, что накануне революции Россия буквально кишела слухами о всевозможных заговорах [28, с. 117–118]. И их по-своему – чаще невольно – использовали уже тогда. После убийства Распутина даже В.И. Ленин (отнюдь не склонный верить в могущество «темных сил») заявил, что Февральская революция – это «результат заговора английского и французского посольств», поддержанного Гучковым, Милюковым и генералитетом, «чтобы не дать Николаю II заключить сепаратный мир» [29, с. 16]. А потому не стоит гадать, чьи домыслы столетней давности возьмут на вооружение «конспирологи» – к реальной истории это не имеет никакого отношения.

Соблазн «рациональных» объяснений в историографии (не говоря уже о массовом историческом сознании) настолько велик, что ему поддаются даже серьезные авторы [30]. Центральной фигурой, конечно, оказывается А.И. Гучков, имевший обширные связи и с генералами, и с промышленниками [31, с. 104, 105, 109, 110, 182, 183, 186, 193, 196, 201]. Между тем сам он после Февраля от подобной чести отказывался: «Этот переворот – был подготовлен не теми, кто его сделал, а теми, против которых он был направлен. Заговорщиками были не мы, русское общество и русский народ, заговорщиками были представители самой власти» [28, с. 118]. Человек склонен «проговариваться» в экстремальных обстоятельствах. Не случайно этот весьма импульсивный человек в начале августа 1917 г. сообщил следственной комиссии Временного правительства нечто иное: к концу 1916 г. якобы уже был разработан план государственного переворота¹. Что же помешало в свое время Гучкову: только ли неожиданная болезнь? А может, все ограничилось привычными для того времени разговорами то ли о заговоре, то ли о перевороте? Конечно, в эмиграции Гучков постарался напустить туману на свои былые замыслы и деяния². Причины этого можно понять. Но стоило ли из мутной информации, поставляемой мемуаристами в порядке самоутверждения, выстраивать картину того, чего не могло быть? Настоящие заговорщики действуют, а не болтают. Но этого никак не понять «просветителям» параноидального склада.

Всякий человек склонен – имплицитно и даже эксплицитно – навязывать событиям былых лет логику современности. И чем «непрозрачнее» прошлое, тем заметнее соблазн сделать «открытие». Разумеется, лучше всего это уда-

¹ Падение царского режима. Т. 6. М.; Л., 1926. С. 277, 279.

² См.: Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.

ется людям, не отягощенным профессиональной подготовкой, или шарлатанам, рассчитывающим на «простака». В данном случае их работа облегчается тем, что элитам, вознесенным к власти в феврале – марте 1917 г., необходимо было подчеркнуть свою «решающую» роль в событиях и продемонстрировать «единение» с народом. К реальной истории с ее сложными нелинейными взаимозависимостями все это никакого отношения не имеет.

Чем объясняется склонность к подобному мифотворчеству, которой не избежал даже «позитивист» П. Н. Милюков, открывший на старости лет «масонскую» тему? Дело в том, что практически вся современная историография русской революции по-прежнему исходит из парадигмы эпохи Просвещения. События 1917 г. в России представляется продолжением буржуазных революций прошлого. Но почему бы не вспомнить об эндогенном происхождении кризисного ритма российской истории [32]?

Известно, что ни одну проблему нельзя решить на том уровне, на котором она возникла. В наше время стоило бы усвоить, что история вовсе не носит одномерного линейно-поступательного характера. Она скорее *циклична*, что связано с относительной неизменности свойств человеческой природы (о чем, кстати, писал еще Фукидид). И тяготение к «бесполезной» повторяемости связано со степенью втянутости в разрушение старого «непросвещенных» масс, мыслящих образами утраченного прошлого.

Прежде всего, следовало бы разобраться, что представляла собой «николаевская» Россия, который суждено было столько «неожиданно» развалиться в феврале 1917 г.? И почему нечто подобное повторилось, между прочим, в 1991 г.?

Российскую империю, последним императором которой суждено было стать «несчастному» Николаю II, можно представить как сложноорганизованную – *устойчиво неравновесную* – систему авторитарно-патерналистского типа. Это означает, что ее исторический баланс задавался главным образом *самодержавной* властью. Такая система вовсе не столь однозначно застойна, хотя в целом она настроена на *самосохранение*, если угодно, но «самоодернизацию», но никак на инновационность. В принципе такая система способна на мощные мобилизационные усилия, особенно при условии, что по каналам обратной связи народ оперативно откликнется на всеобщую опасность. Система может обеспечить *псевдомодернизационный* рывок, инициируемый высшей властью при эффективно работающем «приказном» аппарате. Даже в условиях растущей бюрократизации системы возможен спонтанный экономический и модернизационный рост, если социальная среда достаточно пассионарна, а предпринимательская инициатива не слишком скована запретами. Однако в целом система все же тяготеет *застойному* существованию, что делает ее уязвимой перед внезапными вызовами извне.

В России слишком многое связано с личностью правителя. Николай II был поистине роковым человеком, оказавшимся в роковых обстоятельствах – не только российских, но и мировых. Невиданный демографический взрыв,

спонтанные миграционные процессы и неупорядоченная урбанизация, нарушение гендерного равновесия, глубинный рост ресентиментной напряженности, всплески антиправительственного терроризма – все это в условиях невиданной информационной революции закономерно привело к мировой войне. В России к этому добавилось катастрофичное аграрное перенаселение в центре страны, обернувшееся начавшейся еще в 1902 г. крестьянской революцией, апофеоз которой пришелся на 1905–1906 гг.¹ [33; 34, с. 10, 15, 17, 177]. От иллюзий «соборного» существования не осталось и следа.

Очевидно, что в таких условиях власть должна была работать на опережение вызовов времени, то есть взять на себя планирование масштабных инноваций и раскрепощения творческих сил народа. Николай II поступал с точностью до наоборот. Он ориентировался на привычный «застой», для иного у него не находилось ни умственных, ни духовных сил, ни волевых качеств. Все делалось для сдерживания недоумевающих элит и нетерпеливого народа. В сущности, император отвернулся от реальных проблем России. «Батюшка-царь» жил прошлым, пассивно уповая на «волю Божью». Он внутренне готов был к отречению от власти, что и обусловило столь успешный «переворот».

Система была давно «разбалансирована», действовал механизм неуклонно вызревавшего системного кризиса [35, с. 75–105; 36]. Так называемая интеллектуальная революция была лишь видимой и потому наиболее заметной его частью [36, с. 33, 43]. Фактически империя оказалась во власти так называемого экстраординарного роста малых возмущений. Симптомы соответствующего «бунташного» развития событий обнаружились уже в годы Первой мировой войны [28, с. 52–54, 69–70; 34, с. 296–300]. Слабеющее «самодержавие» могло погубить все, что угодно, – отсюда и обилие ожидания «заговоров», «дворцовых переворотов», «народных революций». Экстремальные события «переворачивают» и без того возбужденное народное сознание: неслучайно уже в 1915 г. «феминизированный» тип волнений распространился на всю империю [38, с. 92]. Вместе с тем великие события, не предусмотренные историческим опытом, парализуют когнитивные возможности даже профессиональных историков [39; 40]. Остается надеяться на редкие «подсказки» немногих догадливых современников.

«Революции не было, – писал в дневнике московский литературовед Н.М. Мендельсон, – самодержавие никто не свергал. А было вот что: огромный организм, сверхчеловек, именуемый Россией, заболел каким-то сверхсифилисом. Отгнила голова – говорят: “Мы свергли самодержавие!” Вранье: отгнила голова и отвалилась» [Цит. по: 41, с. 503]. «Все сооружение рассыпалось, – отмечал архитектор А. Щусев в письме художнику А. Бенуа, – как-то даже без облака пыли и очень быстро» [42, с. 68]. Самодержавие рухнуло в результате «саморазложения» – прежде всего морального. Даже Ленин удивлялся: «Царская монархия развалилась в несколько дней» [29, с. 11].

¹ См.: Крестьянская революция в России. 1902–1922. М., 1994.

«Русь слиняла в два дня, – изумлялся В.В. Розанов. – Самое большее – в три» [43, с. 6–7]. Увы, современникам было чему поражаться.

Между прочим, всякая точная дата революции – всего лишь символ, связанный с *воображаемой* точкой бифуркации. Подлинная революция разворачивается вслед за ней. Для России было характерно, что мартовское отречение царя, трансформировавшееся в массовом сознании в победоносный «переворот», было лишь видимым фасадом подлинной народной революции. Увы, внешняя сторона явления всегда впечатляет больше – отсюда и нежелание проникнуть в суть происходящего.

Словно в насмешку над саморазвалившейся властью Николаю II было позволено вернуться в Ставку после отречения. К его уходу была внутренне готова буквально вся Россия. Даже бывшие приближенные сторонились монарха. Великий князь Кирилл Владимирович заявил газетчикам: «Мой дворник и я – одинаково видели, что со старым правительством Россия потеряет все и в тылу, и на фронте. Не видела этого только царствовавшая семья»¹. Похоже, он считал, что предать «предателя России» – дело святое.

Впрочем, старая власть вызывала достаточно широкий спектр эмоций. Офицеры и генералы были довольны отречением – это избавляло их от присяги императору. Тем, кто служил царю с показной преданностью, приходилось непросто. Генерал А.Е. Снесарев записывал в дневнике: «Брусилов угождает всюю... Жена говорит, что он всегда был “социал-демократом”». А на фронте Брусилов лебезил перед Керенским и размахивал красным флагом [44, с. 354, 422, 435, 438]. Потеря привычных властных ориентиров повлекла за собой появление всевозможных перевертышей. О генерале А.А. Цурикове, командующем 6-й армией, писали, что он «оказался вдруг величайшим революционером... и не щадил слов в обличении старого режима»². Супруга помощника челябинского полицмейстера 14 марта уведомила М.В. Родзянко, что она и муж «радовались новому строю», однако удивлялась: почему-то теперь ему не выдают жалования. «Чем виноваты мы, что раньше существовало правительство во главе с царем?... – недоумевала она. – Мы будем честно и преданно служить новому правительству...» [45, с. 180].

В канцелярии Керенского скопилась масса писем великих князей, клявшихся в верности министру юстиции и даже обещавших выделить любую сумму на сооружение памятника замученных царизмом декабристам. Идея монархии, считал А. Бенуа, «целиком *выдохлась, опустошилась*». «Приближенные царские давно уже, как карамельку, иссосали царя и оставили народу только бумажку», – писал М. Пришвин [См.: 46, 275–276; 47, с. 80]. Отсюда и легкость, с которой народ воспринял исчезновение 300-летней династии.

Атмосфера первых дней после победы Февральской революции запечатлелась в истории всеобщим ликованием, всепрощенчеством и митинговой

¹ Киевская мысль. 1917. 10 марта.

² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 534. Л. 52.

стихий. От монархического наследия отказывались повсеместно. Произошедшее восприняли как чудо. Нежданную свободу боготворили, в адрес царской семьи полился поток грязи.

«Все происшедшее меня радует, – писал А. Блок. – Произошло то, чего еще никто оценить не может, ибо таких масштабов история еще не знала» [Цит. по: 48, с. 387]. Известный футурист В. Каменский уже 5 марта в Новочеркасске читал стихи о Стеньке Разине, которые вызывали взрывы восторга [49, с. 60–61]. Художник И. Репин, некогда создавший монументальное полотно «Заседание Государственного совета», ликовал: «...Какое счастье нам выпало в жизни. Все еще не верится. Какое счастье...». Другой известный художник Е. Лансере ощущал нечто подобное: «...Поразительно хорошо и радостно на душе». А К. Петров-Водкин видел такие перспективы: «...Чудесная жизнь ожидает нашу родину и неузнаваемо хорош станет народ – хозяин земли русской» [Цит. по: 50, с. 9–10]. И. Грабарь 27 марта писал брату: «Уж если когда-нибудь что-нибудь можно будет сделать, то только теперь и только в России. Просто живешь точно во сне и переживаешь одну сказку за другой... Теперь живется так радостно и хочется так много сделать, что голова кружится...» [51, с. 319].

А один немолодой крестьянин сочинил такие бесхитростные строки: «В этот год у нас случился на Руси переворот / Рухнул-пал самодержавный строй Романова-царя, / Занялась святой свободы долгожданная заря» [53, с. 497]. Возникло ощущение «красного чуда»: «Красные флаги, красные банты, / Красные песни, красные речи... / Красные люди, красное дело / Дружно свершили. Пал Безобразник (Николай II – В.Б.)». Люди словно состязались в поношении царя [36, с. 603–604]. Увы, царь, действительно, «пал» в глазах населения – прежде всего морально – задолго до февраля 1917 г.

Но ожидаемая революция не приходит никогда – отсюда робкие скептические ноты. Л. Андреев представлял ситуацию по-своему. «Родзянки во весь бабий голос тоскуют о царе..., – отмечал он 2 марта. – И их мечта, неосуществимая, как все мечты идиотов: подчистив, вернуть Николая и сделать простенькое министерство из родзянок и милюковых. Для этого было землетрясение! И даже чтобы Николай прошел с красным флагом, они согласны. Ходят же жандармы с красными флагами» [54, с. 30].

Тем временем в Петрограде «сжигали “всю птицу” – романовские гербы». Некоторые возражали: «Сжигая всю птицу, мы отрекаемся от всей России» [55, с. 99]. Их не слушали. Затем «знаковая революция» спустилась на бытовом уровне: матросы, а затем и солдаты стали избавляться от погон – символов «службы царю» [См.: 56, с. 18–33].

Революционная эйфория дошла до деревни. Кое-где под пение «Марсельезы» сносили памятники Александру II – «царю-освободителю», деду Николая II [57, с. 134–135]. На одном из волостных сходов в Уфимской губернии известие об отречении царя было встречено с «великой радостью и неописуемым восторгом» [58, 53]. А в Московской губернии решили вместо памятника

Александру II поставить памятник Льву Толстому [59, с. 442]. Толпам нужны были новые кумиры – инерция авторитаризма и патернализма в России получила революционное преломление.

Русская православная церковь почти единодушно отвернулась от своего формального главы. 4 марта члены Синода приветствовали вынос из зала заседаний царского кресла. Лишь отдельные архиереи высказались против «бунтарей»¹. Заметнее были другие. Епископ Енисейский Никон забросал Временное правительство поздравительными телеграммами, а 12 марта вступил в кадетскую партию. При этом он заявил: «В то время, когда наши герои проливали свою драгоценную кровь за Отечество... Ирод упивался вином, а Иродиада бесновалась со своим Распутиным, Протопоповым и другими пресмыкателями и блудниками»².

Епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) в проповеди утверждал, что «кончилась тяжкая, грешная эпоха в жизни нашего народа». Теперь «наступили дни чистой народной жизни, свободного народного труда; зажглась яркая звезда русского народного счастья...». А поскольку «самодержец погиб и погиб безвозвратно», то пусть «Царь небесный царствует над нами» [Цит. по: 58, с. 47]. Архиепископ Таврический Дмитрий 5 мая провозгласил: «Ныне Сам Царь небесный занял Престол Русского Царства, дабы Он Единый Всесильный был верным помощником нашим в постигшей нас великой скорби, в бедствиях, нагнанных на нас нашими бывшими руководителями государственной жизни нашей» [Цит. по: 60, с. 17].

Впрочем, некоторые солдаты недоумевали, зачем царю надо было отречься от престола: «Ну выгнал бы старых министров, Государыню, а сам бы остался». «Вот до чего привыкли видеть над собой власть, без которой, они думают, им будет хуже, – так комментировал их настроение прапорщик, отмечая, что большинство солдат было «довольно произошедшим переворотом»³. И все же возникало сомнение: «Но как без царя?» [44, с. 360]. Впрочем, со временем даже старушки, которые оплакивали царя, начинали с увлечением ходить на митинги⁴.

Все образованное общество и ранее пренебрежительно относилось к личности Николая II, а иные крестьяне «по пьяному делу» не стеснялись поносить его и царскую семью [61, с. 103–104]. Историк Б. Никольский, монархист, член Союза русского народа, еще до революции в своем дневнике на-

¹ Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост., автор предисловия и комментариев М. А. Бабкин. М., 2006. С. 293.

² Енисейская церковная нива. 1917. 31 марта.

³ «Смелым Бог владеет»: наступление Юго-Западного фронта 1916 г. глазами нижнего чина Е.В. Тумиловича // Первая мировая: взгляд из окопа / Предисл., сост. и коммент. К.А. Пахалюка. М.; СПб., 2014. С. 212.

⁴ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 483. Л. 2.

зывавший императора уничижительно – «полковник», на расправу над нимотреагировал хладнокровно: «Вот убили царя – ну и все: царство небесное, – давно ждали» [3, 420]. Правда, это случилось уже в 1918 г., когда «бывшие», истощенные голодом, впали в общественное безразличие. «Щупленького офицера (Николая II – В.Б.) не жаль, конечно, ...он давно был с мертвечинкой», – так откликнулась на расстрел царя в своем дневнике З. Гиппиус [62, с. 110]. И даже в крестьянстве – наиболее консервативном слое – плакальщиков по царю не было заметно. Теперь судьба Романовых мало кого интересовала, они казались частью навсегда ушедшей эпохи.

Конечно, немощный правитель – громадное несчастье для любой страны в кризисные времена. Особенно если он пытается действовать по заветам сильного самодержца. И единственной панацеей против безвольных глупцов и льстивых царедворцев остается общественная самодеятельность. Разумеется, если она направляется не упертыми политическими доктринами, порожденным общественной несвободой.

Возможно, для понимания «непрозрачности» русской революции в нашем столь же «непрозрачном» мире [62, с. 11, 18] требуется «другая организация разума и желаний, о которых мы можем пока мечтать» [63, с. 294]. Маркс видел в революции локомотив прогресса. В это верил и Ленин [См.: 65]. Сегодня уместнее считать, что революция – это своего рода тормоз для безрассудных модернизаций, не считающихся с «несовершенством» человеческой природы.

Выводы. Исследование психосоциальной ситуации в феврале – марте 1917 г. убеждает, что самодержавие было не столько свергнуто восставшим народом, сколько развалилось в силу внутренней недееспособности. Фактически народ лишь «добивал» обессилевшую власть. Из этого следует, что бунтарский потенциал масс еще не проявил себя в полной мере. В связи с этим последующие попытки либеральных и правосоциалистических политиков втиснуть революционный процесс в рамки формальной демократии выглядят заведомо неудачными.

© Булдаков В.П., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5881. Государственный архив Орловской области (ГА ОО). Ф. 714.

Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005.

Енисейская церковная нива. 1917. 31 марта.

Иллюстрированная Россия. 1933. № 3 (401). С. 1; № 7 (407).

Киевская мысль. 1917. 10 марта.

Крестьянская революция в России. 1902–1922. М., 1994.

Падение царского режима. Т. 6. М.; Л., 1926.

Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост., автор предисловия и комментариев М.А. Бабкин. М., 2006.

«Смелым Бог владеет»: наступление Юго-Западного фронта 1916 г. глазами нижнего чина Е.В. Тумиловича // Первая мировая: взгляд из окопа / Предисл., сост. и коммент. К.А. Пахалюка. М.; СПб., 2014.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Розанов В.В.* В чаду войны. Статьи и очерки. 1916–1918 гг. М., 2008.
- [2] *Докучаева В.Н.* Борис Кустодиев. Жизнь в творчестве. М., 1991.
- [3] *Никольский Б.В.* Дневник. 1896–1918. Т. 2. СПб., 2015.
- [4] *Гурко В.И.* Царь и царица. Париж, 1927.
- [5] *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. 1949–1911 гг. М., 1991.
- [6] *Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997.
- [7] *Блок М.* Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998.
- [8] *Шалыпин Ф.И.* Маска и душа: Мои сорок лет на театрах. М., 1990. С. 154.
- [9] *Булдаков В.П.* Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53–61.
- [10] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика // Апология Веры и Монархии. М., 1999. С. 111–121.
- [11] *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность и Первая мировая война // Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 7–37.
- [12] *Полищук Н.С.* Отражение самосознания рабочих в их песенном репертуаре // Российский пролетариат: Облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 164–180.
- [13] *Буховец О.Г.* Ментальность и социальное поведение крестьян // Менталитет и аграрное развитие России. М., 1996.
- [14] *Буховец О.Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996.
- [15] *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера: Воспоминания, впечатления, мысли о революции // *Спроге В.Э.* Записки инженера. М., 1999. С. 7–129.
- [16] *Фулер У.* Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009.
- [17] *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.
- [18] *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven and London, 1999.
- [19] *Волков-Муромцев Н.В.* Юность: От Вязьмы до Феодосии (1902–1920). М., 1997.
- [20] *Веселый А.* Россия, кровью умытая. М., 1990.
- [21] *Далин В.М.* А.Н. Савин: Nil admirari (Дневник историка) // Исторические этюды о Французской революции: Памяти В. М. Далина (к 95-летию со дня рождения). М., 1998. С. 31–69.
- [22] *Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987.

- [23] Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. М., 1996.
- [24] Серебренников И.И. Претерпев судьбы удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008.
- [25] Никонов В.А. Крушение России. 1917. М., 2011.
- [26] Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М., 2003.
- [27] Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.
- [28] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1981. Т. 31.
- [29] Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996.
- [30] Козодой В.И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск, 2015.
- [31] Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005.
- [32] Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. М.; Тамбов, 1996. С. 4–23.
- [33] Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015.
- [34] Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007.
- [35] Маслов Б. Эволюционизм как проблема революционного сознания // Русская интеллектуальная революция 1910–1930-х годов. М., 2016. С. 29–43.
- [36] Булдаков В.П. Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии // Россия и современный мир. 2001. № 2(31). С. 31–46.
- [37] Безгин В. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М., 2017. С. 92.
- [38] Булдаков В.П. Революция и гражданская война как травма исторической памяти // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2007. № 26 (54). С. 98–115.
- [39] Булдаков В.П. Революция и историческая память: Российские параметры клиотравматизма // Россия и современный мир. 2008. № 2 (59). С. 5–27.
- [40] Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М.; Владимир, 2011.
- [41] Лапшин В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983.
- [42] Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Сергиев Посад. 1917. № 1. С. 6–7.
- [43] Снесарев А.Е. Дневник: 1916–1917. М., 2014.
- [44] Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
- [45] Бенуа А.Н. Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003.
- [46] Пришвин М.М. Дневники 1914–1917. М., 1991.
- [47] Мочульский К.В. Александр Блок. Париж, 1948.
- [48] Крусанов А.В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор). В 3 т. Т. 2. Кн. 2. М., 2003.
- [49] Чегодаева М.А. России черный год. М., 1991.
- [50] Грабарь И. Письма. 1891–1917. М., 1974.
- [51] Грабарь И. Письма. 1917–1941. М., 1974.
- [52] Кругов Г.Ф. Горькая доля, или Песня о моей жизни от рождения до 45 лет // Первая мировая война в устном и письменном творчестве русского крестьянства. Новые материалы Пушкинского дома. СПб., 2014. С. 348–508.

- [53] *Андреев Л.Н. S.O.S.: Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919).* М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1994.
- [54] *Клерже Г.И. Революция и Гражданская война. Личные воспоминания.* Новосибирск, 2012.
- [55] *Колоницкий Б.И. Погоны и борьба за власть в 1917 году.* СПб., 2001.
- [56] *Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года.* СПб., 2001.
- [57] *Мордвицев Г.В. Весна 1917 года в Башкирии (хроника событий).* Уфа, 2010.
- [58] *Белюсов С.В., Сухова О.А., Юдин С.О. Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны.* Пенза, 2015.
- [59] Цит. по: *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей: Из истории гражданской войны в Крыму.* Симферополь, 1997.
- [60] *Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны.* М., 2010.
- [61] *Гиппиус З. «Черные тетради» // Звенья. Вып. 2. С. 20–173.*
- [62] *Жижек С. 13 опытов о Ленине.* М., 2003.
- [63] *Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций.* М., 2008.
- [64] *Булдаков В.П. Феномен российской революции: между мифом и реальностью // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2005. № 4. С. 24–33.*

История статьи:

Поступила в редакцию: 2 февраля 2017 г.

Принята к печати: 24 марта 2017 г.

Об авторе:

Булдаков Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Российской истории Российской Академии Наук; Адрес организации: 117036, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

**HISTORY OF RUSSIAN REVOLUTION:
ABDICATION OF TSAR OR REVOLT OF THE MASES?**

Vladimir P. Buldakov

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, kuroneko@list.ru

The article shows that in 1917 it was the internal turmoil due to which the tsarist regime collapsed so fast. The crucial role was played by the common idea of the complete incapacity of Nicholas II. The image of the weak power was reinforced by all sorts of rumours about Rasputin's influence on the government decision-making, his intimate relations with the Empress, and finally, the actions of the authorities in "the interests of Germany." On the eve of

the revolution Russia was rife with rumors of plots against the royal family. This meant that the public opinion was ready for the violent overthrow of the existing government. The dissatisfaction with the hateful government led to a spontaneous revolt, which met no serious resistance from the authorities. The disposal of the Romanovs aroused delight in the society. At the same time, the masses demanded the immediate deliverance from all the burdens of wartime. It could not provide new power. Everywhere crowds destroyed “tsarist” emblems and other attributes of the old power. Even the Russian Orthodox Church almost unanimously turned away from its formal chief. However, very soon it became clear that the political culture of the elites was at odds with the social aspirations of the people. The masses were increasingly called for the immediate solution to all vital problems – particularly to stop the war and immediately resolve the agrarian question.

The study of the psychosocial situation in February – March 1917 assures that the monarchy was not so much overthrown by the insurgent people, but collapsed due to the internal incapacity. In fact, people only made the final blow to the exhausted authorities. Hence, the rebellious potential of the masses didn’t manifest itself in full. In this regard, the subsequent attempts of the liberal and right-wing politicians to squeeze the revolutionary process into the framework of formal democracy obviously failed.

Keywords: Russia, system crisis, revolution, images of power, Nicholas II, psychology of power, mass psychology

REFERENCES

- [1] Rozanov VV. *V chadu voiny. Stat'i i ocherki. 1916–1918 gg* [In fume of war. Articles and essays 1916–1918]. Moscow; 2008 (in Russian).
- [2] Dokuchaeva VN. *Boris Kustodiev. Zhizn' v tvorchestve* [Boris Kustodiev. Life in creation]. Moscow; 1991 (in Russian).
- [3] Nikol'skii BV. *Dnevnik. 1896–1918* [Diary. 1896–1918]. St-Petersburg, 2015; 2 (in Russian).
- [4] Gurko VI. *Tsar' i tsaritsa* [Tsar and tsaritsa]. Paris; 1927 (in Russian).
- [5] Vitte SYu. *Izbrannye vospominaniya. 1949–1911 gg.* [Selected memories. 1949–1911]. Moscow; 1991 (in Russian).
- [6] Tolstoi II. *Dnevnik. 1906–1916* [Diary]. St-Petersburg, 1997 (in Russian).
- [7] Blok M. *Koroli-chudotvortsy. Ocherk predstavlenii o sverkh"estestvennom kharaktere korolevskoi vlasti, rasprostranennykh preimushchestvenno vo Frantsii i v Anglii* [The magic-working kings or The royal touch: sacred monarchy and scrofula in England and France]. Moscow; 1998 (in Russian).
- [8] Shalyapin FI. *Maska i dusha: Moi sorok let na teatrah* [Mask and soul: My forty years in theaters]. Moscow, 1990 (in Russian).
- [9] Buldakov VP. *Revolyutsiya kak problema rossiiskoi istorii* [Revolution as a problem of Russian history]. *Voprosy filosofii* [Philosophical questions]. 2009; (1): 53–61 (in Russian).
- [10] Tikhomirov LA. *Khristianstvo i politika* [Christianity and politics]. *Apologiya Very i Monarkhii* [The apology of faith and monarchy]. Moscow; 1999 (in Russian).
- [11] Ganelin RSh., Florinskii MF. *Rossiiskaya gosudarstvennost' i Pervaya mirovaya voina* [Russian statehood and the First World War]. *Fevral'skaya revolyutsiya: ot novykh is-*

- tochnikov k novomu osmysleniyu* [The February Revolution: from new sources to new comprehension]. Moscow; 1998 (in Russian).
- [12] Polishchuk NS. Otrazhenie samosoznaniya rabochikh v ikh pesennom repertuare [Reflection of workers' self-awareness in their song repertoire]. *Rossiiskii proletariat: Oblik, bor'ba, gegemoniya* [Russian proletariat: Image, struggle, hegemony]. Moscow; 1970 (in Russian).
- [13] Bukhovets OG. Mental'nost' i sotsial'noe povedenie krest'yan [Mentality and social behavior of peasant]. *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii* [Russian mental and agrarian development]. Moscow; 1996 (in Russian).
- [14] Bukhovets OG. *Sotsial'nye konflikty i krest'yanskaya mental'nost' v Rossiiskoi imperii nachala XX veka: novye materialy, metody, rezul'taty* [Social conflicts and peasant mentality in Russian Empire at the beginning of 20th century]. Moscow; 1996 (in Russian).
- [15] Kriger-Voinovskii EB. Zapiski inzhenera: Vospominaniya, vpechatleniya, mysli o revolyutsii [Engineer's memoirs: memories, impressions, thought about revolution]. Sproge VE. *Zapiski inzhenera* [Engineer's memoirs]. Moscow; 1999 (in Russian).
- [16] Fuller U. *Vnutrennii vrag: Shpionmaniya i zakat imperatorskoi Rossii* [The inner enemy: spymania and sunset of Russian Empire]. Moscow; 2009 (in Russian).
- [17] Sukhova OA. *Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya. Ocherki istorii sotsial'noi psikhologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konets XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzh'ya* [Ten myths of peasant consciousness. Historical essays of social psychology and Russian peasant mentality]. Moscow; 2008 (in Russian).
- [18] Figes O., Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*. New Haven and London; 1999.
- [19] Volkov-Muromtsev NV. *Yunost': Ot Vyaz'my do Feodosii. (1902–1920)* [The youth: from Vyazma to Feodosia]. Moscow; 1997 (in Russian).
- [20] Stankevich VB. Vospominaniya 1914–1919 gg. [Memories 1914–1919]. *Lomonosov Yu. V. Vospominaniya o martovskoi revolyutsii 1917 goda* [Memories about the March Revolution of 1917]. Moscow; 1994 (in Russian).
- [21] Veselyi A. *Rossiya, krov'yu umytaya* [Russian, washed with the blood]. Moscow; 1990 (in Russian).
- [22] Dalin VM. A.N. Savin: Nil admirari (Dnevnik istorika) [Nil admirari (historian's diary)]. *Istoricheskie etyudy o Frantsuzskoi revolyutsii: Pamyati V. M. Dalina (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Historical essays of French Revolution: tribute to V.M. Dalin (95th anniversary)]. Moscow; 1998 (in Russian).
- [23] Ioffe GZ. *Velikii Oktyabr' i epilog tsarizma* [The Great October and Tsarism epilogue]. Moscow; 1987 (in Russian).
- [24] Shavel'skii G. *Vospominaniya poslednego protopresvitera russkoi armii i flota* [Memoirs of the last protopresbyter of the Russian army and navy]. Moscow; 1996: 2 (in Russian).
- [25] Serebrennikov II. *Preterpev sud'by udary. Dnevnik 1914–1918 gg.* [Having suffered destinies. Diary 1914–1918]. Irkutsk, 2008 (in Russian).
- [26] Nikonov VA. *Krushenie Rossii. 1917.* [Russian collapse]. Moscow; 2011 (in Russian).
- [27] Airapetov OR. *Generaly, liberaly i predprinimateli: Rabota na front i na revolyutsiyu. 1907–1917* [Generals, liberalists and businessmen: work on the front and on the revolution 1907–1917]. Moscow; 2003 (in Russian).

- [28] Buldakov VP. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [The Russian Troubles of the Early 20th Century as a Community Revolution]. Moscow; 2010 (in Russian).
- [29] Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings]. Moscow: Politizdat. 1981. T. 31 (in Russian).
- [30] Senin AS. *Aleksandr Ivanovich Guchkov* [Alexander Ivanovich Guchkov]. Moscow; 1996 (in Russian).
- [31] Kozodoi VI. *Aleksandr Ivanovich Guchkov i Velikaya russkaya revolyutsiya* [Alexander Ivanovich Guchkov and the Great Russian Revolution]. Novosibirsk; 2015 (in Russian).
- [32] Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. *Istoriya Rossii: konets ili novoe nachalo?* [Russian history: the end or a new beginning?]. Moscow; 2005 (in Russian).
- [33] Danilov VP. *Krest'yanskaya revolyutsiya v Rossii. 1902–1922 gg.* [The peasant revolution in Russia 1902–1922]. *Krest'yane i vlast'* [The peasants and the power]. Moscow, Tambov, 1996 (in Russian).
- [34] Buldakov VP., Leont'eva TG. *Voina, porodivshaya revolyutsiyu* [The war, which created the revolution]. Moscow; 2015 (in Russian).
- [35] Buldakov VP. *Quo vadis? Krizisy v Rossii: puti pereosmysleniya* [Quo vadis? Crises in Russian: Ways of rethinking]. Moscow; 2007 (in Russian).
- [36] Maslov B. *Evolyutsionizm kak problema revolyutsionnogo soznaniya* [Evolutionism as a problem of revolutionary consciousness]. *Russkaya intellektual'naya revolyutsiya 1910–1930-kh godov* [Russian intellectual revolution]. Moscow; 2016 (in Russian).
- [37] Buldakov V.P. *Rossiiskie smuty i krizisy: vostrebovannost' sotsial'noi i pravovoi antropologii* [Russian times of troubles: The relevance of social and legal anthropology]. *Rossiya i sovremenniy mir* [Russia and the modern world]. 2001; (2): 31–46 (in Russian).
- [38] Bezgin V. *Povsednevnyi mir russkoi krest'yanki perioda pozdnei imperii* [The everyday life of the Russian peasant woman of the late empire]. Moscow; 2017 (in Russian).
- [39] Buldakov VP. *Revolyutsiya i grazhdanskaya voina kak travma istoricheskoi pamyati* [The Revolution and the Civil War as an injury of historical memory]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. [Herald of Tver State University. History] 2007; (26): 5–27 (in Russian).
- [40] Buldakov VP. *Revolyutsiya i istoricheskaya pamyat': Rossiiskie parametry kliotravmatizma* [The Revolution and historical memory: Russian options of cliotraumatism]. *Rossiya i sovremenniy mir*. [Russia and the modern world]. 2008; (2): 98–115 (in Russian).
- [41] Ruga V., Kokorev A. *Povsednevnyaya zhizn' Moskvy. Ocherki gorodskogo byta v period Pervoi mirovoi voiny* [Moscow everyday life. Essays of city life during the First World War]. Moscow, Vladimir, 2011 (in Russian).
- [42] Lapshin VP. *Khudozhestvennaya zhizn' Moskvy i Petrograda v 1917 godu* [Artistic life of Moscow and Petrograd in 1917]. Moscow; 1983 (in Russian).
- [43] Rozanov VV. *Apokalipsis nashego vremeni* [Apocalypse of our time]. *Sergiev Posad*. 1917; (1): 1–11 (in Russian).
- [44] Snesev AE. *Dnevnik: 1916–1917* [Diary: 1916–1917]. Moscow; 2014 (in Russian).
- [45] Narskii IV. *Zhizn' v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in disaster. Everyday life of Ural inhabitants in 1917–1922]. Moscow; 2001 (in Russian).

- [46] Benua AN. *Moi dnevnik. 1916–1917–1918* [My diary]. Moscow; 2003 (in Russian).
- [47] Prishvin MM. *Dnevnik 1914–1917* [Diaries]. Moscow; 1991 (in Russian).
- [48] Mochul'skii KV. *Aleksandr Blok*. Paris, 1948 (in Russian).
- [49] Krusanov AV. *Russkii avangard: 1907–1932 (Istoricheskii obzor)* [Russian avant-garde: 1907–1932 (Historical review)] In 3 volumes. Moscow; 2003: 2 (in Russian).
- [50] Chegodaeva M. A. *Rossii chernyi god* [Russian black year]. Moscow; 1991. S. 9–10.
- [51] Grabar' I. *Pis'ma. 1891–1917* [Letters]. Moscow; 1974 (in Russian).
- [52] Grabar' I. *Pis'ma. 1917–1941* [Letters]. Moscow; 1974 (in Russian).
- [53] Krugov GF. Gor'kaya dolya ili Pesnya o moei zhizni ot rozhdeniya do 45 let [Rough luck or song of my life since the birth until 45 years-old]. *Pervaya mirovaya voyna v ustnom i pis'mennom tvorchestve russkogo krest'yanstva. Novye materialy Pushkinskogo doma* [The First World War in oral and written creation of Russian peasants. New facts of Puskin House]. St-Petersburg, 2014 (in Russian).
- [54] Andreev LN. *S.O.S.: Dnevnik (1914–1919). Pis'ma (1917–1919). Stat'i i interv'yu (1919). Vospominaniya sovremennikov (1918–1919)* [Diary (1914–1917). Letters (1917–1919). Articles and interview (1919). Memoirs of contemporaries (1918–1919)]. Moscow, St-Petersburg: Atheneum-Feniks, 1994 (in Russian).
- [55] Klerzhe GI. *Revolutsiya i Grazhdanskaya voyna. Lichnye vospominaniya* [Revolution and the Civil War. Wild memories]. Novosibirsk, 2012 (in Russian).
- [56] Kolonitskii BI. *Pogony i bor'ba za vlast' v 1917 godu* [Epaulets and fight for the power in 1917]. St-Petersburg; 2001 (in Russian).
- [57] Kolonitskii BI. *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoi kul'tury rossiskoi revolyutsii 1917 goda* [The symbols of power and fight for power: To the study of the Russian revolution 1917]. St-Petersburg; 2001 (in Russian).
- [58] Mordvintsev GV. *Vesna 1917 goda v Bashkirii (khronika sobytii)* [The spring of 1917 in Bashkiriya]. Ufa; 2010 (in Russian).
- [59] Belousov SV., Sukhova OA., Yudin SO. *Penzenskaya guberniya v epokhu Pervoi mirovoi voiny* [Penza Province at the age of The First World War]. Penza; 2015 (in Russian).
- [60] Zarubin AG., Zarubin VG. *Bez pobeditelei: Iz istorii grazhdanskoi voiny v Krymu* [Without winners: From the history of the civil war in Crimea]. Simferopol'; 1997 (in Russian).
- [61] Kolonitskii BI. *«Tragicheskaya erotika»: Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny* [Tragic erotica: Images of the imperial family at the age of The First World War]. Moscow; 2010 (in Russian).
- [62] Gippius Z. «Chernye tetradi» [Black notebooks]. *Zven'ya*. [Elements]. Vyp. 2 (in Russian).
- [63] Zhizhek S. *13 opytov o Lenine* [13 experiments about Lenin]. Moscow; 2003 (in Russian).
- [64] Khabermas Yu. *Filosofskii diskurs o moderne. Dvenadtsat' lektsii* [Philosophical discourse about Modern. 12 lessons]. Moscow; 2008 (in Russian).
- [65] Buldakov VP. Fenomen rossiiskoi revolyutsii: mezhdu mifom i real'nost'yu [Phenomenon of Russian Revolution: between myth and reality]. *RUDN Journal of Russian History*. 2005; (4): 24–33 (in Russian).

Article history:

Submitted: 2 February 2017

Revised: 7 March 2017

Accepted: 24 March 2017

About the author:

Vladimir P. Buldakov, Dr. of History, Senior Researcher at Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences; Postal address of the organization: 19, Dm. Uliyanova Str., Moscow, 117036, Russia.



УДК 930.2

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-174-189

СМЕТЫ ГЛАВНОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О ПОДГОТОВКЕ РУССКОЙ АРМИИ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ¹

М.Г. Дубровин

Государственный академический университет гуманитарных наук
Москва, Россия, etnograf2@yandex.ru

Сметы Военного министерства Российской империи 1909–1914 гг. содержат важную информацию, касающуюся финансирования преобразований в русской армии перед Первой мировой войной. Этот вид источников не подвергался детальному изучению в исторических исследованиях. Автор предлагает обзор смет Главного артиллерийского управления Военного министерства. В статье представлен состав смет, их анализ, а также выводы применительно к проблеме реорганизации вооруженных сил России накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: Главное артиллерийское управление, военное министерство, сметы, Первая мировая война

Введение. Тема военных преобразований в Российской империи в период между Русско-японской и Первой мировой войнами (1905–1914 гг.) поднималась как в отечественной, так и в зарубежной историографии. В исследованиях авторы затрагивали различные вопросы, связанные с этой проблемой: материальное обеспечение вооруженных сил [1–3], военное планирование и управление [4–7], финансирование и реорганизация армии и экономическое положение страны в целом [8–14] и вопросы общего характера, касающиеся вооруженных сил России, относящиеся к данному периоду [15–17]. Несмотря на столь широкий круг изучаемых вопросов, в историографии практически отсутствуют исследования, в которых был бы в полной мере затронут такой комплекс финансовых документов, как Сметы Военного министерства Российской империи. Между тем этот вид исторических источников представ-

¹ При финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, задание № 33.1543.2014/К.

ляет большой интерес и может быть полезен при изучении финансирования реорганизации вооруженных сил России накануне Первой мировой войны.

Сметы либо не фигурировали в исследованиях вовсе, либо привлекались как вспомогательный материал и рассматривались постольку, поскольку это относилось к тому или иному направлению исследования, а ссылок на опубликованные сметы авторы не давали. Отдельного внимания в этом отношении заслуживает диссертация Г.В. Кожевниковой [18]. В ней к исследованию привлекается непосредственно материал сметной документации, дается его характеристика, приводится общий механизм составления смет, однако Кожевникова не подвергает источник подробному анализу, а останавливается на рассмотрении делопроизводственной стороны вопроса [18, с. 148–157]. В связи с этим изучение смет находится в общем русле ее работы и не выходит за рамки изучения «Реорганизации управления русской армии накануне Первой мировой войны».

Нет такого исследования, в котором была бы осуществлена попытка комплексного анализа материалов смет, касающихся ассигнований на военные преобразования. В связи с этим целесообразно проведение специального исследования, в котором была бы рассмотрена преимущественно информация о финансировании Военного министерства во всем ее сметном многообразии, в рамках исчислений по Главным управлениям Военного министерства.

Поражение в Русско-японской войне выявило недостатки в организационной и технической составляющих армии Российской империи. К проведению военных реформ государство приступило уже в 1905 г., но до 1909 г. они касались в основном реорганизации органов военного управления. Мероприятия по модернизации материальной части сухопутных вооруженных сил главным образом начались лишь после прихода В.А. Сухомлинова на пост военного министра в 1909 г. В связи с этим целесообразно проведение анализа смет, относящихся к периоду 1909–1914 гг., в рамках которого на предвоенные реформы отпускался наибольший объем денежных средств.

Сметы Военного министерства Российской империи представляют собой комплекс документов, относящихся к периоду середины XIX в. и до 1918 г. Для изучения процессов реорганизации русской армии накануне Первой мировой войны имеют значение сметы разных Главных управлений Военного министерства, например: сметы Главного Штаба (ГШ) и Главного управления Генерального Штаба (ГУГШ), Главного артиллерийского управления (ГАУ), Главного инженерного управления (ГИУ), Главного интендантского управления (ГИнтУ), Главного управления по Квартирному довольствию войск (ГУКваДоВ), сметы Военного министерства по чрезвычайным расходам.

Ежегодно сметная документация формировалась Военным министерством в рамках нескольких Главных управлений (для проверки контрольными органами и, в итоге, Государственной думой) и включала как общие статьи расходов, входящие в состав смет всех Главных управлений Военного министерства, например – содержание администрации, центральных и местных учреждений, –

так и специфические, которые включали статьи расходов, соответствующие специфике того или иного Главного управления. В них и содержится наибольший объем информации, касающейся реорганизационных процессов в армии. Сметы – однотипный по форме вид документов, в него входят: список сокращений, список условных кредитов, общий (краткий) перечень расходов, объяснительная записка к смете, раздел доходов, раздел расходов (с делением на параграфы) и раздел приложений.

В настоящей статье хотелось бы остановиться исключительно на Главном артиллерийском управлении, поскольку в его сметах содержится информация о денежных средствах, отпускавшихся на изготовление огнестрельного, холодного оружия и перевооружение артиллерийских частей войск, что само по себе составляет важную часть процесса реорганизации армии.

Основными статьями расхода, наиболее важными для исследования и составляющими основу смет Главного артиллерийского управления (ГАУ), являются те, что связаны с изготовлением *«предметов материального имущества для крепостей и артиллерийских частей войск... пулеметов, ручного оружия и патронов»*¹ для укомплектования войсковых частей и специального обучения войск (иными словами, перевооружение армии, изготовление боеприпасов и проведение учебных сборов). Также важной частью артиллерийской сметы являются суммы, отпускаемые ГАУ на ремонт артиллерийского имущества и прохождение военными курсов стрельбы, ассигнования на строительство и оборудование лабораторий, заводов, училищ, складов, лагерей, на расширение и оборудование Главного артиллерийского полигона. Все это относится к следующим параграфам смет².

Параграф *«Специальное обучение войск»*³. Данный параграф сметы Главного артиллерийского управления не изменялся на протяжении всего исследуемого периода. Он состоял из статей расходов: на содержание полигонов (ст. 1), на финансирование учебных команд артиллерийских бригад и крепостных артиллерий (покупка учебных книг, назначение наград и т.п.) (ст. 2), на финансирование практических занятий войск (в том числе – заготовка снарядов и орудий для практической стрельбы, постройка мишеней, вознаграждение войск за сдачу на склады стреляных гильз) (ст. 3).

Параграф *«Изготовление артиллерии, оружия и предметов артиллерийского снаряжения»*⁴, включающий ст. 1 – вооружение крепостей и осадных

¹ Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1910 год. СПб., 1909. С. 1.

² Параграфы и содержащиеся в них статьи приведены в соответствии со сметой на 1909 год как наиболее полной. В последующих же сметах количество параграфов постепенно уменьшалось.

³ Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1909 год. СПб., 1908. С. 36–47.

⁴ Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1909 год. СПб., 1908. С. 48–63.

полков¹ (производство орудий, лафетов к ним, различных типов снарядов, пороха, электроосветительных аппаратов, стереобиноклей и различных инструментов), ст. 2 – Вооружение и комплектование материальным имуществом полевых и горных батарей (исправление или обновление орудий, исправление или замена предметов материального имущества, покраска орудий, содержание имущества пулеметных команд, назначенных к формированию), ст. 3 – Укомплектование материальным имуществом полевых и местных парков (различные недостающие в парках предметы, такие как конская амуниция, колеса, снарядная мазь, инструменты, вспомогательные материалы и т.д.), ст. 4 – Изготовление ручного огнестрельного и холодного оружия (заготовление 3-лин. винтовок и револьверов, шашек, карабинов, заготовление и покупка материалов, таких как свинец, железо, сталь, медная проволока и латунь, закупка станков, улучшение быта рабочих), ст. 5 – Изготовление пороха, капсюлей и других взрывчатых веществ, ст. 6 – Изготовление ударных трубок для взрывателей к бомбам (в т.ч. изготовление детонаторов), ст. 7 – Изготовление патронов, ст. 8 – изготовление осветительных ракет, ст. 9 – Производство артиллерийских опытов.

Параграфы «Дополнительные расходы по снабжению артиллерийских парков» и «Дополнительные хозяйственно-операционные расходы». Эти два временных предмета расходов присутствовали лишь в смете на 1910 г. По первому параграфу была ассигнована сумма на приобретение дополнительного имущества артиллерийских парков и его приведение в исправный вид после Русско-японской войны. По второму – исчислена сумма средств на заготовление недостающих предметов материального имущества для укомплектования пулеметных команд.

Параграф «Перевооружение полевой артиллерии»² был исключен из смет в 1911 г. из-за прекращения отпуска особых средств на перевооружение полевых батарей скорострельной артиллерией. Последние средства на этот предмет в размере 4 583 687 руб. были ассигнованы ГАУ в 1911 г. В расходы на перевооружение полевой артиллерии входило множество статей: ст. 1 – «Содержание личного состава артиллерийских учреждений и расходы на канцелярию», ст. 2 – «Изготовление орудий и прочих предметов материальной части (заказ 3 дм. пушек, пушечных лафетов, щитов к лафетам, ящиков для хранения патронов, стереотруб, дальномеров и др.)», ст. 3 – «Заготовление боевых припасов (гранат, капсюлей, трубок и втулок к ним, изготовление патронов)», ст. 4 – «Приготовление пороха и других взрывчатых веществ», ст. 5 – «Реорганизация полевой артиллерии», ст. 6 – «Новые постройки и капитальный ремонт зданий», ст. 7 – «Расходы по перевооружению полевой

¹ С 1910 г. (в Смете Главного артиллерийского управления на 1911 г.) термин «осадные полки» в статье был заменен «полевой тяжелой артиллерией».

² Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1909 год. СПб., 1908. С. 62–69.

артиллерии (строительство полигонов, казарм и лагерей, издание руководств для перевооружаемых частей)», ст. 8 – «Резервный фонд по перевооружению артиллерии (на непредвиденные надобности по перевооружению)».

По параграфу «Вооружение крепостей»¹ отпускались кредиты на изготовление предметов крепостного вооружения. Сумма необходимых для этого средств, в размере 8 000 000 руб., была исчислена еще в смете ГАУ на 1908 г. и подробно изложена в приложении № 25 этой сметы². В виду отсрочки ассигнования этих средств в 1908 г. была отпущена лишь половина суммы, которая составила 4 000 000 рублей. Вторая половина была передана ГАУ в 1909 г.; тогда же этот параграф был исключен из смет.

Параграф «Содержание, ремонт и хранение артиллерии и оружия»³ состоял из: ст. 1 – «Крепостная и осадная артиллерия (заготовление, содержание и ремонт орудий и их принадлежностей, складов, погребов, подъемных и перевозочных средств, инструментов, содержание и ремонт лошадей, различных аппаратов)», ст. 2 – «Полевая и горная артиллерия (ремонт артиллерии и принадлежностей, инструмента, подковка и лечение лошадей, пополнение ресурсных запасов: железо, уголь и др., ремонт хранилищ и погребов)», ст. 3 – «Имущество артиллерийских парков (исправление предметов подвижного состава, содержание разного рода имущества, замена конской амуниции)», ст. 4 – «Ручное оружие (чистка и смазка оружия, его ремонт и т.д.)», ст. 5 – «Склады (содержание, ремонт и строительство складов)».

Параграф «Расходы, связанные с производством учебных сборов»⁴ делились на две статьи: ст. 1 – «Учебные сборы нижних чинов запаса (расходы на ремонт оружия, постройку мишеней, заготовление снарядов, дробы и патронов, аренду полей под стрельбища)»; ст. 2 – «Учебные сборы ратников ополчения (также – на ремонт оружия, постройку мишеней, заготовление патронов и дробы)»⁵.

Параграф «Расходы по ученой и учебной части»⁶ включал в себя кредиты на закупку для артиллерийских академий и училищ учебных пособий, на издание профессорских сочинений, осуществление и развитие научных и физи-

¹ Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1909 год. СПб., 1908. С. 70–71.

² Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1908 год. СПб., 1907. Приложение № 25 к 14. Ст. 1. С. 1–2.

³ Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1909 год. СПб., 1908. 70–79.

⁴ Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1909 год. СПб., 1908. 78–81.

⁵ Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1911 год. СПб., 1910; С 1910 г. (по Смете Главного артиллерийского управления на 1911 год) статьи 1-я и 2-я были объединены в одну – о «Нижних чинах запаса и ратников ополчения».

⁶ Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1909 год. СПб., 1908. С. 82–93.

ческих занятий юнкеров, на выплату стипендий учащимся и заработную плату преподавательскому составу, кредиты на провиантское, приварочное и чайное довольствие, наем прислуги, фельдшеров, ветеринаров, фармацевтов и оплату их труда (ст. 1). Сюда же входили расходы на фуражное довольствие и на иные потребности по содержанию лошадей, закрепленных за учебными заведениями.

Особняком в смете стояли средства, отпускаемые оружейным училищам, Технической и Пиротехнической школам (тот же параграф, ст. 2). Эти кредиты, так же, как и в случае с артиллерийскими учебными заведениями, исчислялись по схожим предметам расходов.

Кроме того, по данному параграфу исчислялись средства на (ст. 3) заграничные командировки офицеров, с целью повышения уровня их технического образования, и отдельно – на уплату Императорскому Русскому Техническому Обществу за обучение в его школах мастеровых и рабочих технических заведений Артиллерийского ведомства (ст. 4).

Параграф «Сооружение и ремонт зданий»¹ включал статьи расходов на возведение и капитальные перестройки заводов, складов, арсеналов и иной недвижимости (ст. 1), а также расходы на мелкий и капитальный ремонт строений, подведомственных Артиллерийскому управлению (ст. 2). Со временем (к 1913 г.) из этого параграфа были выделены отдельные статьи, которые составили новые параграфы. Таким образом, в смете появился новый параграф «Оборудование главного артиллерийского полигона».

Параграф «Устройство Химико-механической лаборатории артиллерийского ведомства»² и впоследствии «Устройство Центральной научно-технической лаборатории Военного ведомства» (в Петербурге) содержали кредиты, предполагавшиеся к условному отпуску на проведение работ по устройству этих лабораторий.

Параграф «Оборудование Главного артиллерийского полигона» [23, с. 94–95] был внесен в смету на 1913 г. в дополнение к средствам на оборудование полигона из параграфа «Сооружение и ремонт зданий». Новый параграф включал расходы на перенос жилых помещений Главного артиллерийского полигона (ст. 1), расходы на дополнительное оборудование батареи полигона – техническое оборудование и строительные работы (ст. 2) и отчуждение земель для расширения территории полигона (ст. 3).

По итогам изучения смет Главного артиллерийского управления – основного сметного источника по финансированию преобразований русской сухопутной армии перед Первой мировой войной – можно сделать ряд заключений по главным направлениям его финансирования.

¹ Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1909 год. СПб., 1908. С. 92–93.

² Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1910 год. СПб., 1909. С. 90–91.

1. Артиллерия. Сведения, касающиеся ассигнований на перевооружение артиллерийских парков, причем не только на производство орудий, но и на персонал и заготовку дополнительных предметов артиллерийского снабжения, – объемны и разбросаны по всей смете ГАУ. Информация по этим кредитам содержится в статьях «Вооружение крепостей и полевой тяжелой артиллерии», «[Содержание] крепостной и полевой тяжелой артиллерии», «Вооружение и укомплектование материальным имуществом полевых и горных батарей» и «Укомплектование материальным имуществом полевых и горных парков», «[Содержание] полевой и горной артиллерии...», «Дополнительные расходы по снабжению артиллерии», «Имущество артиллерийских парков». Также эта информация содержится в параграфе «Первооружение полевой артиллерии», и частично, – в параграфе «Вооружение крепостей».

Согласно сметам ГАУ, на закупку и хранение орудий и предметов артиллерийского снабжения за все предвоенное шестилетие было истрачено 65 998 580 рублей обыкновенных расходов и еще 124 316 000 рублей чрезвычайных расходов.

Наглядными будут следующие примеры. Стоимость пушек тяжелой полевой артиллерии: 6-дм и 42-лин. гаубиц составляла соответственно 100 000 и 73 200 рублей за орудие [24, л. 113, по таблице из раздела «Тяжелая артиллерия»]. Стоимость одной 48-лин. гаубицы, находящейся на вооружении полевой легкой и конной артиллерии, равнялась 51 000 рублей [20, приложение № 7, с. 1]. При этом следует принять во внимание, что в эту сумму входили не только сами орудия с лафетами, но и запчасти с боеприпасами («Базовый комплект» для 6-дм. гаубиц составлял, согласно смете на 1909 год, 8 000 фугасных взрывчатых снарядов, столько же фугасных пороховых снарядов, 5 000 шрапнелей, 3 000 чугунных бомб). Получается, что стоимость двадцати 6-дм. гаубиц с запчастями и боекомплектom составляла 2 000 000 рублей. Что касается 48-линейных гаубиц, то на производство 25 таких пушек со всей принадлежностью, согласно сметам требовался 1 275 000 рублей¹.

По сметам Чрезвычайных расходов Главному артиллерийскому управлению отпускалось 124 316 000 рублей, однако в них отсутствует информация относительно применения этих средств по конкретным направлениям. Но если принять во внимание указанную выше стоимость пушек, можно сделать вывод, что 124 316 000 рублей, отпускавшихся на перевооружение артиллерии, было значительной суммой. Теоретически, на 124 млн руб. можно было приобрести 1 243 6-дм гаубицы². В «Записке о мероприятиях по государственной обороне» Сухомлинов отмечал, что на заготовление 620-ти тяжелых осадных орудий (в их число входили не только упомянутые орудия, но и 6-ти и 8-ми дм. гаубицы и 9-ти 11-ти дм. мортиры) будет достаточно и 81 000 000 руб-

¹ Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1913 год. СПб, 1912. Приложение № 7. С. 1.

² $124\,316\,000 / 2\,000\,000 * 20 \approx 1\,243$.

лей¹. Приведенный расчет подтверждает слова военного министра, но с оговоркой. Если бы чрезвычайные расходы затрагивали только тяжелую артиллерию, этих средств было бы достаточно. В действительности упомянутые 124 316 000 рублей должны были включать еще и расходы на развитие крепостной и легкой полевой артиллерии².

Таким образом, можно прийти к выводу, что согласно информации, содержащейся в сметах Главного артиллерийского управления, финансирование пополнения материальной части артиллерии было недостаточным.

2. Ручное огнестрельное и холодное оружие. Вопрос заготовления огнестрельного и холодного оружия в смете довольно емкий и содержится в двух статьях: «Изготовление ручного огнестрельного и холодного оружия» и «[Сохранение] ручного оружия».

Расходы на закупку ручного оружия и на все сопутствующие расходы, связанные с его производством и хранением, составили 25 996 824 рубля: в 1909 г. на этот предмет было отпущено 3 228 218 рублей, в 1910-м – 3 621 468 рублей, 1911-м – 3 522 775 рублей, в 1912-м – 4 446 415, в 1913-м – 6 275 848 и 4 902 100 рублей – в 1914 г.

Точная стоимость винтовок, револьверов и запчастей к ним в сметах, к сожалению, не указывается. В них есть лишь указания на размеры денежных средств, требующихся для оплаты всех расходов, связанных с производством огнестрельного оружия – наем рабочих и мастеров, закупка материалов для производства оружия, припасов для действия оружейных заводов и т.п. С 1909 по 1914 г. эта сумма менялась от 2 543 590 рублей до 5 275 266 рублей, что делает невозможным вычисление точной стоимости оружия на основании сметных материалов. Общая сумма средств, истраченных на изготовление огнестрельного оружия, а это – 225 000 винтовок и 104 561 револьвер, – составила 19 551 662 рублей.

Помимо средств обыкновенной сметы, на закупки оружия и боеприпасов отпускался чрезвычайный кредит – сумма в размере 52 116 000 рублей (за весь период 1909–1914 гг.). Ввиду отсутствия в смете точной финансовой информации, касающейся производства огнестрельного оружия и, более того, ввиду включения в эту сумму расходов на различные типы оружия и на заготовление дополнительных частей к ним, предположить, какой объем продукции мог быть заготовлен на средства чрезвычайной сметы, не представляется возможным. 52 116 000 рублей были суммой, которая могла вместить в себя более двух с половиной объемов (а точнее – 2,66 раза) произведенной оружейной продукции или, приблизительно, 876 632 единицы огнестрельно-

¹ Записка военного министра о мероприятиях по государственной обороне // Российский военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000 «Главное управление Генерального штаба». Оп. 1. Д. 170. Л. 113.

² Смета Военного министерства по чрезвычайным расходам на 1912 год. СПб., 1911. С. 10.

го оружия, что является немалой цифрой и говорит о данных чрезвычайных ассигнованиях как о сумме действительно весомой.

Не будем, однако же, забывать о том, что этот чрезвычайный кредит включал в себя и расходы на заготовление боеприпасов, что могло забрать на себя более половины отпущенных ГАУ средств. Получается, ни о каких 876,5 тысячах винтовок и револьверов не может быть и речи. В лучшем случае эта цифра могла составить 329 561 единиц – то же количество, что и в обыкновенной смете.

Что касается холодного оружия, то сведения о его изготовлении представлены в артиллерийских сметах в более четкой форме. По ним можно определить не только общую стоимость изготовленной продукции, но и стоимость каждой произведенной единицы оружия. Всего за предвоенное шестилетие было изготовлено холодного оружия на 2 024 792,5 рублей, а в отдельности по видам: 123 000 рублей за 8 200 офицерских шашек, 367 852,5 рублей за 36 100 драгунских шашек, 45 900 рублей за казачьи шашки, 990 500 рублей за кривые кинжалы, 1 080 рублей за казачьи пики и 496 460 рублей за кавалерийские пики нового образца. Судя по Чрезвычайным сметам Военного министерства, специальных ассигнований по этим статьям не проводилось.

3. Пулеметы. Финансирование закупок пулеметов представляет собой, пожалуй, самую невнятную часть, входящую в состав артиллерийских смет. Проблема заключается в том, что сведения о пулеметах не только рассеяны по разным статьям сметы (это и статья «изготовление ручного огнестрельного оружия...»¹, и раздел с расходами на «вооружение крепостей»²), но и является неполной. Иногда эта информация вовсе выражается в отпуске средств на приобретение запасных частей пулеметов и имущества пулеметных команд или «на содержание в исправности материального имущества назначенных к сформированию пулеметных команд»³, – и все это без указания количества изготовленной продукции.

Что касается чрезвычайных расходов, то на имущество пулеметных команд было затрачено 8 663 000 рублей. Перед началом Русско-японской войны стоимость одного пулемета составляла около 2 300 рублей при закупке за рубежом [19, с. 53], Артиллерийское ведомство могло закупить порядка 3 766 пулеметов. В случае производства пулеметов в России (на Императорском Тульском оружейном заводе), стоимость снижалась до ~ 1 600 рублей [19, с. 53] и по такой расценке можно было заготовить 5 414 единиц оружия. Разумеется,

¹ Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1913 год. СПб., 1912. С. 57.

² Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1912 год. СПб., 1911. Приложение № 6. С. 1.

³ Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1909 год. СПб., 1908. С. 51.

в данном случае, как и в вопросе с артиллерией, ни о какой «чистой стоимости» не может быть и речи. Эти 8,6 млн рублей уходили не только на производство самих пулеметов, но и на запчасти, что забирало на себя около половины всех средств. Кроме того, объем производства пулеметов был ограничен недостаточно развитой промышленностью – «уровень производства [1000 единиц] в год считался предельным» [19, с. 96].

По мобилизационному плану перед началом войны на вооружении армии должно было состоять 4 990 пулеметов [20, с. 13]. Необходимое количество пулеметов Россия не могла произвести физически, а на закупку такого количества пулеметов не хватило бы денег, вот и получается, что в армии к середине лета 1914-го г. находилось лишь 4 152 пулемета. Если же учесть, что 3-лин. пулеметы «Максим» закупались понемногу уже с конца XIX в. [20, с. 12], то цифра в 8 663 000 рублей теряет всякий вес.

4. Заготовление боеприпасов. Это направление деятельности артиллерийского ведомства можно разделить на две части. Первая – производство боеприпасов к револьверам и винтовкам (винтовочные патроны также использовались и для стрельбы из пулеметов) и вторая – производство снарядов для артиллерии. Если расходы на первый вид боеприпасов содержатся в единственном, посвященном только ему, разделе «Изготовление патронов», то исчисления на артиллерийские снаряды, подобно материальной части артиллерии, включены в несколько статей, что сильно усложняет процесс поиска и сведения финансовой информации в единую картину (особенно если принять во внимание изменение с годами номенклатуры смет). Сведения, связанные с производством артиллерийских боеприпасов, входят в состав таких статей как: «Вооружение крепостей и осадных полков», «Изготовление орудий и прочих предметов материальной части [полевой артиллерии]», «Заготовление боевых припасов [полевой артиллерии]», «Заготовление предметов крепостного вооружения».

На закупку патронов для ручного оружия (включая все сопутствующие расходы, такие как закупка материалов для производства и заработная плата мастеров) всего было ассигновано 41 094 932 рубля, что по отдельным годам составило: 4 414 673 – в 1909-м, 4 482 666 – в 1910-м, 6 714 725 – в 1911-м, 7 278 139 – в 1912-м, 8 386 959 – в 1913-м и 9 817 770 рублей – в 1914-м. И эта сумма должна была еще расти и расти – объем средств предполагавшихся к назначению на 1915 г., составлял уже 9 953 472 рубля [21, с. 66], что на сто с лишним тысяч рублей больше, чем в 1914 г.

5. Изготовление пороха. Расходы на изготовление пороха, включая расходы на его производство, полностью сосредоточены в статье «Изготовление пороха, капсюлей и других взрывчатых веществ». К сожалению, сведения о производстве этого взрывчатого вещества в смете и даже в соответствующем приложении недостаточно точны. Конечно, в смете расписано все до копейки, а приложение содержит подробности о таких предметах расхода, как

заработная плата рабочих пороховых заводов¹, или о расходах на пополнение запасов веществ, необходимых для производства пороха – колчедана, серы, спирта² и др. Но если исследователь просто захочет узнать чистую стоимость произведенного пороха, то столкнется с фактом отсутствия в смете стоимости как одного пуда, так и всего произведенного продукта.

Если же оставить такую особенность сметной информации в стороне, то определить общий объем средств, ассигнованных на заготовление пороха, не составит труда, без копеек эта сумма будет равняться 27 712 497 рублям. По всем годам эта сумма распределяется следующим образом: в 1909-м – 5 826 392 рублей, в 1910-м – 4 869 974 рублей, в 1911-м – 4 743 446 рублей, в 1912-м – 3 631 295 рублей, в 1913-м – 4 100 501 рублей и, наконец, в 1914-м – 4 540 889 рублей.

б. Проведение учебных занятий войск. Практические занятия войск – предмет расхода, на который с 1909 по 1914 г. было затрачено 23 534 860 рублей.

Финансирование учебных занятий войск по практической стрельбе полностью соответствовало запросам Главного артиллерийского управления. Лишь в 1911 г. разница между требующимися и ассигнованными средствами составила 22 238 рублей за счет переноса данной суммы в другой параграф сметы. В 1910 г. произошло видимое уменьшение размера отпускаемых средств – с 4 631 947 до 3 623 789 рублей³. Такое уменьшение ассигнований на 1 008 158 рублей было связано с выплатой большей части кредитов по заказанным у Пермских, Олонецких, Гороблагодатских и Златоустовского заводов боеприпасы и другие предметы, необходимые для проведения учебных стрельб полевых, горных и гаубичных батарей и, в меньшей степени, для практических занятий крепостной и тяжелой артиллерии.

Впоследствии, с 1910 по 1914 г., объемы отпускаемых на занятия войск средств колебались в пределах 13% в сторону уменьшения или увеличения размера кредитов. Это также объяснялось отсутствием необходимости в заготовке новых боеприпасов или, наоборот, потребностью в их производстве.

Сметы Главного артиллерийского управления Военного министерства Российской империи включают в себя значительный объем финансовой и статистической информации. В параграфах смет представлены данные о закупках тяжелой и легкой артиллерии, содержании и ремонте орудий, расходах на изготовление огнестрельного оружия, холодного оружия, снарядов (их составляющих), патронов, пороха, на учебные сборы. Материалы смет можно использовать при изучении процессов реорганизации сухопутной ар-

¹ Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1909 год. СПб., 1908. Приложение №10. С. 3.

² Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1909 год. СПб., 1908. Приложение №10. С. 1.

³ Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1910 год. СПб., 1909. С. 40.

мии Российской империи накануне Первой мировой войны, хотя и с некоторыми оговорками.

Несмотря на то, что информация, приведенная в сметах, должна быть, на первый взгляд, подробной и исчерпывающей, по факту она бывает недостаточно полна или точна. В ряде случаев это сильно затрудняет проведение анализа экономического состояния военно-промышленного комплекса. Примерами могут послужить нечеткость в описании и разбросанность по различным статьям сметы предметов расхода, касающихся заготовления боеприпасов и пулеметов, огнестрельного оружия, пополнения артиллерийских парков, трудность при определении точной стоимости пороха. Такое положение вещей странно, поскольку опубликованные сметы должны были служить для проверяющих структур (Военный совет, Министерство финансов, Государственная дума) прозрачным источником информации, по которому можно было бы делать однозначные выводы о затраченных и необходимых к ассигнованию денежных средств. К сожалению, такой недостаток смет Военного министерства (не только Главного артиллерийского, но и других управлений) несколько уменьшает надежность этого источника, равно как и возможность делать на его основании однозначные и безошибочные выводы. Тем не менее, это не уменьшает ценности смет Главного артиллерийского управления Военного министерства Российской империи, материалы которых содержат большой объем информации, необходимой для проведения исследования, касающегося финансирования реорганизации русской сухопутной армии перед Первой мировой войной.

© Дубровин М.Г., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Российский военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000.

Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1908 год. СПб., 1907.

Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1909 год. СПб., 1908.

Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1910 год. СПб., 1909.

Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1911 год. СПб., 1910.

Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1912 год. СПб., 1911.

Смета Военного министерства по Главному артиллерийскому управлению на 1913 год. СПб., 1912.

Смета Военного министерства по чрезвычайным расходам на 1912 год. СПб., 1911.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Барсуков Е.З. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М., 1926. 216 с.
- [2] Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). М., 1948. 392 с.
- [3] Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в Мировую войну. М., 1930. Т. 1. 408 с.
- [4] Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг. Общий стратегический очерк. М., 1924. 457 с.
- [5] Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926. 452 с.
- [6] Florinsky Michael T. The Russian Mobilization of 1914 // *Political Science Quarterly*. New York, 1927, pp. 203–227.
- [7] Golovin N. The Russian War Plan of 1914 // *The Slavonic and East European Review*. London, 1936, pp. 564–584.
- [8] Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. М., 1986. 240 с.
- [9] Керсновский А.А. История русской армии в 4-х томах. Том третий. 1881–1915 гг. М., 1994. Т. 3. 348 с.
- [10] Королев М.А. Преобразование армии и флота Российской империи в контексте военных реформ: вторая половина XIX – начало XX вв.: Историческое исследование: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. 214 с.
- [11] Поликарпов В.В. Государственное производство вооружения в России (1905 г. – февраль 1917 г.): Историческое исследование: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1986.
- [12] Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960. 579 с.
- [13] Шаццло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000. 398 с.
- [14] Gatrell P. Government, industry and rearmament in Russia, 1909–1914: the last argument of tsarism. Cambridge, 1994. 399 p.
- [15] Меннинг Брюс У. Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861–1914. М., 2016. 424 с.
- [16] Wohlforth William Curty. The Perception of Power. Russia in Pre-1914 Balance // *World Politics*. Cambridge, 1987. pp. 353–381.
- [17] Gatrell P. The tsarist economy 1850–1917. London, 1986. 288 p.
- [18] Кожевникова Г.В. Реорганизация управления русской армии накануне Первой мировой войны, 1910–1914 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. 452 с. [Kozhevnikova GV. *Reorganizatsiya upravleniya russkoi armii nakanune Pervoi mirovoi voiny, 1910–1914 gg.* [PhD thesis]. Moscow; 2000 (in Russian)].
- [19] Федосеев С.Л. Пулеметы Русской армии в бою. М., 2008. 113 с.
- [20] Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939. Т. II. 242 с.

История статьи:

Поступила в редакцию: 8 ноября 2016 г.

Принята к печати: 24 марта 2017 г.

Об авторе:

Дубровин Михаил Геннадьевич – аспирант кафедры источниковедения и специальных исторических дисциплин Государственного академического университета гуманитарных наук; Почтовый адрес организации: 119049, Россия, Москва, Мароновский переулок, 26.

**ESTIMATES OF THE MAIN ARTILLERIAN MANAGEMENT
OF THE RUSSIAN EMPIRE AS A SOURCE OF INFORMATION
ON THE PREPARATION OF THE RUSSIAN ARMY
TO THE FIRST WORLD WAR¹**

Mikhail G. Dubrovin

State Academic University for the Humanities Sciences
Moscow, Russia, etnograf2@yandex.ru

The beginning of the 21st century was a difficult historic period for Russia. It was the reorganization of the armed forces of the country that was the primary task after the defeat in the war with Japan. The problem of the military reform in the Russian Empire in the period between the Russian-Japanese War and World War I (1905–1914) was raised both in the Russian and foreign historiography. In spite of such a wide range of issues reviewed in historiography, there are practically no studies in which there was fully considered such a complex of financial documents like Estimates of the Ministry of War of the Russian Empire in 1909–1914.

The estimates of the Ministry of War of the Russian Empire are an important historical source and they contain information on the funds which were at the disposal of the Main Departments of the Ministry. This information can be used in the process of studying of the issues related to the funding of transformations of the Russian army on the eve of the First World War. Especially informative in this regard could be the estimates of the Main Artillery Department, for they contain information on financial resources allocated for manufacturing of firearms, cold weapon and rearmament of artillery units. These are important parts of the process of reorganization of the military assets.

The author draws the readers' attention to the estimates of the Main Artillery Department of the Ministry of War: their analysis and structure (within the main paragraphs, presented in the document), a number of conclusions on the main directions of financing: artillery, machine guns, hand guns and cold weapon, production of gunpowder and ammunition, as well as the conclusions in relation to the issue of the reorganization of the armed forces of Russia on the eve of the First World War.

Keywords: cost estimates, War ministry, Main artillery department, Russian empire, World War I

¹ This paper was financially supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Task No. 33.1543.2014 / К.

REFERENCES

- [1] Barsukov EZ. *Podgotovka Rossii k mirovoi voine v artilleriiskom otnoshenii* [Russia's preparing for a World War in artillery scope]. Moscow; 1926 (in Russian).
- [2] Barsukov EZ. *Artilleriya russkoi armii (1900–1917 gg.)* [Artillery of the Russian army (1900–1917)]. Moscow; 1948 (in Russian).
- [3] Manikovskii AA. *Boevoe snabjenie russkoi armii v Mirovuyu voynu* [Battle Supply of the Russian Army during the World War]. Moscow; 1930 (in Russian).
- [4] Zaionchkovskii AM. *Mirovaya voina 1914–1918 gg. Obshchii strategicheskii ocherk* [The World War of 1914–1918. General strategic outline]. Moscow; 1924 (in Russian).
- [5] Zaionchkovskii AM. *Podgotovka Rossii k imperialisticheskoi voine. Ocherki voennoi podgotovki i pervonachal'nykh planov* [Preparation of Russia for the imperialist war. Essays on military training and initial plans]. Moscow; 1926 (in Russian).
- [6] Florinsky Michael T. The Russian Mobilization of 1914. *Political Science Quarterly*. New York, 1927: 203–227.
- [7] Golovin N. The Russian War Plan of 1914. *The Slavonic and East European Review*. London, 1936: 564–584.
- [8] Beskrovnyi LG. *Armiya i flot Rossii v nachale XX veka* [The Russian army and navy in the early 20th century]. Moscow; 1986 (in Russian).
- [9] Kersnovskii AA. *Istoriya russkoi armii v 4-kh tomakh. Tom tretii 1881–1915 gg.* [History of the Russian Army]. Moscow, 1994; 3 (in Russian).
- [10] Korolev MA. *Preobrazovanie armii i flota Rossiiskoi imperii v kontekste voennykh reform: vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.: Istoricheskoe issledovanie* [Transformation of the army and navy of the Russian Empire in the context of military reforms: the second half of the XIX – early XX centuries: Historical research: PhD thesis abstract]. Moscow; 2009 (in Russian).
- [11] Polikarpov VV. *Gosudarstvennoe proizvodstvo vooruzheniya v Rossii (1905 g. – fevral' 1917 g.): Istoricheskoe issledov* [State arms production in Russia (1905 – February 1917): Historical research: PhD thesis abstract]. Moscow; 1986 (in Russian).
- [12] Sidorov AL. *Finansovoe polozhenie Rossii v gody pervoi mirovoi voiny* [The financial situation of Russia during the First World War]. Moscow; 1960 (in Russian).
- [13] Shatsillo KF. *Ot Portsmutskogo mira k Pervoi mirovoi voine. Generaly i politika* [From the Portsmouth peace to the First World War. Generals and politics]. Moscow; 2000 (in Russian).
- [14] Gatrell P. *Government, industry and rearmament in Russia, 1909–1914: the last argument of tsarism*. Cambridge, 1994.
- [15] Menning Bryus U. *Pulyaishtyk. Armiya Rossiiskoi imperii, 1861–1914* [Bullet and bayonet. Army of the Russian Empire, 1861–1914]. Moscow; 2016 (in Russian).
- [16] Wohlforth William Curty, The Perception of Power. Russia in Pre-1914 Balance. *World Politics*. Cambridge; 1987: 353–381.
- [17] Gatrell P. *The tsarist economy 1850–1917*. London; 1986.
- [18] Kozhevnikova GV. *Reorganizatsiya upravleniya russkoi armii nakanune Pervoi mirovoi voiny, 1910–1914 gg.* [Reorganization of the Russian army's administration on the eve of the First World War, 1910–1914: PhD thesis]. Moscow; 2000 (in Russian).

- [19] Fedoseev SL. *Pulemety Russkoi armii v boyu* [Machine guns of the Russian army in battle]. Moscow; 2008 (in Russian).
- [20] Golovin NN. *Voennye usiliya Rossii v Mirovoi voine* [Russia's military efforts in World War II]. Paris; 1939 (in Russian).

Article history:

Submitted: 8 November 2016

Revised: 14 January 2017

Accepted: 24 March 2017

About the author:

Mikhail G. Dubrovin, Post-graduate student of the Department of Source Studies and Special Historical Disciplines at State Academic University for the Humanities Sciences; Postal address of the organization: 26, Maronovsky Pereulok, Moscow, 119049, Russia.



УДК 94(47)“1914/1917”

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-190-209

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
МИНИСТЕРСТВА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ИЮЛЬ 1914 – ФЕВРАЛЬ 1917 г.)**

М.В. Оськин

Институт законоведения и управления
Всероссийской полицейской ассоциации
Тула, Россия, mahozv@yandex.ru

В статье рассматривается продовольственная политика России в период Первой мировой войны. Эта политика имела главной целью снабжение фронта продуктами питания и фуражом. Однако постепенно составной частью этой политики стало обеспечение продовольствием и тыла всей страны. В 1914–1915 гг. продовольственная организация России фактически отвечала только за снабжение действующей армии. С конца 1915 г. начинают вводиться твердые цены на различные продукты и приходится думать о тыловых потребителях. С середины 1916 г. продовольственная ситуация резко ухудшается, что вынудило правительство озаботиться снабжением не только фронта, но и тыла. Объективные недостатки государственной системы власти пытались восполнить организацией продовольственных усилий.

Ключевые слова: продовольственная политика, хлеб и фураж, продовольственный кризис, Министерство земледелия, снабжение фронта и тыла

Введение. Наряду с оружием, топливом, людьми немаловажным стратегическим ресурсом, необходимым для ведения войны, является продовольствие. Причем в снабжении продуктами нуждается как армия, так и население. Если все прежние войны в данном отношении затрагивали в основном снабжение армии, так как население, не принимавшее непосредственного участия в боевых действиях, кормило само себя, то Первая мировая война стала новым явлением. Действительно, в условиях, когда в войне принимает участие не только фронт, но и весь тыл, когда большая часть фабрик и заводов работает на войну, когда в окопах находится до половины, а то и более трудоспособного мужского населения, тыл, как оказалось, не меньше фронта нуждается в снабжении продовольствием.

В условиях мировой войны – длительного конфликта, в котором участвует весь народ, задача продовольственного снабжения фронта и тыла является

одной из приоритетных. Изъятие продовольственных ресурсов в пользу фронта осуществляется за счет тыла. Именно эту задачу и были призваны решать высшие органы государственной власти. В период Первой мировой войны в Российской империи таким органом, отвечавшим за учет, заготовку, закупку и распределение продовольствия, являлось Министерство земледелия.

Продовольственный вопрос периода Первой мировой войны сыграл свою роль в процессе подготовки российского общества, фронта и тыла к насильственной смене социального строя – падению монархии, в силу чего исследование данной проблемы в комплексе с проблемами сельскохозяйственного производства, крестьянского хозяйства и снабжения фронта и тыла является одним из актуальных и приоритетных направлений в изучении истории России периода поздней империи и ее крушения в ходе революции 1917 г.

Современная историография выдвинула новые задачи и направления изучения данного периода. В отношении комплексных работ наиболее значимыми оказались труды В.П. Булдакова, в которых раскрывается и роль войны как катализатора революции [1].

В начале 1990-х гг. В.М. Бухараевым и Д.И. Люкшиным в научный оборот вводится термин «общинная революция» [2; 3], что позволило использовать новую методологию в отечественном крестьяноведении. Дальнейшее развитие концепции «общинной революции» «в целях преодоления логико-семантических затруднений, возникших в ходе разработки проблемы крестьянского движения» [3, с. 132], перенесло изучение проблемы в плоскость взаимодействия государства с общинным крестьянством. В те же годы в историографии ставится вопрос о степени достаточности продовольственного ресурса страны для ведения мировой войны.

Интересная теория о роли земства в усугублении и провоцировании продовольственного кризиса в России, накануне падения монархии вызвавшая «губернаторские войны» за продовольствие (перераспределение продуктов питания между регионами в условиях их дефицита зимой 1917 г.), была выдвинута японским ученым К. Мацузато [См. например: 4].

Огромную роль в изучении проблематики развития России начала XX в. сыграла широкомасштабная дискуссия между сторонниками теории модернизации и структурно-демографической теории, в ходе которой были поставлены новые задачи, разработаны интересные концепции и выдвинут большой фактологический материал. Основными участниками дискуссии выступили Б.Н. Миронов и М.А. Давыдов (оптимистично оценивающие развитие империи в последний период своего существования) и А.В. Островский и С.А. Нефедов (полагающие, что страна находилась в кризисе, чреватом неизбежным революционным взрывом). Дискуссия продолжается до сих пор, выливаясь в новые монографии и статьи. Из исследований последних лет это работы, опубликованные Б.Н. Мироновым [5], М.А. Давыдовым [6], А.В. Островским [7].

Одним из наиболее важных моментов в этой дискуссии стала постановка проблемы о достаточности производства продовольствия в России в тот период (большинство ученых полагает, что причиной продовольственного кризиса 1916–1917 гг. стала политическая ситуация, а не уровень экономического развития сельского хозяйства как таковой), в свое время высеченная еще А.М. Анфимовым [8].

Изучение проблематики продовольственного вопроса в России в 1914–1917 гг. невозможно без всестороннего исследования социальной и экономической истории того времени. Современная историография выдвинула новые задачи и направления изучения периода поздней империи накануне ее крушения. Здесь можно выделить исследования биографического характера – исторические портреты руководителей продовольственного дела и оценку деятелей Министерства земледелия [9], что является перспективным моментом в историографическом плане. Такие работы уточняют общее исследование объективных процессов указанного времени, изучая субъективный фактор и его роль в этих процессах. Немаловажным является изучение истории железнодорожного транспорта [10], значение которого в эпоху войны и революции трудно переоценить, о чем в свое время четко писал А.Л. Сидоров [11].

Важной и малоисследованной страницей в отечественной историографии является проблема хлебного рынка Российской империи [12; 13], состояние которого непосредственно отразилось на продовольственном ресурсе страны в 1914–1917 гг. От функционирования хлебного рынка в военный период напрямую зависела продовольственная политика правительства, вынужденного постепенно переходить от закупок продуктов питания по рыночным ценам к ограничительно-реквизиционным мерам, твердым ценам и, наконец, к хлебной разверстке и хлебной монополии.

Юбилей начала Первой мировой войны в историографическом отношении был ознаменован выпуском большого числа научных трудов, в том числе коллективных монографий и сборников статей, опубликованных Институтом российской истории РАН. Разнообразие представленных в них материалов также делает свой вклад в изучение проблемы [14; 15; 16].

Основными источниками исследования стали материалы фондов Министерства земледелия Временного правительства (ф. 1797) и Управления особоуполномоченного министерства продовольствия Временного правительства по закупке хлеба, сахара и соли для армии (ф. 6831) Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), где имеются документы, связанные с деятельностью Министерства земледелия не только в 1917 г., но и в предшествующий военный период 1914–1916 гг. Помимо того автор привлек материалы фонда Канцелярии министра земледелия (ф. 381) из Российского государственного исторического архива (РГИА), где находится текущая документация Министерства в описываемый период, а также документы фонда Главного интендантского управления (ф. 499), извлеченные из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), которые иллюстрируют усилия стра-

ны и ее продовольственной организации во главе с Министерством земледелия по снабжению русской действующей армии.

Цель исследования – проанализировать продовольственную политику России в период Первой мировой войны, осуществлявшуюся Министерством земледелия. В этой связи ставятся следующие задачи: исследовать проблему нарастания продовольственного кризиса в Российской империи в 1914 – начале 1917 г.; дать оценку деятельности Министерства земледелия, отвечавшего за снабжение фронта и тыла; охарактеризовать структуру и деятельность продовольственных органов империи.

Исследование проблемы. В период мобилизации и развертывания российской действующей армии близ государственной границы и начала первых сражений войска получали те продукты, что были заблаговременно подготовлены в армейских продовольственных магазинах (складах). Для производства дальнейших заготовок следовало образовать специальный закупочно-распределительный аппарат на базе какого-либо существующего ведомства. В заседании 30 июля 1914 г. Совет Министров признал желательным приступить немедленно к покупке хлеба для нужд армии непосредственно от производителей.

Необходимое содействие Главному интендантскому управлению (ГИНТУ), отвечавшему за снабжение фронта, было возложено на Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), возглавляемое А.В. Кривошеиным. Здесь же Совмин определил контуры будущего продовольственного аппарата: «ближайшее руководство операциями по закупкам и заготовкам на местах принадлежит назначаемым главноуправляющим ГУЗиЗ окружным уполномоченным, а выполнение означенных закупок и заготовок возлагается на губернских уполномоченных, приглашаемых из числа местных общественных деятелей или должностных лиц ведомств»¹. Вскоре были установлены и предельные закупочные цены на хлеб для армии внутри страны.

Причина передачи продовольственного дела в руки ГУЗиЗ заключалась в том, что во время проведения столыпинской аграрной реформы в российской деревне создавался механизм взаимодействия между государственными органами и земствами, и в начале войны правительство использовало сложившуюся систему в военных интересах.

Дабы не обременять продовольственным делом Министерство внутренних дел, отвечавшее за продовольственное дело в стране в мирное время (против чего выступало большинство членов правительства), работу в этом направлении и возглавил А.В. Кривошеин, имевший к тому же большое влияние на премьер-министра И.Л. Горемыкина.

Главной целью деятельности всех продовольственных органов Российской империи являлось снабжение фронта: до войны войсковые части само-

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 499. Оп. 3. Д. 1411. Л. 18 об.

стоятельно заготовливали для себя продовольствие и фураж, теперь же, когда действующая армия стала насчитывать миллионы людей, тяжесть снабжения, рано или поздно, должна была всецело лечь на плечи интендантства. В связи с тем, что основным источником снабжения войск было текущее производство, власти всех уровней были вынуждены озаботиться созданием системы продовольственного снабжения, началом чего и стало введение 30 июля 1914 г. прямых государственных закупок хлеба.

Собственно задача продовольственного снабжения была возложена на товарища главы ГУЗиЗ – Г.В. Глинку, до войны бывшего начальником Переселенческого управления ГУЗиЗ, и которому пришлось создавать управленческий аппарат «с чистого листа», так как на главноуправляющем ГУЗиЗ А.В. Кривошеине лежало «общее заведывание закупками и заготовками». Другое дело, что постепенно, с затягиванием войны, продовольственная задача станет основной в системе функционала ГУЗиЗ (в конце 1915 г. переименованном в Министерство земледелия). Здесь были образованы две структурные части – Канцелярия главноуполномоченного по закупкам хлеба для армии и Отдел Заготовок продовольствия и фуража (Заготосель), ставший основным механизмом и структурой продовольственного аппарата Российской империи в годы Первой мировой войны.

Дело заготовки мясopодуктов с открытием военных действий было возложено на Главноуполномоченного Совета Министров С.Н. Ленина и вице-директора Рыбного отдела И.К. Окулича. Г.В. Глинка отвечал за приобретение и распределение зерна, муки и сахара, а С.Н. Ленин – за снабжение мясом, рыбой, овощами, жирами, маслами и фуражом. Оба этих лица являлись товарищами А.В. Кривошеина (то есть в равном статусе), но «не переваривали друг друга, не разговаривали друг с другом и даже открыто злорадствовали по поводу ошибок другого» [17, книга 2, с. 390].

Разумеется, ГУЗиЗ не имело опыта широкомасштабных закупок продовольствия [18, с. 7] и потому объективно обязывалось создавать широкую продовольственную организацию по всей стране. На местах постепенно создается аппарат Министерства земледелия, включавший в себя губернских уполномоченных, которыми, как правило, становились председатели губернских земских управ. Для успеха работы уполномоченного губерния делилась на районы, во главе которых стояли заведующие этими районами, являвшиеся ближайшими помощниками губернского уполномоченного.

Принцип деления, прежде всего, зависел от наличия железнодорожных узлов как станций для сбора хлеба. Большая часть железных дорог в России шла параллельно друг другу (с запада на восток), и лишь некоторые соединяли их друг с другом рокадами (с юга на север). Отсюда было проще разбивать губернию на районы. В уездах образовывались уездные продовольственные комитеты под руководством председателей уездных земских управ, земских агрономов и др., а также губернский продовольственный комитет под руководством самого уполномоченного.

Институт окружных уполномоченных создавался в военных округах и по идее должен был объединять усилия губернских уполномоченных ГУЗиЗ. Так, председатели губернских земских управ – Ф.В. Шлиппе, Н.А. Мельников и М.А. Суковкин являлись окружными уполномоченными соответственно в Московском, Казанском и Киевском военных округах. Наиболее мощной структурой являлась организация окружного уполномоченного южнорусских регионов – члена Государственного Совета гофмейстера С.Н. Гербеля, курировавшая заготовки в экспортных губерниях Новороссии (Одесский военный округ) и снабжавшая прежде всего Юго-Западный фронт.

Государственного хлеботоргового аппарата перед войной не существовало, что в годы войны «предопределило сложности в организации снабжения армии, а позже городов и потребляющих центров» [19, с. 13–14]. В условиях буржуазной экономики снабжение потребителей продуктами питания зависело от предпринимателей. Теперь же, в военное время, Кривошеин пытался организовать снабжение армии через земства, т.е. напрямую от производителей. Земства должны были организовать закупки хлеба у помещиков и крестьян и помогать им. Так как земства не могли получить достаточное количество товарного хлеба, не разрушая уже сложившихся рыночных отношений в регионе, то уполномоченные были вынуждены идти на сотрудничество с посредниками, занимавшимися хлебной торговлей в мирный период, причем наилучшим вариантом признавались именно земства.

С 30 июля 1914 г. Министерство земледелия стало заготавливать хлеб вне пределов театра военных действий, где распоряжалось ГИНТУ, а 17 сентября Кривошеину предоставили и право заготовки во фронтовых тыловых районах. Сложилась следующая практика взаимодействия военных и гражданских структур: ГИНТУ сохранило за собой право определять необходимое количество продфуража для снабжения армии. Затем наряды передавались ГУЗиЗ, которое исполняло эти наряды через своих уполномоченных на местах. Однако «постепенная передача нарядов со стороны интендантства не давала возможности закупочной организации заранее определить размеры продовольственной кампании и поручить заблаговременно производить закупки в надлежащем масштабе. В результате главная масса закупок пришлось на начало 1915 г., когда большая часть урожая перешла в руки скупщиков, и уполномоченным по закупке хлеба пришлось закупить у них 60% всей суммы запасов»¹.

До января 1915 г. ГИНТУ, Министерство земледелия и другие органы, занятые снабжением армии, закупали хлеб в основном у производителей. В связи с ростом цен, увеличением объемов и номенклатуры заготавливаемых продуктов, громадными железнодорожными перевозками продовольствия, необходимостью удобного механизма закупки и доставки хлеба к станциям

¹ Записка о производстве массовых заготовок продуктов продовольствия и фуража для армии и населения. М., 1915. С. 6.

до половины всего закупаемого хлеба стали поставлять уже торговые посредники.

Неудивительно, что банковские монополии вскоре взяли дело перепродажи хлеба для армии в свои руки, что вызвало рост цен. В середине 1915 г. среди закупленных хлебов крупа составляла 5,1%; фураж – 58,3%; продовольственные хлеба – 36,6% [20, с. 388].

В начале 1915 г. под влиянием спроса на муку и овес из крупных городов цены стали подниматься и превысили предельные, по которым продовольствие закупалось для армии и исходя из которых ГУЗиЗ получало кредиты. В свою очередь, власти ничего не делали для того, чтобы повысить твердые цены для закупок для армии. Результат – приостановка закупок, так как по твердым предельным ценам никто не продавал. Только в конце декабря 1914 г. было отдано распоряжение повысить предельные цены и продолжить закупки, но теперь государственные цены стали отставать от рыночных, причем этот разрыв постепенно усугублялся.

В феврале 1915 г. ГУЗиЗ разрешили покупать хлеб по рыночным ценам, что привело к новому витку роста цен. Отсюда последовало решение Кривошеина об установлении твердых цен на правительственные заготовки и запрещение вывоза хлеба из губерний, переданных в компетенцию командования военных округов. В итоге 17 февраля командующие военными округами получили право вводить предельные закупочные цены и запрещать вывоз хлеба из любой местности, входившей в состав того или иного военного округа. Данный шаг мотивировался необходимостью получения того количества хлеба, что требовалось армии.

В течение первого года войны ГУЗиЗ производило закупки и заготовки лишь по нарядам ГИНТУ, которым по мере надобности отпускались из военного фонда необходимые средства. Общие суммы отпущенных средств в принципе соответствовали размерам данных на закупки и заготовки нарядов и приблизительным заготовительным ценам, почему их, собственно, и устанавливали. Ходатайства об отпуске и заготовке продуктов для населения в первое время были редкими и незначительными и удовлетворялись из наличных военных запасов. С течением времени эти ходатайства стали постоянными и приобрели более солидные размеры¹.

Раздробленность государственных усилий и необходимость создания единой продовольственной политики стали причиной образования 19 мая 1915 г. Главного Продовольственного Комитета под председательством министра торговли и промышленности В.С. Шаховского. Временное укрепление продовольственной организации, установившееся с созданием Главного продовольственного комитета, летом 1915 г. позволило закрепить сотрудничество с ГИНТУ. Теперь центр тяжести действий продовольственного снабжения пе-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1509. Л. 3.

реносился в сферу деятельности интендантства и военных властей вообще, что было связано с масштабной эвакуацией Польши, Литвы и Галиции.

Наметившаяся продовольственная структура, формально возглавлявшаяся Шаховским, а в реальности – Кривошеиным, должна была обозначить не просто сотрудничество с военными, но и утвердить принципы соподчинения, субординации и, самое главное – разграничить сферы ответственности Военного ведомства и Министерства земледелия. Такой подход был вызван констатацией факта, что параллельные закупки уполномоченными Министерства земледелия и интендантами вызывали спекулятивный рост цен на продукты¹.

17 августа Продовольственный комитет был преобразован в Особое Соподчинение по продовольственному делу, которое опять-таки возглавил министр земледелия А.В. Кривошеин. Теперь продовольственные усилия воюющей страны фактически подчинялись Министерству земледелия, причем в пределах войсковых районов приоритетное право заготовки сохранялось за ГИНТУ и армиями. То есть продовольственное дело по закону 17 августа 1915 г. было всецело передано в ведение Особого совещания по продовольственному делу. В законе было указано, что контроль над этим совещанием не предоставляется никакому правительственному учреждению. Таким образом, даже правительство в деле облегчения решения продовольственных задач могло предпринимать только отдельные мероприятия общего характера для содействия делу обеспечения продовольствием населения.

Глава Особого Совещания по продовольствию А.В. Кривошеин, сосредоточивая в своих руках исполнительную власть данного органа, теперь и юридически встал во главе продовольственного дела в стране. Приостанавливать его решения мог лишь военный министр как председатель всего Особого Совещания по обороне государства. Если соглашения достичь не удавалось, вопрос передавался на рассмотрение Совета министров. В составе Особого Совещания работало несколько комиссий, занимавшихся заготовкой различных продуктов, в частности, комиссия по борьбе с дороговизной и др.

Основными комиссиями стали следующие: 1. По снабжению армии и флота, а также сельского и городского населения хлебом и зерновым фуражом (председатель – главноуполномоченный по закупке хлеба для армии Г.В. Глинка, заместитель Кривошеина), 2. По снабжению армии и флота и городского населения мясом, маслом и сеном (председатель – главноуполномоченный по закупке мяса, масла и сена для армии С.Н. Ленин) и 3. По борьбе с дороговизной предметов первой необходимости (председатель – член Государственного Совета Н.Н. Покровский). В соответствии со статьей 9 Положения об Особом Совещании председатель назначал на местах своих уполномоченных для приведения в исполнение его распоряжений. К февралю 1916 г. было назначено

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 499. Оп. 3. Д. 1428. Л. 6.

почти 70 уполномоченных в 61 губернии и области империи, из которых 32 являлись губернаторами, 17 – представителями губернских и земских управ (при этом нередко одновременно являясь и уполномоченными ГУЗиЗ в своем регионе), по 4 члена Государственного Совета и Государственной думы.

Таким образом, организация продовольственного дела в империи получила достаточно завершённую форму. Центральным органом стало Особое Собрание по продовольственному делу, которое возглавлял главноуправляющий ГУЗиЗ со своим аппаратом. То есть министр земледелия сосредоточил в своих руках полную власть и структуры управления в данном отношении. По каждой группе продуктов работал собственный Главноуполномоченный, действия которых координировал Г.В. Глинка – товарищ министра земледелия. В частности, сахарным снабжением заведовал К.И. Зайцев, за поставки фуража отвечал А.Г. Касьянов, а мяса – Н.Г. Коваленко, сменивший И.Г. Окулича, который в апреле занял пост управляющего делами Главного продовольственного комитета.

В регионах организация получила двойную структуру. С одной стороны – уполномоченные Министерства земледелия – этот институт был образован в начале войны и подчинялся А.В. Кривошеину как главноуправляющему ГУЗиЗ. Уполномоченные заготавливали продовольствие для армии. С другой стороны, был создан новый институт – уполномоченные Особого Собрания по продовольственному делу, также подчинявшиеся Кривошеину, но уже как председателю этого Особого Собрания. Эти уполномоченные должны были отвечать за снабжение населения своего региона. Между данными институтами соподчинения не было, и потому они должны были взаимодействовать друг с другом на фактически паритетных началах.

В губерниях, где уполномоченным и той и другой структуры было одно и то же лицо, либо эти лица находились друг с другом в хороших личных отношениях, ситуация складывалась в сторону становления единой властной вертикали данного региона. Напротив, в губерниях, где уполномоченными были разные лица, между ними должны были идти сношения и координация действий, что на практике соблюдалось не всегда. Иногда даже существовали конфликты между губернатором как уполномоченным Особого Собрания по продовольствию и уполномоченным Министерства земледелия¹ – хотя, как правило, связь существовала тесная, не имевшая конкурентной основы. Так или иначе, но все они должны были взаимодействовать с земствами как структурой наиболее приближенной к деревне, а следовательно и сельскохозяйственному производству.

Постепенно, с расширением номенклатуры заготавливаемых для армии продуктов питания, на местах добавлялись новые должности уполномоченных (по закупкам скота, овощей, яиц, сена и проч.), которые могли занимать уже работавшие в регионе уполномоченные либо новые лица. Эти уполномо-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6831. Оп. 1. Д. 390. Л. 19–22.

ченные отчитывались напрямую перед Заготоселем – то есть перед главноуполномоченными по заготовке тех или иных продуктов.

Характерно, что здесь один и тот же человек мог заниматься закупками разных продуктов, либо, напротив, покупать один продукт, но в смежных регионах. Наибольшим разнообразием отличался институт уполномоченных в столичном регионе: уполномоченный Особого Совещания по продовольствию по Петроградской губернии – губернатор А.П. Сабуров, по г. Петрограду – градоначальник А.Н. Оболенский, уполномоченный Министерства земледелия по Петрограду – заведующий Отделом зернохранилищ Государственного банка Д.В. Шумский, уполномоченный Министерства земледелия по приемке и отправке продовольственных грузов, приходящих водой в г. Петроград – А.А. Синягин.

В конце сентября 1915 г. были введены твердые закупочные цены на овес, но на рожь и муку – только в декабре. Твердые цены вводились постепенно, первоначально лишь в районах производства, существенным разбросом ценового предела между регионами. Твердые цены: овес – 5 октября 1915 г., рожь – 6 декабря 1915 г., пшено и гречневая крупа – 6 декабря 1915 г., пшеница – 3 января 1916 г., ячмень – 6 февраля 1916 г. После введения твердой цены на овес (продукт, наиболее востребованный армией) Особое Совещание по продовольственному делу обсуждало методы и целесообразность продолжения данной политики, за которую наиболее рьяно выступал новый министр земледелия А.Н. Наумов. Однако до осени 1916 г. централизованные закупки по твердым ценам распространялись только на закупки для нужд армии, и лишь когда кризис продовольственного снабжения явно обозначил себя, приказом от 9 сентября 1916 г. устанавливались твердые цены на хлебные продукты для всех сделок без исключения, причем твердые цены, разумеется, были ниже рыночных, ибо государство уже начинало испытывать нехватку денег для ведения войны, так как старалось всемерно сдерживать инфляцию.

В день увольнения с должности А.В. Кривошеина, 26 октября 1915 г., высочайшим повелением Главное управление землеустройства и земледелия было переименовано в Министерство земледелия. Уже зная о предстоящей отставке, Кривошеин предложил на свое место Г.В. Глинку, который первое время являлся и.д. министра земледелия, и 31 октября провел заседание Особого Совещания по продовольствию. Однако 10 ноября управляющим (то есть – и.о.) Министерства земледелия был назначен член Государственного Совета от самарского губернского земства А.Н. Наумов, 16 ноября вступивший в должность (1 января назначен министром).

Политика Наумова заключалась, прежде всего, в неуклонном проведении в жизнь политики твердых цен, причем теперь не соответствовавших рыночным, как было при Кривошеине, а ниже рыночных, так как финансы империи истощались и следовало экономить. Твердые цены рубежа 1915/1916 г. были немного выше рыночных, почему и носили название не твердых, а предель-

ных. Однако высокие цены в результате послужили не тормозом, а побудительным средством к дальнейшей игре на повышение – то есть к лету 1916 г. они стали считаться минимальными¹.

В январе 1916 г. Наумов провел небольшое реформирование вверенной ему организации. Распоряжением министра земледелия от 6 января 1916 г. Главноуполномоченный по закупке хлеба был переименован в Особоуполномоченного Министерства земледелия по закупкам для армии хлеба, сахара и соли. Этот пост занял Г.В. Глинка, а место вскоре отстраненного Ленина занял Н.А. Мельников, который, в отличие от Ленина, имевшего с Глинкой равный статус, теперь подчинялся Глинке. Иными словами, А.Н. Наумов несколько разграничил полномочия: в своих руках он прежде всего сконцентрировал управление Особым Совещанием по продовольственному делу, а Глинке передал заведывание Отделом Заготовок Министерства земледелия (Заготоселем), работавшим только на армию. Ответственным за закупки зерна, муки и крупы (чем ранее занимался Глинка, теперь координировавший деятельность всего Заготоселя) стал начальник Канцелярии Главноуполномоченного по закупке хлеба для армии Н.А. Гаврилов. Немногим позже, в марте, была введена должность третьего товарища министра земледелия, которым стал директор Лесного департамента Н.В. Грудистов. Реформирование было вызвано тем, что Глинка, полностью поглощенный работами по снабжению, фактически не мог исполнять своих функций в Министерстве земледелия, а второй товарищ – А.А. Риттих оказался перегружен работой².

21 июня 1916 г. министр земледелия А.Н. Наумов был отправлен в отставку, а на его место назначен представитель крупного землевладения граф А.А. Бобринский. Бобринский немедленно провел новую реорганизацию. Почти сразу создается новое структурное подразделение, призванное урегулировать сложное взаимодействие и противоречия между уполномоченными и мукомолами, чьи мельницы зачастую не получали зерна для перемола вследствие установленной Министерством земледелия запретительной системы. Уже 23 июня 1916 г. при Особом Совещании по продовольственному делу было учреждено Центральное Бюро по мукомолью (председателем которого стал Глинка, а его товарищем и фактическим главой – представитель мукомолов нижегородский уполномоченный А.С. Салазкин).

Помимо того, в августе А.А. Бобринский провел перестановки в высшем звене управления, поставив на ключевые должности своих людей. В конце месяца Г.В. Глинка был отправлен в Сенат, а товарищем министра и Главноуполномоченным назначен управляющий Земским отделом МВД тайный советник А.Н. Неверов (ранее был Акмолинским и Волынским губернатором,

¹ ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 403. Л. 16–18.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 381. Оп. 46. Д. 204. Л. 29.

на каковом посту «приобрел большой опыт в деле снабжения армии и в продовольственном вопросе»¹. Помощником Неверова стал Гаврилов.

Постепенно перед страной встала проблема изъятия свободных (товарных) хлебных ресурсов из села (как у производителей, так и у посредников) по ценам несколько ниже рыночных. Здесь, к сожалению, имело место параллельное и независимое друг от друга переплетение интересов крупного бизнеса (кредитование банками крупных посредников и скупщиков хлеба) и широких крестьянских масс. Уже с конца 1915 г. крестьяне стали придерживать хлеб, не спеша выбрасывать его на рынок в расчете на дальнейший рост цен, что было обусловлено повышением уровня благосостояния не только богатых, но и середняцких хозяйств, вследствие семейной денежной экономии («сухой закон», пайковые выплаты, повышение цен на сельскохозяйственную продукцию).

В свою очередь, хлебовладельцы имели возможность получать ссуды под зерно из Государственного Банка, что тоже позволяло не торопиться с реализацией урожая. Скупщики, понимая выжидательное настроение хлебопроизводителей, искусственно повышали цены, а многие городские учреждения получали отсрочки возврата казне продовольственных ссуд на «после войны». В таких обстоятельствах никто не верил, что в случае установления новых твердых цен выше существующих старые запасы будут приобретаться по старым твердым ценам. Такое положение вещей вынуждало государство все более и более вмешиваться в продовольственное дело страны.

В условиях, когда хлеб в стране был, но на рынок не поступал, государство постепенно вынуждалось к практике отказа от рынка вообще и переходу к строго и жестко централизованной политике, что означало введение твердых цен и контроля государства за продажей и покупкой продовольствия. Система запретительных мер, начавшая мало-помалу внедряться с началом войны по всей стране, постепенно раздробила единый рынок в масштабах всей страны на ряд локальных областей. Следующим логическим шагом стало установление контроля государственных органов за хлебным производством и потреблением.

На съезде уполномоченных 25 августа А.А. Бобринский предложил ввести твердые цены, что было поддержано и вылилось в постановление 9 сентября об установлении твердых цен на все хлеба и все сделки. Вследствие сокращения объемов товарного хлеба 7 октября было решено прибавить к твердым ценам еще и разверстку. Проект хлебной разверстки был отправлен в Особое Совещание по продовольствию 10 октября, но выход из ситуации с 26 ноября 1916 г. искал уже новый министр земледелия А.А. Риттих, работавший товарищем министра и при Кривошеине, и при Наумове, и при Бобринском, которые все высоко ценили этого человека. Риттих также провел рокировку на верхах продовольственного управления (место Неверова занял

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 381. Оп. 46. Д. 205. Л. 38.

Грудистов, его равным по статусу коллегой по закупкам мяса и жиров стал Мельников, а Гаврилов был выдвинут на пост представителя Особого Сопещения по продовольствию при Ставке Верховного командования, располагавшейся в Могилеве).

Законом 10 октября 1916 г. все дело заготовки продовольственных продуктов не только для армии, но и всей страны было возложено на министра земледелия как председателя Особого Сопещения по продовольствию. Общий продовольственный план зимой 1916/1917 г. утверждался Центральным Бюро по мукомолью и Главноуполномоченным по закупке хлеба для армии, который, собственно, и давал наряды для войсковых интендантств. Но Министерство земледелия зачастую разрешало и свободные закупки агентами местных властей, хотя уполномоченные на местах все равно не позволяли вывозить закупленное продовольствие и порой подвергали его реквизициям; либо, в крайнем случае, закупки дозволялись в местах, удаленных от железных дорог.

С конца 1916 г. наряды уполномоченным на местах даются министром земледелия на основании плана, вырабатываемого на Сопещениях по вопросам снабжения армии продовольствием и фуражом и по урегулированию перевозок, проводившихся в Ставке и не подлежавших изменению без указаний Главного полевого интенданта¹. Однако полностью систему регулирования так и не удалось наладить. Многочисленные противоречия правовых актов, регулирующих снабжение, порождали постоянные трения между различными органами и учреждениями – как местными, так и центральными. К началу 1917 г. заготовка хлеба была сосредоточена в руках 220 уполномоченных Особого Сопещения по продовольствию, из которых 140 работали на армию. Вывоз продовольствия мог быть произведен также только по получении соответствующего распоряжения от Центрального Бюро и Главноуполномоченного по закупке хлеба, сахара и соли для армии.

Право реквизиции продуктов предоставлялось уполномоченным Министерству земледелия. Все организации и ведомства, от частных лиц и до губернатора, должны были обращаться к Главноуполномоченному на предмет получения соответствующего распоряжения. Более того, с конца ноября 1916 г. Главноуполномоченный требует от Отдела заготовок Министерства земледелия обращаться непосредственно к нему, а не производить самостоятельных закупок фуража, чтобы не нарушать общий план закупок для армии и, следовательно, не срывать наряды².

В целом, к концу 1916 г. аппарат Министерства земледелия достиг максимума своей разветвленности. С начала войны в регионах действовали уполномоченные по закупкам хлеба для армии, каковыми чаще всего становились председатели губернских земских управ. С течением времени количество

¹ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 386. Л. 12 об.–14.

² ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 387. Л. 128.

уполномоченных расширилось, в зависимости от номенклатуры заготавливаемого в регионе продукта.

Невзирая на все усилия государства, вследствие, прежде всего, падения транспортных мощностей железных дорог, осенью 1916 г. окончательно прояснилось неудовлетворительное положение дел в области продовольствования армии и населения [21]. Рынок, на котором производились заготовки, был пуст, ввиду нежелания хлебовладельцев вступать в сделку с государством – тыл разрушался под тяжестью нехватки продовольствия и топлива и высоких цен [22, с. 55]. Тогда правительство переходит к экстренным мерам: воплощению в жизнь мероприятия по изъятию хлеба из деревни, изложенного в постановлении управляющего министерства земледелия от 29 ноября 1916 г. «О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной». Данная мера затрагивала не всех держателей хлеба, но лишь непосредственных производителей. То есть, ложась тяжелым бременем на деревню, новое государственное мероприятие исключало из сферы своего действия запасы, находившиеся в руках посредников между производителем (деревня) и покупателем (государство). Идея разверстки, как отмечал на заседании Особого Совещания 15 февраля А.А. Риттих, «заклучалась в переводе поставки хлеба из области торговой сделки в область исполнения долга перед Родиной»¹.

Реакцией крестьянства на разверстку стал пассивный саботаж и уклонение от исполнения заданий государства. С точки зрения деревни, главная причина разверстки – это невозможность и неумение власти купить хлеб. Принципы реквизиционных мер, система премиальных стимулов, объем возлагаемых на местность поставок и т.д. приходили в противоречие друг с другом, а все вместе – с существующими реалиями и потому были обречены на неуспех. Политика государства заключалась в вытеснении коммерческих структур из хлебного товарооборота, что в целом удалось сделать к 1917 г., когда зерно сосредоточилось у производителя, а его распределение относилось к прерогативе государства [23, с. 35].

Верховная власть выбрала некий «средний» путь между жесткой политикой Центра и всецелой инициативой местных общественных органов, проиграв в результате. Получение по разверстке всего около 20% предполагавшегося количества хлеба действительно свидетельствует о провале предполагавшихся А.А. Риттихом государственных усилий, усугубившем продовольственный кризис начала 1917 г., который послужил запалом к взрыву Февральской революции.

В современной историографии называется целая совокупность факторов, порождавших «поистине неразрешимую управленческим путем продовольственную проблему со всеми вытекающими отсюда последствиями стихийной растащивки». В их числе: «параллельное существование государственных,

¹ Журналы Особого Совещания по обороне государства. М., 1978. Вып. 2. С. 219–222.

общественных и кооперативных заготовительных органов в условиях запутанной ситуации с экспортом»; «неясность с “твердыми” хлебными ценами, вызвавшими спекуляцию»; «“губернаторские войны” из-за запрещения вывоза продовольствия за пределы губерний, прогрессирующий паралич транспортной системы»; преувеличенное представление о масштабах хлебных запасов и возможностях маневрирования ими» [1, с. 52–53]. О продовольственном аппарате один из ведущих специалистов в исследовании поставленной проблематики, чья работа 1985 г. стала классической [24], выдвигает следующий тезис: «структура была сложной, громоздкой, отличалась дублированием функций. Организационные минусы затрудняли оперативность действий» [25, с. 141]. Признается, что деятельность правительства была настолько негибкой, что оно оказалось единственным в Европе, разрушившим себя «во имя мобилизации всех сил на ведение войны» [26, с. 419].

Выводы. Таким образом, продовольственная политика Российской империи в период Первой мировой войны, возложенная на Министерство земледелия, в конечном счете не оправдала себя полностью. Продовольственный кризис зимы 1917 г. не стал главной причиной революции, уже давно вызревавшей в российском обществе, но его стимулирующая роль для революционного взрыва, который должен был быть предотвращен властями, несомненна. Российская империя была хуже, нежели ее союзники и противники, организована в экономическом плане. Поэтому властные органы не сумели создать опирающуюся на поддержку всего общества продовольственную организацию, действовавшую общими усилиями различных социальных групп в интересах обороны страны.

Кризис, несомненно, оказался усугублен слабой продовольственной организацией, потерявшей контроль над кренящейся ситуацией вследствие своей некомпетентности именно как структуры (слабый аппарат, противоречивость действий, отсутствие согласованности между ведомствами, противостояние государственной власти и оппозиции), что и имело следствием столь сильное развитие продовольственного кризиса, выход из которого потребовал революционного вмешательства. Невзирая на достаточность продовольствия в стране, Министерство земледелия и иные органы и организации, озабоченные проблемой продовольствования, не сумели в должной мере его получить, распределить и доставить по назначению в тот критический момент, когда определялась судьба воюющей страны.

© Оськин М.В., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1779; 1797; 6831; 6831. Журналы Особого Совещания по обороне государства. М., 1978. Вып. 2.

Записка о производстве массовых заготовок продуктов продовольствия и фуража для армии и населения. М., 1915.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 499.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 381. Оп. 46. Д. 204.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010.
- [2] Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Российская смута начала XX века как общинная революция // Историческая наука в меняющемся мире. Казань, 1994. Вып. 2. С. 154–157.
- [3] Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции» // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 131–142.
- [4] Земский феномен: политологический подход. Саппоро, 2001.
- [5] Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014–2016. В 3 томах.
- [6] Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте – Столыпина. М.: Алетей, 2016.
- [7] Островский А.В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. М.: Товарищество научных знаний КМК, 2016.
- [8] Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. М.: Соцэкгиз, 1962.
- [9] Воронов И.И. Министерство земледелия Российской империи: XIX – начало XX в. Красноярск: Литера-Принт, 2013.
- [10] Сенин А.С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). М.: Транспортная книга, 2009.
- [11] Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973.
- [12] Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М.: Издательский центр научных и учебных программ, 1999.
- [13] Роднов М.И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа: ДизайнПресс, 2012.
- [14] Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918: материалы Международной научной конференции / Отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2014.
- [15] Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения / Сост. С.М. Исхаков. М.: ИРИ РАН, 2014.
- [16] Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2014.
- [17] Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Нью-Йорк: Изд. А.К. Наумовой и О.А. Кусевицкой, 1955.
- [18] Lih Lars T. Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Berkeley, Б.и. 1990.
- [19] Борисов В.И., Чернобаев А.А. Хлеб, война, революция: Продовольственная политика на Юге России в период первой мировой войны и революции (1914–1918). М.–Луганск: ЛСХИ, 1997.
- [20] Букишпан Я.М. Военно-хозяйственная политика. М.–Л.: РАНИОН, 1929.

- [21] *Оськин М.В.* Командования фронтов зимой 1917 г. в борьбе с кризисом продовольственного снабжения действующей армии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 4. С. 24–33.
- [22] *Geoffrey J.* The First World War (1): The Eastern Front 1914–1918. Essential Histories 13, Osprey Publishing, 2002.
- [23] *Holquist P.* Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge: Harvard University Press, 2002.
- [24] *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л.: Наука, 1985.
- [25] *Китанина Т.М.* Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика. Курслекций. СПб.: Гуманитарная академия, 2016.
- [26] *Yanev G.-L.* The Urge to Mobilize: agrarian reform in Russia, 1861–1930. Urbana: University of Illinois Press, 1982.

История статьи:

Поступила в редакцию: 20 декабря 2016 г.

Принята к печати: 12 апреля 2017 г.

Об авторе:

Оськин Максим Викторович – к.и.н., доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин Института законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации; Почтовый адрес организации: 300028, Россия, Тула, ул. Сурикова, 2.

**FOODPOLICY OF THE MINISTRY OF AGRICULTURE
IN WORLD WAR I
(JULY 1914 – FEBRUARY 1917)**

Maxim V. Os'kin

Institute of Jurisprudence and Management of all-Russian Police Association
Tula, Russia, maxozv@yandex.ru

The article deals with the food policy of Russia in the First World War period. The main purpose of this policy was to supply food and fodder to the front. But gradually an integral part of this policy became ensuring food to the entire country. In 1914–1915 the Food and Agriculture Organization of Russia was actually responsible for supplying food to the army. In 1915 there were introduced fix prices for various products, and the government had to consider consumers. In 1916 the food situation drastically worsened, which forced the government to supply not only the front but also the rear. The authorities were trying to compensate the objective shortcomings of the state system by organizing food supply.

From the beginning of the war it was the Ministry of Agriculture which was responsible for solving the food problem and supplying the front and the rear. The Ministry created a

ramified organization, which was rather successful in the wartime. The organization covered all the regions of Russia, where was established the institution of commissioners. The institution had two levels: commissioners of the Ministry of Agriculture, who were responsible for supplying products to the army, and commissioners of the Special Meeting on the food business, who supplied food to the rear. Each new minister of agriculture tried to improve the structure in order to achieve the set goals.

In the hard conditions of the war the Ministry of Agriculture successfully supplied food to the army, and prevented famine in the rear. Temporary shortages of food on the front were quickly overcome. The growing food crisis in 1916 posed new challenges to the food organization, which it failed to solve. The last major event was the surplus bread appropriation both for the front and the rear. Its failure triggered protests across the country. The food crisis of 1917 became the reason for the February Revolution. The food policy of the empire was a compromise and didn't achieve all the tasks set by the supreme authority of the state.

Keywords: food policy, bread and fodder, food crisis, Ministry of Agriculture, supply to the front and rear

REFERENCES

- [1] Buldakov VP. *Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red Troubles: Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow: ROSSPEN, 2010 (in Russian).
- [2] Bukharaev VM., Lyukshin DI. Rossiiskaya smuta nachala XX veka kak obshchinnaya revolyutsiya [The Russian Troubles of the Early 20th Century as a Community Revolution]. *Istoricheskaya nauka v menyayushchemsya mire* [Historical science in a changing world]. Kazan, 1994; Vyp. 2. P. 154–157.
- [3] Bukharaev VM., Lyukshin DI. Krest'yane Rossii v 1917 godu. Pirrova pobeda «obshchinnoi revolyutsii» [The peasants of Russia in 1917. Pyrrhic victory of the «communal revolution»]. *1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Oktyabr'skaya revolyutsiya: ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu* [1917 in the destinies of Russia and the world. The October revolution: from new sources to new thinking]. Moscow; 1998. P. 131–142.
- [4] *Zemskii fenomen: politologicheskii podkhod* [Zemstvo's phenomenon: political approach]. Sapporo; 2001.
- [5] Mironov BN. *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: from tradition to modernity]. St-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 2014–2016 (in Russian).
- [6] Davydov MA. *Dvadsat' let do Velikoi voiny: rossiiskaya modernizatsiya Vitte – Stolypina* [Twenty years before the Great War: the Russian modernization of Witte and Stolypin]. Moscow: Aleteia, 2016 (in Russian).
- [7] Ostrovskii AV. *Rossiiskaya derevnya na istoricheskom pereput'e. Konets XIX – nachalo XX v.* [Russian village at the historical crossroads. The end of XIX – the early XX century]. Moscow: Tovarishestvo nauchnyh znaniy KMK, 2016 (in Russian).
- [8] Anfimov AM. *Rossiiskaya derevnya v gody Pervoi mirovoi voiny* [Russian village during the First World War]. Moscow: Socjkgiz, 1962 (in Russian).
- [9] Voronov II. *Ministerstvo zemledeliya Rossiiskoi imperii: XIX – nachalo XX v.* [Ministry of Agriculture of the Russian Empire: XIX – the early XX century]. Krasnoyarsk: Litera-Print, 2013 (in Russian).

- [10] Senin AS. *Zheleznodorozhnyi transport Rossii v epokhu voin i revolyutsii (1914–1922 gg.)*. [Railway transport of Russia in the era of wars and revolutions (1914–1922)]. Moscow: Transportnaja kniga, 2009 (in Russian).
- [11] Sidorov AL. *Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny* [The economic situation in Russia during the First World War]. Moscow: Nauka, 1973 (in Russian).
- [12] Tagirova NF. *Rynok Povolzh'ya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [The Volga market (the second half of the XIX – early XX centuries.)]. Moscow: Izdatel'skii centr nauchnyh i uchebnyh programm, 1999 (in Russian).
- [13] Rodnov MI. *Prostranstvo khlebnogo rynka (Ufinskaya guberniya v kontse XIX – nachale XX vv.)* [The bread market space (Ufa province in the late XIX – early XX centuries.)]. Ufa: DizajnPress, 2012 (in Russian).
- [14] Artizov AN, Levykin AK, Petrov YuA, eds. *Rossiya v gody Pervoi mirovoi voiny. 1914–1918: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Russia during the First World War. 1914–1918: Materials of the International Scientific Conference]. Moscow: IRI RAN, 2014 (in Russian).
- [15] Iskhakov SM, ed. *Rossiya i Pervaya mirovaya voina: ekonomicheskie problemy, obshchestvennyye nastroyeniya, mezhdunarodnye otnosheniya* [Russia and the First World War: Economic Problems, Public Constructions, International Relations]. Moscow: IRI RAN, 2014 (in Russian).
- [16] Petrov YuA, ed. *Rossiya v gody Pervoi mirovoi voiny: ekonomicheskoe polozhenie, sotsial'nye protsessy, politicheskii krizis* [Russia during the First World War: economic situation, social processes, political crisis]. Moscow: ROSSPEN, 2014 (in Russian).
- [17] Naumov AN. *Iz utselevshikh vospominanii. 1868–1917*. [From the surviving memories. 1868–1917]. New-York: Izdatelstvo A. K. Naumovoy i O.A. Kusevickoy, 1955 (in Russian).
- [18] Lih Lars T. *Bread and Authority in Russia, 1914–1921*. Berkeley, 1990.
- [19] Borisov VI., Chernobaev AA. *Khleb, voina, revolyutsiya: Prodoval'stvennaya politika na Yuge Rossii v period pervoi mirovoi voiny i revolyutsii (1914–1918)* [Bread, War, Revolution: Food Policy in the South of Russia during the First World War and Revolution (1914–1918)]. Moscow, Lugansk: LSHI, 1997 (in Russian).
- [20] Bukshpan YaM. *Voenno-khozyaistvennaya politika* [Military-Economic Policy]. Moscow, Leningrad: RANION, 1929 (in Russian).
- [21] Os'kin M.V. Front Commands in winter of 1917 in combating crisis of food supply to field forces. *RUDN Journal of Russian History*. 2015; (4): 24–33.
- [22] Geoffrey J. *The First World War (1); The Eastern Front 1914–1918. Essential Histories 13*. Osprey Publishing; 2002.
- [23] Holquist P. *Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921*. Cambridge: Harvard University Press, 2002.
- [24] Kitanina TM. *Voina, khleb i revolyutsiya (Prodoval'stvennyi vopros v Rossii. 1914 – oktyabr' 1917g.)* [War, bread and revolution. (The Food Question in Russia, 1914 – October 1917)]. Leningrad: Nauka; 1985 (in Russian).
- [25] Kitanina TM. *Rossiya v Pervoi mirovoi voine 1914–1917 gg.: ekonomika i ekonomicheskaya politika: Kurs lektsii* [Russia in the First World War 1914–1917: economy and economic policy. Lecture course]. St-Petersburg: Gumanitarnaja akademija, 2016 (in Russian).
- [26] Yaney G.-L. *The Urge to Mobilize: agrarian reform in Russia, 1861–1930*. Urbana: University of Illinois Press, 1982.

Article history:

Received: 20 December 2016

Revised: 12 April 2017

Accepted: 12 April 2017

About the author:

Maxim V. Os'kin, PhD, Associate Professor of the Department of General Humanitarian and Socio-Legal Disciplines at Institute of jurisprudence and management of all-Russian police Association; Postal address of the organization: 2, Surikov Str., Tula, 300028, Russia.



УДК 94(47).084.1

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-210-222

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ИНТЕРНИРОВАННЫХ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 Г.

Е.В. Миронова

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Россия, yelena.mironova@yandex.ru

В статье рассматривается повседневная жизнь интернированных (лиц, имеющих гражданство враждебного государства) в Казанской губернии в 1917 г. Данная проблема практически не рассматривалась в качестве самостоятельной. Используя архивные материалы, автор показывает бытовые условия существования этой категории граждан, отношение к ним со стороны местного населения и изменения в их положении в связи с революционными событиями в России. Делается вывод о том, что Февральская революция не принесла ожидаемой либерализации законодательства в отношении интернированных и их положение оставалось прежним.

Ключевые слова: Казанская губерния, интернированные, повседневность, Февральская революция, Октябрьская революция

Введение. Развитое гражданское общество предполагает заботу о правах и свободах каждого отдельного члена социума даже в экстренных ситуациях. Во время Первой мировой войны целая группа населения, формально граждан других стран, но живших на протяжении многих лет в России, стали по статусу почти преступниками. Законодательство об интернированных развивалось на протяжении всего XX в., но даже сейчас оно далеко от совершенства. Тем более будет полезно напомнить, какое отношение к ним было 100 лет назад, когда на тяготы войны наложился кризис российского общества в результате двух революций 1917 г.

В отечественной историографии вопрос об интернированных Первой мировой войны практически не рассматривался как самостоятельная проблема. В исследованиях, посвященных военнопленным, обычно есть упоминания о гражданских пленниках, но им уделяется всего несколько абзацев и лишь упоминается о такой категории без подробного анализа их статуса [См.: 1; 2]. По положению интернированных в Казанской губернии также нет отдельных работ. Л.Н. Комелина, изучая быт военнопленных в городе Царевококшайск,

упоминает о большом количестве браков, заключенных между подданными враждебных держав и местными жителями в 1917 г. [3, с. 134]. Положению интернированных уделяется внимание в статьях Э.Е. Абдрашитова [См.: 4; 5]. Автор разделяет военнопленных и интернированных по подчиненности первых военным властям, а вторых – гражданским [4, с. 83].

Из источников, прежде всего, были изучены законодательные акты, позволяющие определить юридический статус интернированных. Основой исследования стали губернские делопроизводственные материалы, куда входят переписка центральных и местных властей об интернированных, ходатайства интернированных в органы власти и пр. Также при написании статьи использована переписка самих интернированных, которая выделяется в качестве источников личного происхождения.

Цель исследования – выяснить влияние Февральской и Октябрьской революций 1917 г. на положение интернированных в Казанской губернии в условиях Первой мировой войны. Данная цель конкретизируется в следующих задачах: охарактеризовать быт, выявить отношение местных жителей к иностранным подданным, проследить изменения их положения как интернированных граждан.

Исследование проблемы. В ходе Первой мировой войны в городах и уездах Казанской губернии наряду с беженцами и военнопленными появилась такая категория лиц, как интернированные. Это были подданные стран, против которых велись боевые действия, но которые проживали на территории Российской империи. В первые дни войны их отнесли по статусу к военнопленным¹, соответственно они подчинялись положению «О военнопленных»². Однако уже с середины 1915 г. Главный начальник Казанской губернии подчеркивал, что военнообязанные, как называли интернированных, военнопленными не являются [4, с. 83]. В дальнейшем положение представителей этой группы регламентировалось «Временными правилами для военнообязанных, водворенных в Казанской губернии»³. Поскольку иностранные граждане рассматривались как потенциальная угроза безопасности государства, так как могли заниматься шпионажем, вести подрывную деятельность внутри страны и даже выступить с оружием, то они оказались объектом пристального внимания со стороны властей.

С началом войны подданные «вражеских государств» были интернированы из западных губерний, находившихся непосредственно у линии фронта,

¹ Обязательное постановление казанского губернатора П.М. Боярского об объявлении австрийских и германских подданных военнопленными. 1 августа 1914 // Казанская губерния в период Первой мировой войны: сборник документов и материалов. Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан, 2014. С. 26.

² Положение «О военнопленных» от 7 (20) октября 1914 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 16 октября 1914 г. № 281. Ст. 2568. URL: <http://istorja.ru/forums/topic/1684-polozhenie-o-voennoplennyih/> (Дата обращения: 8.01.2016).

³ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 985. Л. 76.

во внутренние районы страны. Невзирая на семейное положение, возраст и социальный статус, переселенцы обязаны были, бросив все, оставить родной город. Нередко случалось так, что у держателя иностранного паспорта жена, дети и другие родственники являлись российскими подданными. Соответственно, им позволялось не покидать место проживания, в то время как глава семьи подлежал интернированию. Так, например, произошло с германским подданным Иоганном Горном, водворенным в селе Молвитино Костромской губернии, в то время как вся его семья продолжала жить в Терской губернии. Когда же сыну Горна исполнилось 16 лет, то он также был принудительно выселен, но не к отцу, а в Казанскую губернию. Тем самым юноша был брошен на произвол судьбы. «Сколько скорби и заботы приносит это расторжение с родным сыном! – с отчаянием писал Горн о своих моральных переживаниях казанскому губернскому комиссару Временного правительства. – Он мог бы нам оказать и материальную помощь, работая здесь в сельскохозяйственном деле»¹. Супруга Горна с остальными детьми, неспособная самостоятельно добыть средства к существованию, переехала к Иоганну, а старший сын как германский подданный так и не сумел воссоединиться с родными².

По прибытии в губернский или уездный город Казанской губернии иностранные подданные обязаны были явиться в полицейское управление для предъявления документов. Тех же, у кого не было денежных средств на транспортные расходы, отправляли «этапным порядком». На каждого выдавалась особая книжка, заменявшая вид на жительство, а документы о личности передавались на хранение в местной полиции. Таким способом прибывшее лицо становилось на учет.

Для удобства надзора за прибывшими их селили в определенной части города, удаленной от центра, или в домах, указанных начальником полиции. Внутри уезда – по указанию начальника полиции. Интернированными и другими группами пришлого населения в Казанской губернии были переполнены четыре города – Чистополь, Свияжск, Цивильск, Мамадыш. Поскольку города не вмещали всех прибывающих, то местные власти с разрешения губернатора направляли их на жительство в окрестные селения. Так, еще в конце 1915 г. всех направляемых в Свияжск стали размещать сначала в селе Введенское, в 30 верстах от города, а затем – в деревне Петропавловская слобода и выселке Шевлягин. В самом городе к этому времени находилось 229 военнообязанных и их семей³.

До определения места поселения гражданские пленные находили временное жилье по своему усмотрению. Часто они останавливались на центральных улицах города, хотя им запрещалось снимать лучшие номера и гостиницы. В первой части Казани интернированные занимали номера Щетинкина на

¹ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 91–91 об.

² НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 91 об.

³ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1032. Л. 22.

углу Большой Проломной и Гостинодворской улиц, купеческие номера на Большой Проломной, во второй части города – номера «Свет» на Владимирской, Кавказские номера близ вокзала, гостиницу «Казань» на Поперечно-Мокрой¹.

Бытовые трудности стали главной проблемой в повседневной жизни гражданских пленных. Жалобы и просьбы касались дороговизны продуктов продовольствия, плохих санитарных условий, отсутствия подходящей работы, разлуки с женами и детьми, оставшимися без отцовского воспитания².

Интернированные получали материальную помощь из Австро-Венгерского (до 1917 г.), Шведского и Датского консульств, из Американского генерального консульства. Кроме того, существовали различные общественные организации, как, например, Минское общество вспомоществования бедным евреям и другие. Для распределения помощи, поступавшей от консульств, в каждом городе был образован комитет с участием одного германского и австрийского подданного и чиновника полиции. По данным на 1917 г., только по Мамадышскому уезду от Американского генерального консульства поступило 180505 рублей 50 копеек, из них 163535 рублей было выдано германским гражданам, 16970 – австрийским. От родственников было получено и выдано 42820 рублей 64 копейки, ценных посылок поступило на сумму 1937 рублей 70 копеек³. Но помощь, как следует из жалоб интернированных, была чисто символической, и ее не хватало даже на еду. Ежемесячное пособие составляло по 25 рублей на взрослого немца и 10 – на ребенка, австрийские подданные получали по 12 и 6 рублей соответственно, еще по 7 рублей на человека получали австрийские евреи⁴. Отдельно от этих сумм выдавались деньги на лечение, крестины, а также поступали переводы от родных.

Экстремальные условия жизни, в которых оказались интернированные, вызывали проявление агрессии даже по отношению к представителям иностранных консульств. Так, при получении ежемесячного пособия несколько германских подданных обозвали делегатов жуликами и ворами и даже пытались задержать одного из агентов за то, что он якобы украл деньги, подлежащие раздаче. Только благодаря вмешательству правоохранительных органов удалось уладить дело без дальнейших эксцессов⁵.

Гражданским пленным, с целью добычи средств к существованию, дозволялось заниматься ремеслом, поступать на частную службу или сельскохозяйственные работы, но с разрешения начальника полиции и под ответственность нанимателя. Были и другие случаи, когда работники нужны были, но их просто не разрешали нанимать. Так, чистопольский уездный исправник

¹ НА РТ. Ф. 1. Оп.6. Д. 921. Л. 2, 3 об.

² НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1219. Л. 44, 80.

³ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1219. Л. 419.

⁴ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 112. Л. 16.

⁵ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 86. Л. 60.

в своем рапорте сообщал, что в числе военнообязанных австрийских и германских подданных, прибывавших на жительство в Чистополь, были лица, обладавшие специальными знаниями – агрономы, врачи и другие. Так, один из них на днях был принят Чистопольской городской управой на службу в качестве медицинского фельдшера, однако по указанию губернатора ему в дальнейшем было отказано в приеме на работу, поскольку военнообязанных было запрещено принимать на службу в правительственные учреждения и к должностным лицам¹.

Трудности, с которыми сталкивались иностранцы в поисках пропитания, вели к тому, что чаще всего приходилось наниматься чернорабочими и земледельцами. Так, артист драматического театра Фердинанд Иванович Гаузер занимался тяжелым физическим трудом, в том числе перетаскиванием грузов и пр.²

В свою очередь, перенаселение внутренних районов империи ухудшало условия жизни местных граждан – росли цены на продукты первой необходимости, жилье и т.п. Например, в 1917 г. в Лаишевском насчитывалось 622 неприятельских подданных, из них 129 детей до 12 лет, в Мамадышском – 756 взрослых и 211 малолетних³. С увеличением количества прибывающих, нехваткой продовольствия и ростом цен усиливалось недоброжелательное отношение к ним со стороны местных жителей. Революция только усугубила эти тенденции. Председатель Царевококшайского уездного комитета общественной безопасности возмущался: «Неприятельские подданные находятся в лучшем положении, чем местное население, особенно солдатки-беженцы. Чиновники удивляются заботам в первую очередь о врагах отечества и считают необходимым напомнить о нужде беженцев, солдаток...»⁴.

Поэтому местные власти иногда совершенно не учитывали нужды интернированных.

Под давлением жителей в марте 1917 г. Тетюшский комитет общественной безопасности (КОБ) ограничил военнообязанных и военнопленных в покупке товаров и продуктов. На базарах дозволялось покупать продукты только после 11 часов утра⁵. Мануфактуру и обувь им не продавали до августа 1917 г. Была избрана комиссия для выработки нормы потребления военнообязанных⁶. Местные интернированные, посчитав такие условия неисполнимыми, избрали комиссию, которая должна была объяснить комитету, что это постановление грозит им голодом. Когда КОБ не принял во внимание этих доводов, гражданские пленные заявили о неподчинении приказу и намерении

¹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 985. Л. 12.

² НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 91. Л. 180.

³ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 112. Л. 16, 22.

⁴ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 112. Л. 23.

⁵ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 302.

⁶ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 302.

обходить его «всеми правдами и неправдами»¹. В обход введенного запрета стала осуществляться тайная торговля. Например, был пойман австрийский денщик, закупавший яйца в частном доме².

На время ссылки свобода передвижения иностранных подданных ограничивалась. Для кратковременных поездок в пределах губернии до 7 дней требовалось разрешение начальника полиции (после Февральской революции – начальника милиции). При незаконных отлучках беглецы подлежали водворению обратно.

При рассмотрении ходатайств об отлучках немаловажное значение играло вероисповедание человека. Например, турецкий подданный Сергей Левкопуло незамедлительно получил паспорт для выезда с драматической труппой в город Сарапул Вятской губернии, поскольку он был христианином³.

Известен и прямо противоположный пример, когда по религиозному признаку даже русского подданного выслали в Казанскую губернию. Так произошло с пастором из Эстляндской губернии. Приказ о выбытии он получил без разъяснения причин в марте 1915 г. Ссылку он связывал с тем, что при его участии в свое время была создана церковно-приходская школа с преподаванием на немецком языке, и на этой почве недруги сеяли в отношении него недоверие. Только по амнистии Временного правительства от 6 марта 1917 г. с него были сняты административные ограничения⁴. В письме к своему брату он с радостью писал об этой радостной весте: «Дорогой брат! Сегодня утром я прибыл в Ревель. На основании амнистии меня освободили. [...] обязательно освободят и тебя. Иди с прошением в Казанский Временный комитет. Мне выдали паспорт и свидетельство о моем освидетельствовании, но нигде их с меня не требовали. – Нельзя оспаривать, чтобы амнистия и касалась тебя»⁵. Но эта амнистия коснулась только таких «ложных» интернированных, не затронув иностранных подданных.

К середине 1917 г. заметна тенденция на удовлетворение прошений об отлучках или даже смене места жительства по состоянию здоровья. Например, Елена Брониславовна Завадская на 10 дней выехала из Казани в Москву для сопровождения больной матери на лечение⁶, а в июне 1917 г. австрийские граждане В.Э. Брюллер и Л.И. Эдингер получили разрешение на переезд в Свияжск из Цивильска, болотистая местность которого на протяжении двух лет приводила к заболеванию малярией⁷.

¹ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 30. Л. 469 об.

² НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 305.

³ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 913. Лл. 151, 153.

⁴ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1250. Лл. 4–5.

⁵ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1250. Л. 6.

⁶ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 136.

⁷ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 92. Л. 6.

Иностранные абитуриенты беспрепятственно получали разрешения на переезд в Казань. Поляк Станислав Казимирович Гасинский в августе 1917 г. отправился в губернскую столицу для поступления на юридический факультет Казанского Императорского университета¹. Австрийская подданная Надежда Вячеславовна Янак получила от губернского комиссара Временного правительства удостоверение о допущении ее в государственную испытательную комиссию в том же университете².

Тем не менее, даже после Февральской революции большинство просьб о переезде оставались без удовлетворения. Бюрократические препоны власти использовали с целью подстраховаться и никого из иностранных подданных не выпускать за пределы губернии, если человек представлял справку о медицинском освидетельствовании, в которой признавалась его непригодность к военной службе, выяснялось отсутствие у просителя технических познаний, при наличии поручительств хотя бы двух лиц в лояльности и преданности к России, уплаты гербового сбора и пр. При соблюдении всех необходимых условий администрация все же находила причины для отказа просителю. Например, Иоганну Гардеру, желавшему переехать из Тетюш в г. Солигалич, отказали по причине продовольственного кризиса в Костромской губернии³.

Надежды, которые интернированные связывали с новой властью в лице Временного правительства, прежде всего касались свободы передвижения.

Казанский цеховой Карл Иванович Мессер на протяжении 37 лет жил в Казани. С началом войны он подал прошение о приеме в русское подданство. Жена имела русское гражданство, а сыновья, как и он, по документам были иностранцами. Как германские подданные они были высланы в Вятскую губернию. Выпускники 2-го реального училища не смогли трудоустроиться и сильно бедствовали на новом месте. После Февральской революции старший Мессер просил за своих сыновей, чтобы им позволили вернуться в Казань. Но ходатайство было отклонено⁴. В октябре 1917 г. в Чистополь были водворены 44 человека, среди них старики, 12 женщин и 3 ребенка. От них сразу же стали поступать прошения об освобождении от административной ссылки. Но удовлетворительный ответ так и не был получен⁵. А когда общественный раввин Казани Е.Г. Лейкин стал просить губернского комиссара разрешить евреям-галичанам свободно перемещаться по губернии, тот дал ему разъяснение, что разрешение для переезда из одной местности в другую для военнообязанных иностранцев входит в компетенцию губернского комиссара, причем если испрашивается разрешение на переезд в другую губернию, раз-

¹ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 97.

² НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 91. Л. 63.

³ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 125.

⁴ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 49.

⁵ НА РТ. Ф. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1333. Л. 79, 81.

решение дается по соглашению с губкомиссаром другой губернии. А к евреям-галичанам применялись те же правила, что и ко всем интернированным¹.

По прибытии интернированных в губернию особое внимание обращалось на багаж, ценные вещи, письма и книги. Их также досматривали, о чем делались соответствующие пометки в книге полицейского управления, а обнаруженные золотые монеты обменивались на кредитные билеты².

В последующем вся входящая корреспонденция поступала из почтово-телеграфного учреждения к полицейскому надзирателю или заведующему военнообязанными для предварительного просмотра. Вся корреспонденция должна была быть только на русском языке, иностранные письма направлялись к начальнику полиции и переводились.

С марта 1917 г. проверку корреспонденции осуществлял начальник милиции. Доступ в помещения почты, телеграфа, телефона запрещался. С осени все посылки, оказавшиеся адресованными военнообязанным, подлежали передаче почтовым ведомствам в ближайшие таможни для досмотра и начисления пошлин на общем основании. Такие посылки могли быть выдаваемы по назначению лишь по оплате их причитающимися пошлинами, с соблюдением всех общеустановленных правил. А вот посылки военнопленных с этого времени не подвергались досмотру, для них был сохранен лишь цензурный досмотр³.

Иностранным подданным запрещалось общаться с местным населением. И сами жители следили за тем, чтобы никто из их соотечественников не вступал в контакт с гражданскими пленными. Например, в 1917 г. на имя мамадышского уездного исправника стали поступать от населения сведения о том, что русская подданная Мария Андреевна Костроминская сожительствует с немцем Георгием Беренсом и получает от него содержание, а тот, в свою очередь, живет в хороших номерах татарина Шагиахметова. В ходе дознания выяснилось, что живет Беренс в неудобном помещении, окна которого выходят на выгребную помойную яму, а Костроминская еще до войны стала его невестой, а потому приходила разделить с ним обед. И хотя запрет на общение с военнообязанными неприятельскими подданными действовал только в период с 30 марта 1915 г. до 12 августа 1916 г., Беренсу было предписано подыскать в течение четырех дней другую квартиру. Мотивировано это было тем, что его проживание с русской гражданкой порождает у населения разные подозрения и чувство брезгливости за общение с врагом России⁴.

Некоторые послабления интернированным стали делать еще до революции. Так, поскольку с августа 1916 г. запрет на общение с иностранными подданными перестал действовать, то стали поступать прошения и о совмест-

¹ НА РТ. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

² НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 985. Л. 76.

³ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 213.

⁴ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1219. Лл. 370, 370 об.

ном с ними проживании. В сентябре 1916 г. германскому подданному Матвею Осипову Шкультетти не было разрешено выехать из Свияжска в Казань для лечения зубов¹. А уже январе 1917 г. он смог переехать в г. Богучар Воронежской губернии к своей теще – мещанке Варваре Ивановне Гуляевой².

В основном, как показывают статистические данные, интернированные соблюдали наложенные на них ограничения, и каких-либо серьезных правонарушений не было. Так, из 835 военнообязанных, находившихся в Мамадыше с начала войны и до 1 января 1917 г., были привлечены к ответственности за самовольный отъезд 4 человека, за кражу – 4, за оскорбление императора – 1 (приговорен к 8-летнему наказанию на каторжных работах), за пьянство – 3, за самовольную сдачу на почту посылки – 1, за появление на улице после установленного часа – 5³. Но к снижению строгости содержания это не приводило.

В иностранных подданных видели возможных шпионов, а потому им запрещалось выписывать газеты, журналы, карты военных действий без особого разрешения начальника полиции⁴. Тема шпионажа достаточно часто фигурировала в официальной переписке, однако реальных фактов подтверждения в документах по Казанской губернии мы не встретили.

25 июля 1917 г. губернские, областные и городские комиссары были оповещены о создании находящимися в России германскими агентами особой организации. Ее цель заключалась в отправке в Германию через Финляндию возможно большего числа годных к военной службе военнопленных и военнообязанных. Последние снабжались подложными шведскими паспортами и затем направлялись через Петроград в Финляндию и далее за границу в Стокгольм⁵. Пристальное внимание было обращено к делегатам иностранных консульств, которые, по некоторым сведениям, передавали поддельные документы⁶.

Преследованиям подверглись даже представители нейтральных государств. Китай до августа 1917 г. не присоединялся ни к одной из воюющих сторон, но после объявления войны китайский подданный Михаил Федорович Кау-Тень-Чжи с женой и детьми был арестован в станице Темиргоевской Кубанской области и препровожден в город Майкоп, а затем в Казанскую губернию в Царевококшайск. Здесь он держал цирк, столовую и хлебопекарню. За четыре года он потратил все свои сбережения. Не будучи способным в силу возраста и по состоянию здоровья к физическому труду, Михаил Федорович так и не мог заработать средства на жизнь и потому был вынужден обратиться

¹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1032. Л. 220 об.

² НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1032. Л. 102.

³ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1219. Л. 418 об. – 419.

⁴ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 985. Л. 77.

⁵ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 161.

⁶ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 89. Лл. 1, 8.

с просьбой освободить его от ссылки и обеспечить пособием семью из четырех человек¹.

Полных сведений о том, как гражданские пленные встретили Октябрьскую революцию, нет, имеются только единичные примеры. В частности, австрийский подданный Элик Борисович Шверт-Фингер, проживавший в Царевококшайске, пытался разузнать, как примкнуть к большевистскому движению: «[...] ввиду [...] попытки контрреволюции Россия нуждается в искренних защитниках свободы и революции. Многострадальный российский пролетарий не знает как обратиться и к кому примкнуть в данное время, чтобы улучшить будущую жизнь ибо не везде есть большевистские агитаторы. Товарищи солдатские и крестьянские депутаты, я рабочий и верьте воистину моих слов. После 1905 г. при народном восстании в Кишиневе, я остался круглой сиротой. Нужда заставила меня при 12-летнем возрасте идти к богатым людям работать. Много горя, мук и нужд пришлось мне встретить в своей жизни, пока я научился работать. По открытии войны в 1914 г. в августе-месяце я был сослан царским правительством как австрийский подданный из города Кишинев в город Царевококшайск [...]»².

Но хотя большевики и были противниками войны, в конце 1917 – начале 1918 г. милиция продолжала разыскивать интернированных, нарушивших выездной режим. Так, в декабре 1917 г. был объявлен в розыск исчезнувший из Чистополя еще в июле журналист, член австрийского парламента Михаил Константинович Петрицкий. Он отправился в Казань на семь дней, по слухам, с просьбой о выезде в город Колеченцы Львовского уезда, но так и не вернулся³. Исчезали интернированные целыми семьями, как, например, Георгий Бартов и Генрих Царн с женой и детьми⁴.

Выводы. Феномен интернированных является одним из эпизодов Первой мировой войны. Он почти незаметен на фоне тех ужасов и несправедливостей, которые сопровождали эту грандиозную бойню. С одной стороны, содержание под наблюдением иностранных подданных было закономерно в тех условиях, когда они могли поставить интересы своей родины выше интересов страны, в которой жили и вести шпионскую или диверсионную работу. С другой, жесткому контролю подверглась целая социальная группа, отличавшаяся от остальных жителей, только документом, указывающим на иное гражданство. Многие из них провели всю жизнь в России, обзавелись здесь семьей, работой, имуществом, но так и не стали ее гражданами только потому, что не видели в этом особой необходимости, считая себя и так русскими.

По сути, положение гражданских пленнх было близко к положению ссыльных. Только если последних отправляли на поселение в другую местность

¹ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 89. Лл. 92–92об.

² НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 88. Л. 149.

³ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

⁴ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.

за конкретные проступки, то наказание интернированных было превентивным. При этом разрушались семьи, людей посылали в непривычную им среду, лишали работы, где нередко отсутствовали необходимые условия для жизни и сверх того многие окружающие относились к ним, как к предателям.

После Февральской революции иностранные военнообязанные ждали облегчения своей участи. И действительно, с весны 1917 г. наблюдалось послабление в запрете на перемещение. Однако Временное правительство продолжало курс на ведение войны и, выбирая между демократическими свободами и безопасностью, сделало выбор в пользу последней. Кроме того, в условиях продовольственного кризиса обычные граждане стали смотреть на пришельцев из других губерний как на лишние рты и укоряли власти, что те живут лучше, чем местные жители, хотя это не подтверждается фактами. Октябрь также мало что изменил в судьбе интернированных, и большевики продолжали в отношении них политику своих предшественников. И только окончание Первой мировой войны позволило интернированным почувствовать себя свободными, хотя к тому времени это уже была совершенно иная страна.

© Миронова Е.В., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Об амнистии. Указ 6 марта 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917. Петроград: Гос. Тип., 1917. С. 266.

Обязательное постановление казанского губернатора П.М. Боярского об объявлении австрийских и германских подданных военнопленными. 1 августа 1914 // Казанская губерния в период Первой мировой войны: сборник документов и материалов. Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан, 2014.

Положение «О военнопленных» от 7 (20) октября 1914 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 16 октября 1914 г. № 281. Ст.2568. URL: <http://istorja.ru/forums/topic/1684-polozhenie-o-voennoplennyih/> (Дата обращения: 8.01.2016).

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1; 1246; 1353.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Оськин М.В.* Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М.: Вече, 2011. 432 с.
- [2] *Журбина Н.Е.* Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 230–235.
- [3] *Комелина Л.Н.* Первая мировая война и город Царевококшайск (по материалам Музея истории города Йошкар-Ола) // Запад – Восток. Научно-практический ежегодник. 2014. № 7. С. 126–135.

- [4] *Абдрашитов Э.Е.* Женщины и военнопленные: проблема дискурса (по материалам региональной периодической печати и эго-документов) // *Вестник Тюменского государственного университета. История* (№ 2). 2012. С. 78–84.
- [5] *Абдрашитов Э.Е.* Восприятие войны и пленных Тройственного союза татарами Казанской губернии // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения*. 2014. Т. 14. Выпуск 4. С. 17–25.

История статьи:

Поступила в редакцию: 10 января 2017 г.

Принята к печати: 17 марта 2017 г.

Об авторе:

Миронова Елена Валерьевна – к.и.н., с.н.с. Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; Почтовый адрес организации: 420014, Россия, Казань, Кремль, 5-й подъезд.

EVERYDAY LIFE OF INTERNEES IN KAZAN PROVINCE IN 1917

Elena V. Mironova

Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia, yelena.mironova@yandex.ru

In the article the situation of internees (persons having the nationality of a hostile state) is analyzed on the example of the Kazan province in 1917. Analyzing the rights and duties of the prisoners, the author equates their status to that of administrative exiles and gives moral evaluation to the phenomenon of internment. To illustrate the particular situation of the internees in the crisis year for Russia, the author refers to the earlier period of their lives in the Kazan province – from 1914 to 1916. The forced displacement from their homes entailed separation from family, inability to find jobs in their specialty, restriction of freedom of movement, prohibition of communication with the local population. The revolutionary year of 1917 was marked, on the one hand, by general liberalization which affected, among others, the civilian prisoners. On the other hand, the economic problems in the country provoked the province residents' anger with foreigners. Thus, because of food shortages and economic disruption, the domestic problems only worsened, the internees couldn't choose the place of residence and the expectations of easing of the internment regime were not met. The new public authorities – Public Security Committees – treated foreigners in general and internees in particular with caution and tried to curtail their rights. This led to the fact that even the citizens of neutral states were persecuted. After the 1917 October Revolution this mistrust continued. As a result, regardless of the fact which political force was in power, the fate of the internees did not become easier, even after such a strong social upheaval as the February and October Revolutions.

Keywords: Kazan province, internees, everyday life, the February Revolution, the 1917 Bolshevik Revolution

REFERENCES

- [1] Os'kin MV. *Neizvestnye tragedii Pervoi mirovoi. Plennye. Dezertiry. Bezhentsy* [Unknown tragedies of the First World War. The prisoners. Deserters. Refugees]. Moscow: Veche; 2011 (in Russian).
- [2] Zhurbina NE. German prisoners of World War I in Russia. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2008; 2: 230–235 (in Russian).
- [3] Komelina LN. The First World War and the city Tsarevokokshaisk (according to the Museum of History of Yoshkar-Ola). *West – East. Scientific and practical yearbook*. 2014; 7: 126–135 (in Russian).
- [4] Abdrashitov EE. Women and prisoners of war: a discourse problem (on materials of regional periodicals and egos-documents). *Vesntik TSU. History*. 2012; 2: 78–84 (in Russian).
- [5] Abdrashitov EE. Perception of war and Captured Tripartite Alliance Tatars of the Kazan Province. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*. 2014; 14 (4): 17–25 (in Russian).

Article history:

Submitted: 10 January 2017

Revised: 17 March 2017

Accepted: 17 March 2017

About the author:

Elena V. Mironova, PhD, Senior Researcher at Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Postal address of the organization: 5 pod'ezd, Kreml, Kazan, 420014, Russia.



УДК 94(47).084.3

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-223-252

СУДЬБЫ РУССКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА А.А. РЫБНИКОВА)

Г.В. Аксенова

Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия, galax23@yandex.ru

В статье на примере творчества художника Алексея Рыбникова, участника выставок творческого объединения «Бубновый валет», рассматриваются судьбы представителей творческой интеллигенции в революционных процессах; раскрывается роль художника в спасении уникальных художественных коллекций, показано значение его деятельности в становлении современной реставрационной школы, в исследовании художественных технологий, охарактеризована роль в организации реставрационных мастерских Государственной Третьяковской галереи.

Ключевые слова: история искусства, революция, охрана культурного наследия, Государственная Третьяковская галерея, А.А. Рыбников

Введение. Революция и искусство – одна из вечных тем, рассматриваемых как представителями науки, так и деятелями литературы и искусства, политиками и обывателями. Эта тема является одной из составных частей большой проблемы, связанной с взаимодействием государства и культуры, а точнее, власти и искусства.

Особенно остро вопросы взаимодействия искусства и власти впервые на теоретическом и практическом уровне встали в годы Великой Французской революции 1789–1793 гг. В ходе революции, когда представители якобинцев мощно крушили культурное наследие, разрушая памятники архитектуры, уничтожая книги и произведения искусства, борясь с церковью, и многие десятилетия после нее, когда пришлось восстанавливать утраченное, на эти вопросы пытались ответить философы, историки, писатели, деятели искусства [1]. Не случайно в начале XIX в. было написано и издано рассуждение одного из представителей французского Просвещения, пережившего годы кровавого террора, Ж.-Ф. Лагарпа о том, как Революция испортила французский язык [3; 4].

В России наиболее ярко вопросы взаимодействия государства с деятелями культуры обозначились в период царствования императора Николая I. Именно к этой эпохе чаще всего обращаются исследователи, когда хотят продемонстрировать, как взаимодействуют между собой и как могут взаимодействовать культура и власть и может ли искусство оказывать влияние на принятие решений государственными деятелями [2, с. 336–543, 545–570]. Не случайно во главу угла культурной политики Николая I встал вопрос об охране памятников и всего историко-культурного наследия страны [5, 6, 7].

Практически непрерывные европейские революции XIX в. все острее ставили вопрос о значении культурного наследия, о необходимости его сохранения и защиты, об искусстве и революции. С особой актуальностью этот вопрос зазвучал в начале XX в. и наиболее ярко был раскрыт в трудах А.В. Луначарского [8; 9].

Одной из самых известных и популярных работ на эту тему стала впервые переведенная на русский язык в 1908 г. статья Рихарда Вагнера «Искусство и революция» [10], переизданная в 1918 г. с предисловием А.В. Луначарского [11]. Не менее известен ответ-рассуждение А.А. Блока на появившуюся публикацию Р. Вагнера [12].

Проблема взаимодействия революции и судеб российской интеллигенции, влияния революционных процессов и событий Гражданской войны на изобразительное искусство, вопросы национализации художественно-исторических ценностей, сохранения и охраны историко-культурного наследия остаются актуальными и постоянно осмысливаемыми гуманитарными науками. Литературоведы, философы, историки, правоведы и искусствоведы нередко обращаются к этой проблематике, стремясь понять не только причины быстро произошедшей смены формаций, но и глубинную смыслозначимость произошедшего в 1917–1922 гг.

Начавшиеся в России в феврале 1917 года крупнейшие революционные процессы положили начало новой политике в сфере культуры.

В период между Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революциями в стране возникла ситуация, когда Временное правительство не препятствовало развитию разгоревшейся политической борьбы и не предпринимало мер для стеснения свободы художественного творчества. Подобная свобода стимулировала и ожесточила борьбу за влияние на массы. Изобразительное искусство стало одним из важнейших агитационных орудий и распространения идеологии. Искусству, и особенно современному изобразительному искусству, было уделено много внимания в политике советского правительства. Не случайно в одном из самых первых Воззваний Совета рабочих и солдатских депутатов провозглашалось: «Граждане, берегите это наследство, берегите дворцы, они станут дворцами вашего всенародного искусства, берегите картины, статуи, здания: это – воплощение духовной силы вашей и предков ваших. Искусство – это то прекрасное, что талантливые люди умели создать даже под гнетом деспотизма и что свидетель-

ствуем о красоте, о силе человеческой души» [13, с. 382]. А 17 июля 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял постановление «О постановке в Москве памятников великим людям» [13, с. 388].

Многие деятели искусства приняли революцию, перешли на ее сторону и начали сотрудничать с советской властью, участвуя в агитационной работе, создавая новый образ плаката и рекламы [14–17], воюя на фронтах Гражданской в качестве художественных корреспондентов [18–20]. В журналах, начавших выходить в последние годы Гражданской войны или сразу по ее окончании, таких как «Печать и революция», «Коммунистическое просвещение» и др., публиковались материалы, освещавшие вопросы взаимодействия искусства и революции. Немало серьезных монографических исследований посвящено данной проблематике [21], многие из них учтены в изданных библиографических указателях [22–24].

В центре внимания отечественной историографии XX в. чаще всего были судьбы тех представителей русского искусства, которые остались в Советской России или вернулись на родину после недолгих лет эмиграции. Изданы монографии, посвященные творческим союзам, возникшим в годы революции и Гражданской войны. Сотрудники старейших советских и российских музеев, ведущих свою историю с дореволюционных, а чаще с послереволюционных времен, обязательно обращаются к теме революции и ее роли в комплектовании фондов [25].

С последней четверти XX в. исследователи более активно обращаются к проблемам русской художественной эмиграции, выпуская работы, посвященные как отдельным представителям русского зарубежья, так и их творческим объединениям, диаспорам [26–29]. Особо ценными являются библиографические и биобиблиографические указатели, в которых даны не только краткие биографические справки, но и представлены источники и литература (30). Своеобразным итогом исследования судеб представителей русского зарубежья стал издававшийся в течение 10 лет справочник «Незабытые могилы», в котором собраны сведения о более чем 65-ти тысячах лиц, оказавшихся в эмиграции [31].

Правовые аспекты историко-культурных процессов эпохи революции и Гражданской войны также нашли свое отражение в научной литературе. Нельзя не отметить монографии нижегородского исследователя Ю.Г. Галая, который в 1980-е гг., возглавив Общество охраны памятников (нижегородское отделение), написал несколько статей и монографий, проанализировав существующее законодательство и раскрыв суть юридических взаимоотношений между властью и культурой [32; 33].

За пределами монографических исследований, к сожалению, оказались судьбы многих русских художников, которые, оставшись в советской России, отдали свою жизнь, свои силы и знания служению на поприще защиты, сохранения и реставрации произведений русского и мирового искусства. Одним из таких представителей был художник Алексей Александрович Рыбников,

автор целого ряда монографических исследований по технике и технологии живописи [34–37].

Служению художника А.А. Рыбникова на реставрационном поприще уделено несколько страниц воспоминаний его дочери П.А. Рыбниковой-Бубновой [38, с. 7–10; 39, с. 8–12], несколько строк в одной из книги Е.В. Кончина [40, с. 33] и небольшой раздел в каталоге посмертной выставки [41].

Впервые монографически исследован вопрос о влиянии революционных процессов и последовавшей Гражданской войны на судьбу художника, ставшего благодаря всем этим событиям одним из самых крупных советских реставраторов, создавшим новый реставрационный метод работы «MethodeRybnikoff».

Исследование проблемы. Художник Алексей Александрович Рыбников (1887–1949), более известный как художник-реставратор, стоял у истоков советского музейного строительства. Став в годы революции и Гражданской войны сотрудником Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения, он все эти тяжелые годы активно занимался вопросами сохранения историко-культурного наследия, спасал художественные богатства страны. Поступив в 1919 г. на работу в национализированную к тому времени Государственную Третьяковскую галерею, он возглавил только что созданный реставрационный отдел и отдал спасению и реставрации живописи 30 лет своей жизни.



Алексей Александрович Рыбников. Фото. 1910-е гг.¹

¹ РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 25.

Алексей Александрович Рыбников родился 30 января (ст. ст.) 1887 г. в Раненбурге Рязанской губернии (в наст. вр. – г. Чаплыгин, Липецкая обл.). Он был седьмым, самым младшим ребенком в семье. Ни в одной из известных на сегодняшний день анкет он точно не указал свое социальное происхождение, а написал только, что «основным занятием родителей до Октябрьской революции» было – «служащие» и что скончались они в 1913 г.¹

Отец будущего художника и реставратора – раненбургский мещанин Александр Николаевич Рыбников (1844–1913), разорившийся под конец жизни, был представителем старой купеческой династии, история которой прослеживается в сер. XVIII в. и начало ее связано с Боровском [42, с. 648]². Мать – Прасковья Сергеевна (1853–1913), урожденная Щукина, была представительницей купеческого рода Щукиных, с именем представителей которого связано создание «Щукинского музея русской старины» и «Щукинской картинной галереи» французской живописи. Отец Прасковьи Сергеевны, Сергей Алексеевич Щукин, занимался лесным хозяйством, сводил лес и сплавливал его в Москву. На территории Смоленской губернии в Гжатском уезде у него имелось небольшое родовое имение Горбово, в котором прошли детские годы и каникулы всех детей Александра Николаевича и Прасковьи Сергеевны Рыбниковых³.

История знакомства и женитьбы родителей Алексея Александровича подробно описана в дневниках его отца⁴ и в биографических заметках одного из старших сыновей – Николая. Родители познакомились летом 1874 г. в Гжатске, осенью того же года они повенчались и обосновались в своем доме в Раненбурге, где и прожили до 1895 г.⁵ С 1875 по 1894 г. в семье родились 12 детей, из которых пятеро (один первый и четверо последних) умерли в младенчестве. Все семеро оставшихся детей, несмотря на банкротство отца, стараниями матери получили образование и составили славу купеческой фамилии Рыбниковых: Сергей Александрович стал профессором в области экономической статистики, Александр Александрович – профессором экономической географии, Варвара Александровна известна как автор «Дневника матери», доктор педагогических наук Николай Александрович стал у истоков «психографии» [43, с. 109–113]; Митрофан Александрович был известен как военный врач, Мария Александровна – как профессор-словесник, литературу-

¹ Личный листок по учету кадров, заполненный Рыбниковым А.А. 28 февраля 1949 г. // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

² См.: Рыбников Н.А. Из рода в род. Часть 1. Рыбниковы: материалы по истории рода Рыбниковых (за двухсотлетний период его существования). Москва, 1946. Машинопись // ОР РГБ. Ф. 367. К. 3. Ед. хр. 30. Л. 21–48.

³ Рыбников Н.А. Из рода в род. Часть 1. Рыбниковы: материалы по истории рода Рыбниковых... ОР РГБ. Ф. 367. К. 3. Ед. хр. 30. Л. 102–123.

⁴ Рыбников А.Н. Дневник. 1865–1891. Позднейший список рукой Н.А. Рыбникова. Вступ. ст. Н.А. Рыбникова // ОР РГБ. Ф. 367. К. 40. Ед. хр. 3.

⁵ Рыбников Н.А. Из рода в род. Часть 1... ОР РГБ. Ф. 367. К. 40. Ед. хр. 3. Л. 23–24.

вед и методист; Алексей Александрович – как «профессор искусствоведения и талантливый художник»¹.

В 1895 г. семья переехала в Москву. В 1896 г. двое старших детей окончили Коммерческое училище, поступили на службу. Остальные пятеро продолжили или только начали свое обучение.

Согласно семейной традиции младший сын Алексей в 1897 г. поступил в Московское Коммерческое училище, которое окончил в 1905 г. Затем он уехал в Харьков, устроился на работу преподавателем географии в Торговую школу и в Харьковскую женскую гимназию и одновременно поступил в Харьковскую школу рисования и живописи, в которой обучался до 1909 г. В 1910 г. он вернулся в Москву. Здесь продолжил свое образование в школе-студии художника Ф.И. Рерберга, а также брал уроки у одного из основоположников русского авангарда М.Ф. Ларионова [38, с. 10; 39, с. 13; 41].

В течение 10 лет, начиная с 1909 г., А.А. Рыбников был «свободным художником», много «работал по договорам»², писал пейзажи, портреты, жанр, увлекаясь то кубофутуризмом, то лучизмом, участвуя в выставках художественного Объединения «Бубновый валет». Темами его работ часто становились поэтические произведения русских поэтов, например стихи А.А. Блока: в 1915 г. он написал картину по мотивам блоковского «Балаганчика».

В 1910-е гг. для художника значимой стала библейская и церковная тематика. Он иллюстрировал или писал картины или большие акварели, обращаясь к сюжетам Пятикнижия Моисея, к Книгам пророков, к Откровению Иоанна Богослова. Он создавал эскизы росписей храмов, писал иконы, иллюстрировал жития святых³, оформлял любительские спектакли. В эти же годы начинается сотрудничество А.А. Рыбникова с московскими издательствами, среди которых «Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсон» [44].

Из картин, созданных в это десятилетие и представленных на посмертной выставке художника, состоявшейся в 1988 г., необходимо назвать следующие: «Автопортрет» (1914 г.), «Богоматерь с младенцем» (1915 г.), «А. Блок. “Балаганчик”. Мистики» (1915 г.), «Пророк» (1916 г.), «Борис и Глеб» (1916 г.), «Сон Иакова» (1916 г.), «Деревня Горбово. Троицын день» (1918 г.).

К книжной графике художник вернется в годы Гражданской войны и продолжит в 1920-е – нач. 1930-х гг., проиллюстрировав произведения русской и зарубежной классики, детские книги. Среди них «Сказка о попе и его работнике Балде» А.С. Пушкина, поэма Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хоро-

¹ Рыбникова-Бубнова П.А. О моем отце. Моим внукам. Воспоминания. [1980-е] // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 8.

² Рыбников А.А. Автобиография. 25 августа 1942 – 15 сентября 1946, 13 лл. Машинопись, автограф // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.

³ Рыбников А.А. Рисунки на библейские сюжеты. [1909] // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 2. Ед. хр. 2; Рыбников А.А. Лев старца Герасима, Плач Иеремиев и др. Рисунки и наброски на библейские сюжеты. [1910-е] // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 2. Д. 3.

шо», повесть Н.В. Гоголя «Нос», драма А.А. Блока «Роза и крест», «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Любимым героем и любимым произведением художника был Дон Кихот¹. Созданный испанским писателем образ последнего рыцаря позволял размышлять о предназначении человека, о служении добру и правде.

Первая большая акварель-размышление «Дон Кихот» была создана в 1921 г. и в 1924 г. представлена на выставке Московского общества художников «Жар-цвет»². В 1949 г., незадолго до своей смерти, А.А. Рыбников напишет прощальную «темную и трагическую, навеянную шалыпинским исполнением смерти Дон Кихота»³, картину «Дон Кихот». Ее публика увидит только в 1988 г.

Книжная графика стала одним из любимых графических жанров А.А. Рыбникова. В книжной графике художник старался развивать традиции мирискусников. Выдающийся русский советский гравёр И.Н. Павлов отмечал, что А.А. Рыбников в книжном искусстве «сумел достигнуть многого», что в его иллюстрациях «есть безусловная творческая оригинальность», что «его рисунки динамичны и остры» [45].

Как книжный график он реализовал себя и в экслибрисе, создал книжные знаки для библиотек А.В. Чайнова, Е.В. Чайновой и А.М. Скворцова⁴, разработал издательскую эмблему «Государственного издательства»⁵.

В 1918 г. состоялась первая персональная выставка художника. Представленную на выставке картину «Полотер» приобрела Государственная Третьяковская галерея⁶. Организации и проведению этой выставки немало поспособствовал М.Ф. Ларионов.

Осенью 1918 г. А.А. Рыбников поступил на службу в Народный комиссариат просвещения РСФСР в Коллегию по делам музеев и охране памятников искусства и старины на должность заместителя заведующего отделом (кратко именовавшегося V подотделом)⁷ под начало выдающегося организатора музейного дела советского времени, историка искусств, доктора философии,

¹ Рыбникова-Бубнова П.А. О моем отце. Моим внукам. Воспоминания... РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 2. Д. 3. Л. 23.; Рыбников А.А. Иллюстрации к роману М. Сервантеса «Дон Кихот». [1920-е]. 4 лл. // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 12. Ед. хр. 51.

² Каталог выставки картин художников «Жар-цвет». 1924 г. Печатное издание // ОР ГТГ. Ф. 87. Ед. хр. 12. Л. 6 об.

³ Рыбникова-Бубнова П.А. О моем отце. Моим внукам. Воспоминания... Л. 23.

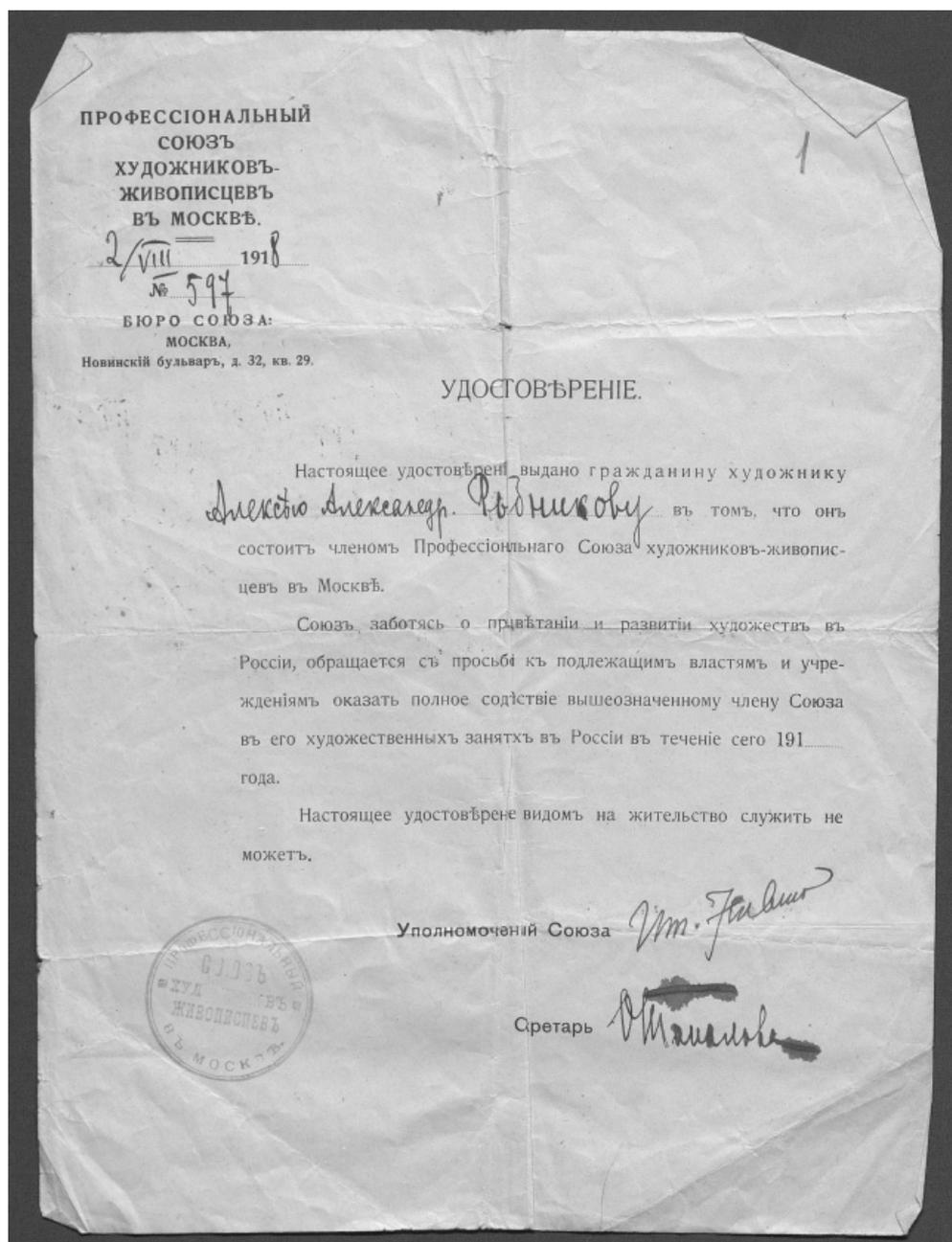
⁴ Эттингер П.Д. Черновые карточки на книжные знаки. Б.д. [после 1919 г.]. 49 лл. // ОР ГТГ. Ф. 31. Ед. хр. 2452. Л. 47.

⁵ См.: Рыбников А.А. Карты, экслибрисы, марки, обложки, виньетки, заставки, буквицы. Эскизы и наброски. [1910-е – 1920-е]. 20 лл. // РГАЛИ. Ф. 2005 (Рыбников А.А.). Оп. 2. Ед. хр. 5.

⁶ Журнал заседаний научно-художественного совета ГТГ. 26 ноября 1918 г. – 22 декабря 1918 г. // ОР ГТГ. Ф. 8. II. Ед. хр. 2. Л. 3–3 об.

⁷ Рыбников А.А. Удостоверение о службе Народного Комиссариата по Просвещению, выданное 23 января 1919 г. // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 2.

хранителя Румянцевского музея Т.Г. Трапезникова [46, с. 33–53]. По мнению искусствоведа М.В. Шашкиной, произошло «неожиданное, казалось бы, преобразование свободного художника в серьезного музейного работника» [41].



А.А. Рыбников. Удостоверение члена профсоюза художников-живописцев. 1918 г.¹

¹ РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1.



А.А. Рыбников. Удостоверение сотрудника Наркомпроса. 1919 г.¹

Здесь необходимо кратко перечислить те документы, которые были приняты сначала в первые месяцы прихода к власти, а затем уже в первые два года советской власти. Декрет СНК «Об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу» (19 января 1918 г.) формулировал основные принципы политики, которая будет проводиться в отношении историко-культурного наследия: введение понятия «национальной собственности», национализация усадебного имущества, национализация имущества библиотек, архивов и музеев и составление описей этого имущества. Декретом СНК от 1 апреля 1918 г. «Об упразднении Академии художеств» все имущество Академии поступало в собственность Советской республики. В июне 1918 г. Декретом СНК национализировали Третьяковскую галерею. Осенью Советом Народных Комиссаров принимаются декреты, связанные с запрещением вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения и порядком регистрации, приемом на учет и охранением памятников искусства и старины.

С весны 1918 г. сотрудники Наркомпроса начали активно заниматься спасением уникальных художественных коллекций, отправляясь в командировки осматривать брошенные дворянские усадьбы. Этим сотрудникам, как штат-

¹ РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 2.

ных, так и внештатных, начали именовать эмиссарами. Сам термин «эмиссар» был введен коллегией Наркомпроса.

На долю А.А. Рыбникова, как и целого ряда художников начала XX в., «выпала специальная задача – охрана старинных усадеб, отличающихся богатством художественно-бытового материала или связанных с памятью выдающихся людей» [46, с. 34], «ведение учета всех монументальных и вещевых памятников, как в виде целых собраний, так и отдельных предметов» [13, с. 392–393]. Работа, связанная с сохранением и спасением художественных ценностей, их осмотром и вывозом из брошенных в годы революции и первых лет Гражданской войны дворянских имений, пополнением музейных коллекций, дала возможность «проявиться исследовательскому складу личности» [41].

В книге Е.В. Кончина, посвященной эмиссарскому движению в годы Гражданской войны, дается перечень ряда подмосковных усадеб, из которых перевозили художественные ценности в столицу или которым выдавались охранные грамоты. Среди них: имения Софроново и Горки, Михайловское и Дубровки, Глебово и Ярополец, Лотошино и Домотканово, Отрада и Поликарпово, Карачарово и Волынщина, Ивановское-Козловское и Петровское. Всего сотрудниками и эмиссарами Наркомпроса было спасено художественное наследие из 155 подмосковных имений, а в целом по стране – из 520 [46, с. 37–40].

Привлечение для спасения художественного наследия нашей страны специалистов такого уровня, каким к этому времени стал А.А. Рыбников, помогло сохранить многие шедевры русского, западноевропейского и, в целом, мирового искусства. «Живопись он знал великолепно и любил ее страстно, – особо отметила П.А. Рыбникова-Бубнова. – Он был одним из самых компетентных и видных экспертов»¹. Вместе со своими коллегами – историком и искусствоведом М.С. Сергеевым, поэтом и искусствоведом Ю.П. Анисимовым, знатоком русского искусства А.В. Лебедевым, художниками И.Н. Вроченским и С.И. Лобановым, студентом МГУ А.Н. Смирновым и юристом К.А. Ценкером – А.А. Рыбников занимался эвакуацией сокровищ провинциальных усадеб [40; 46; 47].

В конце 1920-х – начале 1930-е гг., когда в соответствии с принятым еще в 1920 г. Постановлением Совета Народных комиссаров о продаже художественных ценностей за границу была санкционирована продажа картин из Эрмитажа, А.А. Рыбников «возмутился продажей титиановской “Венеры перед зеркалом”»². Протестовал художник и против закрытия и ликвидации Щукинской галереи, собрание которой в 1928 г. вошло в состав Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина³.

¹ Рыбникова-Бубнова П.А. О моем отце. Моим внукам. Воспоминания... Л. 7.

² Рыбникова-Бубнова П.А. О моем отце. Моим внукам. Воспоминания... Л. 6. «Венера перед зеркалом» Тициана была продана в США в 1931 г.

³ Рыбникова-Бубнова П.А. О моем отце. Моим внукам. Воспоминания... Л. 24.

Работа в Наркомпросе, связанная с сохранением художественного наследия, памятников искусства и старины, привела А.А. Рыбникова в мае 1919 г. на работу в Государственную Третьяковскую галерею, национализированную еще в июне 1918 г. [13, с. 387].

Гражданская война, разруха, зимой – отсутствие дров, весной и осенью – чрезмерная влажность, перепад температур, перемещение не всегда надлежащим образом картин и других произведений искусства из заброшенных имений, отсутствие необходимых условий хранения – все это вместе взятое требовало скорейшего решения многих и многих вопросов по созданию оптимальных форм государственной музейной работы и депозитарного хранения. На это было обращено внимание еще в июне 1918 г. в принятом СНК Декрете «О национализации Третьяковской галереи». В нем, в частности, указывалось на необходимость «срочно выработать и ввести в действие новое положение об управлении галереей и ее деятельности в соответствии с современными музейными потребностями и задачами демократизации художественно-просветительских учреждений» [13, с. 387].

С приходом в Третьяковскую галерею А.А. Рыбникова и с его именем связано создание реставрационного отдела с физико-химической лабораторией и руководство этим отделом более четверти века.

Как заведующий реставрационным отделом А.А. Рыбников в 1919 г., в самый тяжелый год Гражданской войны, когда войска Колчака, Деникина и Юденича кольцом сжимались вокруг Москвы, вошел в состав научно-художественного совета Государственной Третьяковской галереи (далее ГТГ). Сохранившиеся в Отделе рукописей ГТГ «Журналы заседаний научно-художественного совета»¹ позволяют понять сложившуюся в музее ситуацию, связанную с пополнением фондов «за счет произведений художников старейших художественных школ <...> при посредстве Государственного музейного фонда»², обеспечением сохранности и реставрацией поступающих больших количествах произведений живописи, графики и скульптуры. Так, на одном из заседаний 18 мая 1920 г. Совет в составе И.Э. Грабаря, Н.М. Щекотова, А.М. Скворцова, Н.Г. Машковцова и А.А. Рыбникова обсуждал вопрос о возможности «командирования хранителя Галереи А.А. Рыбникова за границу для ознакомления с постановкой дела консервации и реставрации в германских и французских музеях»³. На заседании 17 июня 1920 г. обсуждался вопрос о необходимости расширения ГТГ за счет передачи в ее ведение рядом стоящего «дома Соколикова», в котором после революции расположилось Управление городских железных дорог⁴.

¹ ОР ГТГ. Ф. 8. II (Государственная Третьяковская галерея. Научная деятельность).

² Журнал заседаний научно-художественного совета ГТГ от 26 ноября 1918 г. // ОР ГТГ. Ф. 8. II. Ед. хр. 2 (26 ноября 1918 г. – 22 декабря 1918 г.). Л. 1 об.

³ ОР ГТГ. Ф. 8. II. Ед.хр. 9. Л. 13.

⁴ ОР ГТГ. Ф. 8. II. Ед. хр. 9. Л. 18.

Заседание 8 июня 1920 г. полностью посвятили «выработке мероприятий для приведения помещений ГТГ в условия, улучшающие сохранность картин»¹. Как заведующий реставрационной частью и председатель специально созданной комиссии А.А. Рыбников сообщил о том, что «за последнее время замечается разрушение картин в большей степени, чем раньше и это – результат резкого колебания температуры в помещениях галереи». Ухудшение состояния картин происходит также из-за «присутствия в большом количестве сырости»².

Активный процесс национализации частных музеев и картинных галерей: художественных собраний А.И. Морозова, И.С. Остроухова, В.А. Морозова, художественной галереи Щукина [13, с. 394, 396], прошедший в 1918 г., последовавшие в 1919 г. «объединение деятельности художественных и культурно-исторических музеев» [13, с. 399], а в 1920 г. национализация дома Льва Толстого в Москве, «обращение в музей историко-художественных ценностей Троицко-Сергиевой лавры» [13, с. 400–401] – все это заставило сотрудников Третьяковки первыми озаботиться вопросами охраны труда музейных служащих.

Являясь членом профсоюза работников искусств (Сорабис – Рабис³), А.А. Рыбников вместе с членами научно-художественного совета ГТГ считал необходимым поставить вопрос о «создании Музейной секции при Всерабис, имеющей для Галереи большое значение, как орган, правомочный в выработке музейных ставок, в особенности, в настоящее время, когда положение служащих Галереи должно быть признано крайне тяжелым». По мнению сотрудников галереи, для решения вопросов, связанных с созданием должных условий для работы хранителей, а значит, для обеспечения сохранности имеющегося историко-художественного наследия, необходимо было создать самостоятельную Музейную секцию при Сорабис, а инициаторами создания подобной секции должны выступить сотрудники Московских музеев⁴.

В 1920-е гг., после завершения основных военных действий на европейской территории нашей страны, вопросы реставрации живописи становятся главными в деятельности художника, а важнейшей явилась проблема разработки методологии преемственной реставрации и собственно реставрации.

¹ ОР ГТГ. Ф. 8. П. Ед. хр. 9. Л. 20.

² Там же.

³ РАБИС или Сорабис (Союз работников искусств), с 1924 г. Всерабис (Всесоюзный профессиональный союз работников искусств) – массовая профессиональная организация в России и затем в СССР, объединяющая на добровольных началах всех работников искусств. В мае 1919 г. состоялся Первый Всероссийский съезд работников искусств, учредивший свой профсоюз – РАБИС (аббревиатура от слов «РАБотники Искусства»).

⁴ Журнал заседаний научно-художественного Совета ГТГ от 17 июня 1920 г. // ОР ГТГ. Ф. 8. П. Ед. хр. 9 (Журнал заседаний научно-художественного Совета ГТГ. 20 января – 10 декабря 1920 г.) Л. 18–18 об.

Начинать эту работу было необходимо с фиксации состояния картин и создания схемы научно-технического описания. Поэтому А.А. Рыбников стал «работать над методом распознавания особенностей [мастерской] техники выполнения картины»¹. В ходе исследований, проведенных в 1920–1925 гг. «над методом распознавания особенностей техники выполнения картины»², впервые им был разработан метод фактурной фотосъемки живописной поверхности картины, который до настоящего времени остается одним из основных способов экспертизы и атрибуции произведений. Эта фактурная фотосъемка живописной поверхности проводится в косых лучах, с сильным увеличением.

О фактурной съемке А.А. Рыбников как автор метода конспективно написал графику и историку искусства, заведующему отделом Русского музея П.И. Нерадовскому, обратив внимание на то, что «фактурная съемка устанавливает типические особенности фактуростроения данного мастера; раскрывает технические особенности мастерства (и в известной мере – особенности технических материалов мастера); представляет-документирует состояние и сохранность произведения (прописи, записи, чинки и пр.); устанавливает типы и индивидуальные особенности заболеваний, кракелюра и пр.».

Также в письме А.А. Рыбников указал на необходимость «систематического подбора фотоматериала (фактурный архив)», указав, что подобная проводимая работа «имеет целью техническое изучение картины»³.

Практическим итогом этого открытия стала возможность проведения полноценной атрибуции живописных произведений и проведение качественной реставрации, открывающей первоначальный образ. Примером тому может служить история картины В.И. Сурикова «Боярыня Морозова», которая к концу 1920-х гг. сильно потемнела и потеряла свою первоначальную яркость. Требовались серьезные восстановительные работы⁴.

Это событие нашло освещение в переписке художников и искусствоведов того времени. Так, 8 февраля 1927 г. хранитель и историк искусства П.И. Нерадовский получил из Москвы письмо искусствоведа Л.В. Розенталя⁵, в котором говорилось: «За последнюю неделю в галерее произошло великое событие – промывали “Боярыню Морозову”, или, как говорят технические служащие, “мыли барыню”. А событие, действительно, замечательное. Было очень инте-

¹ Рыбников А.А. Автобиография... Л. 4.

² Рыбников А.А. Автобиография... Л. 4.

³ Рыбников А.А. Письмо П.И. Нерадовскому от 6.12.1926 // ОР ГТГ. Ф. 31. Ед. хр. 1329. Л. 1–1 об.

⁴ План книги «Боярыня Морозова» Сурикова в истории русской живописи», составленный Рыбниковым А.А. и Малиновцевым Н. и черновые записи Рыбникова А.А. о реставрации этой картины. 15 мая 1927 г. Черновые записи. Автограф, Рукопись. 8 лл. // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Ед. хр. 43.

⁵ Розенталь Лазарь Владимирович (1894–1990) – советский искусствовед, экскурсовод и исследователь экскурсионного дела, педагог, страстный любитель поэзии, литератор и мемуарист.

ресно наблюдать за ходом работ Рыбникова и Богословского¹, как постепенно выявлялась красочность картины. Теперь правая ее часть кажется совсем пестрой.

Внизу на снегу был оставлен непромытый квадрат, который скопировал Кончаловский. Контраст с промытым снегом разителен. Рыбников сохранил кусочек очень грязной ваты в конверте с надписью: «вата с лица боярыни Морозовой». Трогательно!»².

Реставрация «Боярыни Морозовой» стала одним важнейших «великих событий» в истории реставрации и в истории Третьяковской галереи в 1920-е гг.

Итогом проделанной экспериментальной работы А.А. Рыбникова и сотрудников реставрационного отдела, начавшейся еще в годы Гражданской войны, стала книга «Фактура классической картины» [34], в которой подробно были изложены результаты многолетних трудов. Книга увидела свет в 1927 г. по распоряжению директора Третьяковской галереи выдающегося русского и советского архитектора А.В. Щусева³, высоко оценившего работу реставратора. Он считал, «что открытый Рыбниковым новый исследовательский метод и умелое его руководство испытательными физико-химическими лабораториями обогатили советскую и европейскую науку о технике и технологии живописи новыми ценными данными»⁴.

Благодаря публикации открытый А.А. Рыбниковым фактурный метод нашел «широкое и эффективное применение как в отечественной, так западно-европейской и американской исследовательской науке»⁵.

Книгу сразу же перевели на французский язык и в 1929 г. опубликовали «в парижском журнале «Cahiers d'Arts» (№ 1 – 1929 г.) в статье «La facture dans la peinture classique». В историю мировой реставрации фактурный метод вошел как «Methode Rybnikoff» («Метод Рыбникова»).

Продолжением начатого стал опубликованный в 1929 г. труд А.А. Рыбникова «Техника масляной живописи» [35]⁶.

¹ Богословский Дмитрий Федорович (1870–1939) – художник-реставратор. С 1921 г. заведующий Центральными государственными реставрационными мастерскими.

² Розенталь Л.В. Письмо П.И. Нерадовскому. 1927, 8 февраля. 1 п. 2 лл. // ОР ГТГ. Ф. 31. Ед. хр. 1300. Л. 1–1об.

³ Щусев Алексей Викторович был директором Государственной Третьяковской галереи в 1926–1929 гг.

⁴ Щусев А.В. Письмо в Академию Художеств и Комитет по делам искусств с отзывами о работе Рыбникова А.А., как художника-реставратора. 13 мая 1948. 2 лл. // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1.

⁵ Аннотация трудов Рыбникова А.А., составленная дирекцией ГТГ. [1940-е гг.], б.д. // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 1.

⁶ Рыбников А.А. «Техника живописи и сохранности картин». Исследование. Приложены фотокопии деталей портретов Боровиковского, Левицкого, Рокотова. [1930-е]. 173 лл. // ОР ГТГ. Ф. 990. Оп. 2. Ед. хр. 51.

Работы по фактурному анализу продолжились в 1929–1930 гг. на материале западноевропейского искусства Эрмитажа. Помогал московскому художнику-реставратору профессор Н.П. Тихонов, «который взял на себя работу по совершенствованию метода в части фотосъемки»¹. Ученые внимательно подошли к исследованию технического метода Рембрандта, Рубенса и Ван-Дейка. Но, к сожалению, начатые работы пришлось прекратить в связи со смертью директора Эрмитажа Л.Л. Оболенского. Новая дирекция музея не сочла возможным и необходимым поддержать начатое дело. В автобиографии А.А. Рыбников с сожалением констатировал: «Эту ошибку эрмитажной администрации в известной мере поправили в 1932 г. английские ученые, выпустив (под ред. Лаури) солидный труд (выполненный средствами фактурного анализа), посвященный исследованию фактуры Рембрандта – “The brush work of Rembrandt and his school”»².

Разрабатывая методы проверки качества материалов, исследуя развитие техники живописи, ее технологии, А.А. Рыбников как ученый пришел к пониманию необходимости более глубокого и серьезного исследования теории живописи в целом. Вот почему к подготовленному советскому изданию «Книги об искусстве или Трактата о живописи» итальянского художника Ченнино Ченнини, жившего в посл. трети XIV – сер. XV в., А.А. Рыбников как реставратор сделал комментарий и написал вступительную статью, обобщив и зафиксировав результаты многих теоретических исследований и практических работ, проведенных во второй половине 1920-х гг. [36] в реставрационных мастерских ГТГ и Эрмитажа.

В сопровождении вступительной статьи и комментариев реставратора увидел свет русский перевод книги австрийского художника и писателя Э. Бергера «История развития техники масляной живописи» [37]. Во вступительной статье А.А. Рыбников на основе своего практического опыта и изучения истории реставрации и технологий смог раскрыть современным художникам «новое понимание живописных качеств масла, растворителей и лаков»³, играющих огромную роль в защите изображения и сохранности картины.

Представляя труды А.А. Рыбникова заместителю народного комиссара торговли П.Н. Медынцеву, заместитель директора ГТГ С.И. Пронин подчеркнул, что они «кладут начало новой методологии к объективному учету и анализу норм техники масляной живописи норм и ее законов в прямой зависимости от живописно-технологических качеств технических материалов»⁴.

¹ Рыбников А.А. Автобиография... Л. 8 об.

² Там же.

³ Отношение дирекции Государственной Третьяковской Галереи в Комитет по делам искусств и докладная записка заведующего Реставрационным отделом Третьяковской Галереи директору Галереи о выдвижении Рыбникова А.А. на право соискания Сталинской премии. 26 февраля 1942 и б.д. // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 11.

⁴ Аннотация трудов Рыбникова А.А., составленная дирекцией ГТГ. [1940-е гг.], б.д. // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 1 об.

Реставрация полотен требовала от заведующего мастерскими добротных практических знаний не просто об уже когда-то использованных живописцами грунтов, красок и лаков, но и выдвигала задачи, связанные с разработкой и испытанием имеющихся и новых художественных материалов. Вот почему А.А. Рыбников возглавил лабораторию испытания живописных материалов Всесоюзный институт лаков и красок г. Москвы и трудился в этой лаборатории в течение пяти лет, с 1929 по 1933 г.¹

Реставрация стала главным делом в жизни А.А. Рыбникова². Он не мыслил себя без этой работы, называл картины «своими пациентами» и называл себя их «врачом».

Реставрационные работы, которые велись в мастерских Третьяковки, вызывали неподдельный интерес в обществе. Рассказ о реставрации стал неотъемлемой частью просветительской и агитационно-идеологической работы советской власти. И действительно, было, чем гордиться. Один за другим возрождались к жизни шедевры русского и мирового искусства: произведения Ф.С. Рокотова, О.А. Кипренского, К.П. Брюллова, Рембрандта, Рубенса и др.³

В 1930-е – 1940-е гг. в центральной прессе появился ряд статей о «возрожденных полотнах» и «продлении жизни картин». Так, в конце 1930-х гг. в связи с начавшейся реставрацией картин Н.Н. Ге «Что есть истина?» и «Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе», Ф.Я. Алексеева «Вид на Воскресенские ворота и Неглинный мост от Тверской улицы» журналист Ю. Родионов, высоко оценивая свершения научных сотрудников галереи, писал: «Сложно и достойно восхищения искусство реставраторов. Они возрождают произведения, которые, казалось, гибнут навсегда. Картины, опаленные огнем пожаров, порванные, искаженные неумелой подрисовкой, обретают под их руками свой первоначальный вид»⁴.

¹ Рыбников А.А. Автобиография... Л. 1, 4, 8; Личный листок по учету кадров... Л. 1 об.

² Рыбников А.А. Докладные записки в Комитет по делам искусств, Академию Художеств о работе Реставрационного отдела Государственной Третьяковской Галереи, о необходимости создания сырьевой базы масел; планы структуры Реставрационного отдела ГТГ и конференции по вопросам музейной реставрации и консервации произведений живописи, созываемой Галереей, составленные Рыбниковым А.А. и Кудрявцевым Е.В. 5 апреля 1934 – 17 февраля 1948 и б.д. 57 лл. // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Ед. хр. 5.

³ Рыбников А.А. О реставрации портрета графа Василия Алексеевича Перовского работы К. Брюллова и настенной живописи Собора святой Софии, сохранности музейных памятников. Черновые записки. Автограф. Б.д. 27 лл. // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Ед. хр. 39; Акты и заявления Реставрационного отдела Государственной Третьяковской Галереи и Рыбникова А.А. в Изо управление Комитета по делам искусств по вопросу реставрации картины Сурикова «Покорение Сибири Ермаком» и др. документы по вопросам реставрации картин. 22 июля 1938 – 25 июля 1942. 7 л. // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Ед. хр. 6.

⁴ Материалы об А.А. Рыбникове (заметки о выставках, реставрации картин, некролог, посвященный его памяти) – газетные вырезки. 1934–1949 гг. // ОР РГБ. Ф. 367. К. 40. Ед. хр. 7. Л. 7.

В центре постоянного внимания А.А. Рыбникова как заведующего реставрационным отделом ГТГ находилась картина И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 г.»¹, пострадавшая от трех ножевых ударов, нанесенных в 1913 г. старообрядцем Абрамом Балашевым. Картину починили, подлатали, но она «болела» и осыпалась и требовала постоянного лечения. Положение с картиной обострилось во время Великой Отечественной войны, когда в 1941 г. при подготовке к эвакуации сыпалась краска, и пришлось с колоссальным риском ее закреплять. После возвращения картин из Новосибирска в конце 1944 г. и открытия в мае 1945 г. новой экспозиции Третьяковки А.А. Рыбников признался, что «перед тем, как картину распаковывать, он пошел в церковь помолиться о благополучном исходе и поставить свечку»².

Постоянное наблюдение за состоянием одной из самых пострадавших и потому проблемных картин способствовало внимательному изучению технического метода И.Е. Репина. В итоге в 1939 г. увидела свет (на украинском языке) монография «Технический метод Репина и его место в истории развития манеры “a la prima”». Этой книгой ученый-реставратор завершил представление читателям разработанного им «метода объективного анализа норм техники масляной живописи и ее законов, а равно и раскрыл пути к пониманию технических методов старых мастеров-классиков»³.

В середине 1930-х гг. в реставрационные мастерские ГТГ пришел профессор С.А. Торопов. Он возглавил физико-химическую лабораторию. Вместе с новым сотрудником, блистательным специалистом, А.А. Рыбников продолжил «изыскания по пигментам старой станковой и монументальной картины», «было положено начало глубокому изучению многообразных видов «заболеваний» живописи», началось «изучение причин появления и процесса развития “трещины” в картине, как основного начала распада картины». Эта совместная работа «позволила положить начало науке о заболеваниях картины, о научном диагнозе этого заболевания и лечении, т.е. реставрации картины»⁴.

¹ Протокол и стенограмма реставрационного совещания при Музейном отделе Всесоюзного комитета по делам искусств. Приложена докладная записка Кудрявцева Е.В. и Рыбникова А.А. о состоянии картины Репина «Иван Грозный». 25 ноября 1936 г. 53 лл. // ОР ГТГ. Ф. 990. Оп. 2. Ед. хр. 12.

² Рыбникова-Бубнова П.А. О моем отце. Моим внукам. Воспоминания... Л. 2.

³ Отношение дирекции Государственной Третьяковской Галереи в Комитет по делам искусств и докладная записка заведующего Реставрационным отделом Третьяковской Галереи директору Галереи о выдвижении Рыбникова А.А. на право соискания Сталинской премии. 26 февраля 1942 и б.д. // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 10.

⁴ Отношение дирекции Государственной Третьяковской Галереи в Комитет по делам искусств и докладная записка заведующего Реставрационным отделом Третьяковской Галереи директору Галереи о выдвижении Рыбникова А.А. на право соискания Сталинской премии. 26 февраля 1942 и б.д. // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 14.

В 1941 и в 1942 г. были подготовлены к печати научные статьи, подводящие предварительный итог совместно проведенным экспериментам и реставрационным работам, позволившим установить авторство некоторых полотен и уточнить их датировку и композиционное решение. В небольших статьях ученые показали роль масляных лаков в старении картины и искажении ее сюжета, эффективность применения средств рентгеноскопии, микро-химанализа и фактурного анализа и необходимости сопоставления данных рентгеноскопии, люминесценцанализа, микрохиманализа, фактурного анализа, заболевания картины и ее технологических и технических особенностей.

«Долголетняя и весьма ценная научная и руководящая работа обоих профессоров в области научного обоснования музейно-реставрационного дела в СССР, а также ряд блестящих научных работ, выполненных ими в области исследования картины» позволила Дирекции Третьяковской галереи принять решение о выдвижении двух ученых на соискание Сталинской премии 1942 г. В документах, поданных в Комитет по делам искусств при СНК СССР, отмечалась ценность трудов «как в музейной реставрации, так и в современной живописной практике»¹.

Спасение художественных ценностей в годы Великой Отечественной войны – одна из славных страниц в биографии А.А. Рыбникова. Он руководил эвакуацией фондов Государственной Третьяковской галереи. Готовил картины к отправке в Новосибирск, где их приемкой занимался его коллега Е.В. Кудрявцев.

Как уже было сказано выше, А.А. Рыбников вместе с другими сотрудниками участвовал в приемке картин после реэвакуации.

В годы Великой Отечественной войны вновь остро встал вопрос о создании необходимых условий для сохранения историко-культурного и художественного наследия страны. К эвакуации музеев и их фондов не всегда привлекались компетентные, знающие особенности музейной работы люди. Вот почему в 1942 г. комиссией под руководством А.А. Рыбникова была разработана «Инструкция хранения музейных ценностей»².

В 1944 г., после того как советские войска в ходе наступательных операций освободили Польшу, Правительство СССР принимает целый ряд решений по оказанию помощи братским народам в восстановлении разрушенных памятников и спасению пострадавших произведений живописи. Самым известным фактом такой помощи стало спасение картин знаменитой Дрезденской галереи. Но не менее значимой была помощь, оказанная Польше.

¹ Там же. Л. 1 об.

² Инструкция по хранению музейных ценностей в условиях военного времени (варианты), составленные Рыбниковым А.А., Тороповым С.А., Виннером А.В., Крыловой В.Н., Кориным П., [Барашевым Н.], и неуст.м авт. и рецензия Крыловой В.Н. на инструкцию. 28 января 1943 – 6 апреля 1944. 205 лл. // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Ед. хр. 12.

В 1944 г. Наркомат иностранных дел командировал А.А. Рыбникова в Люблин для осмотра спасенных полотен, созданных во второй половине XIX в. великим польским художником Яном Матейко, сюжетами которых были самые значимые события в истории польской государственности¹. Осмотрев картины и определив тяжесть их состояния и необходимый объем реставрационных работ, в течение пяти месяцев он занимался восстановлением уникальных и значимых для польского народа полотен².

Проведенная реставрация стала великим даром советского народа и свидетельствовала о подвижническом профессиональном труде специалистов.

Труд художника-реставратора А.А. Рыбникова в годы войны получил должную оценку: его наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»³.

В 1945 г., сразу после окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн, А.А. Рыбников активно включился в монументальные реставрационные работы. «Он весьма успешно руководил большой монументальной работой по реставрации ценнейших плафонов в Нескучном дворце (Президиум Академии наук СССР)»⁴. Были реставрированы плафоны и монументальная стенная живопись в здании музея им. Л.Н. Толстого и в здании Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина (б. Дворец Юсупова)⁵. Вместе с В.Н. Яковлевым он реставрировали Богоявленский Елоховский собор⁶.

1940-е гг. А.А. Рыбников много и плодотворно сотрудничает с архитектором А.В. Щусевым. Как художник А.А. Рыбников руководит работами по оформлению интерьеров здания ОГПУ (КГБ–ФСБ) на Лубянской площади в Москве (автор проекта реконструкции А.В. Щусев).

В 1947 г. А.А. Рыбников занимался вопросами художественного оформления Государственного Академического театра имени Алишера Навои в городе Ташкенте, строительство которого по проекту А.В. Щусева также началось в 1939 г., но прервалось до 1944 г. (в 1948 г. здание театра сдали в эксплуатацию).

Поездки художника-реставратора в Ташкент были связаны не только со строительством и оформлением интерьеров узбекского театра. С июля 1946

¹ Рыбников А.А. Автобиография... Л. 8, 9.

² Рыбников А.А. Докладная записка в Народный комиссариат Иностранных дел; акты, протоколы, научно-техническое описание и заключение комиссии по обследованию и реставрации картин Янга Матейка «Грюнвальдская битва» и «Проповедь ксендза Скарги», в которой (комиссии) участвовал Рыбников А.А. 28 октября – 15 ноября 1944. 25 лл. // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Ед. хр. 14.

³ Личный листок по учету кадров... Л. 2 об.

⁴ Щусев А.В. Письма в Академию Художеств и Комитет по делам искусств с отзывами о работе Рыбникова А.А., как художника-реставратора. 13 мая 1948. 2 лл. // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1.

⁵ Рыбников А.А. Автобиография... Л. 13.

⁶ Рыбникова-Бубнова П.А. О моем отце. Моим внукам. Воспоминания... Л. 16.

по октябрь 1947 г. А.А. Рыбников проводил консультации по вопросам реставрации и сохранности живописи, а также сам занимался реставрацией живописных полотен в Музее искусств Узбекской ССР. Срочной реставрации требовали 17 картин, среди которых были произведения В.К. Боровиковского, К.П. Брюллова, И.Б. Лампи, Т.А. Неффа, М. Шибанова, П.О. Ренуара. Помимо собственно реставрации, в ходе которой картины промывались, снимался старый загрязненный лак, проводилась дезинфекция от заражения плесенью, ликвидировались порывы холста, подводился новый грунт, восстанавливались осыпи, А.А. Рыбников промыл и покрыл лаком еще тринадцать произведений западноевропейской живописи¹.

С 1919 до 1949 г. Алексей Александрович Рыбников трудился в Третьяковской галерее. «Третьяковку он считал своим родным домом, жизни себе без нее не мыслил. Не смог бросить ее даже к концу жизни, когда из-за педагогической загруженности он остался в Третьяковке на полставки, получал смехотворную малую сумму, чуть ли не тридцать рублей, и в ведомостях на зарплату полушутя-полусерьезно расписывался: «Раб. Третьяковской галереи А. Рыбников»»².

Реставрационно-исследовательская и музейная работа почти не оставляли времени для занятий живописью. Исследовательница и знаток творческого наследия А.А. Рыбникова искусствовед М.В. Шашкина отметила, что «от предвоенных лет остались только отдельные картины» (41), подчеркнув, что служба в Третьяковке требовала огромной самоотдачи и заниматься живописью и графикой было просто некогда.

А.А. Рыбников никогда не забывал о живописи и графике. В 1924 г. он стал экспонентом выставок Ассоциации художников революции³, участвовал в двух выставках Московского объединения художников «Жар-цвет» (1924, 1925 гг.), в выставке АХРР «Жизнь и быт народов России» (1925 г.), международной выставке «Искусство книги» в Лейпциге (1927 г.), более 40 этюдов представил на выставке «Советская Арктика» (1935 г.), был одним из экспонентов передвижной выставки, организованной к «25-летию установления Советской власти в Заполярье» (1945 г.) и «участником всех выставок о Севере и Арктике»⁴.

¹ Отношения Государственного Музея искусств Узбекской ССР Рыбникову А.А. и Комитету по делам искусств по вопросу реставрации картин, списки картин, требующих реставрации, протоколы обследования и реставрации картин, составленные Рыбниковым А.А., заведующим фондами и старшим научным сотрудником Музея Искусств Узбекской ССР. 19 мая 1946 – 26 апреля 1947 гг. 25 лл. // РГАЛИ. Ф. 2005. Оп. 1. Ед. хр. 16.

² Рыбникова-Бубнова П.А. О моем отце. Моим внукам. Воспоминания... Л. 2.

³ Рыбников А.А. Заявление о приеме в члены АХР. 27 сентября 1924 г. // РГАЛИ. Ф. 2941. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 66.

⁴ Рыбников А.А. Характеристика для участия в выставке к «25-летию установления Советской власти в Заполярье». [1945]. Машинопись // РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 7. Ед. хр. 131. Л. 44.

В 1920-е гг. им были сделаны эскизы к постановке «Прометея» Эсхила для I-го МХАТа¹.

В 1920-е гг. у него появилась новая тема – русский Север. В середине 1920-х гг. вместе со своими друзьями – хирургом К.Е. Майером и с певцом и режиссером П.И. Румянцевым – он проводил свой отпуск в сплаве на плотках по Северным рекам: Онеге, Печоре, Кергпенце.

Поездки по русскому Северу продолжались с 1925 по 1928 г. [48, с. 20].

В 1933 г. А.А. Рыбникова включили в состав группы 1-й Ленской экспедиции, положившей начало освоению Лены и Хатанги. Группой руководил член Главного управления Северного морского пароходства Б.В. Лавров (49). Уникальность экспедиции заключалась, прежде всего, в проложенном маршруте через мыс Челюскин (пролив Вилькицкого) через море Лаптевых, в бухты Тикси (устье Лены) и Нордвик (устье Хатанги) [48, с. 21].

Помимо прохода сквозь льды океана А.А. Рыбникову посчастливилось пройти по Енисею на гидроплане от Красноярска до о. Диксон, от Туруханска до Игарки, побывать в самом северном населенном пункте Якутии – Тикси и вернуться обратно из большого похода на ледоколе «Красин»².

В экспедиции он вел художественный и фоторепортаж, рассказывая о людях Сибири, о стройках первых пятилеток. «На арктическом фронте, как на каждом участке нашего строительства, героический масштаб работ дает художнику богатейший материал», – писал А.А. Рыбников, подводя итоги экспедиции [48, с. 21–23].

В воспоминаниях П.А. Рыбниковой-Бубновой отмечено: «От Севера он был в восторге и привез оттуда большое количество работ. Это было, пожалуй, то единственное время в его жизни, когда его ничто не отвлекало от живописи»³. Привезенные из экспедиции эскизы и написанные на их основе картины художник представил на выставке, приуроченной к годовщине гибели «Челюскина» и 15-летию научной работы по освоению Арктики⁴ и открывшейся в марте 1935 г.

В 1930-е гг. А.А. Рыбникова увлекла преподавательская деятельность. Он читал курсы лекций по технике и технологии живописи, создав свой, авторский, курс, в Государственном институте кинематографии (1938–1941 гг.), в Художественном институте имени Сурикова (1948), в Московском государственном педагогическом институте (1943–1948 гг.)⁵. До войны читал лекции в Украинском художественном институте и Грузинской академии живописи. «Кроме того, в целях повышения квалификации художников провел ряд ци-

¹ Рыбников А.А. Заявление в АХРР. 1925 г., 10 мая // РГАЛИ. Ф. 2941. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 66.

² Советская Арктика: в произведениях художников... С. 21–23.

³ Рыбникова-Бубнова П.А. О моем отце. Моим внукам. Воспоминания... Л. 14.

⁴ См.: Рыбников А.А. Заявление в МОССХ на имя члена МОССХ Меркулова А.А. 1 марта 1935 г. // РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 1. Ед. хр. 1134. Л. 14.

⁵ Личный листок по учету кадров... – Л. 1 об.

клов лекций в Союзах художников (Москва, Ленинград, Киев, Минск, Тбилиси, Ереван, Баку, Одесса, Горький, Архангельск, Вологда, Ярославль и пр.), а также и в других учреждениях и организациях (как, например, для Союза архитекторов Москвы)»¹.

Алексей Александрович Рыбников скончался 29 марта 1949 г. на 62 году жизни. Инфаркт – сердце не выдержало столь напряженного рабочего ритма. Некролог, опубликованный в газете «Советское искусство» от 1 апреля 1949 г., подписали А. Герасимов, М. Манизер, П. Сысоев, К. Юон, В. Яковлев, С. Герасимов, Б. Вейман и др.

Отдавая дань уважения художнику-реставратору, подписавшие некролог отметили, что А.А. Рыбников сорок пять лет своей жизни отдал служению русскому и советскому изобразительному искусству, а «плодотворная деятельность живописца и графика, художника-декоратора, вдумчивого реставратора, видного исследователя в области техники и технологии живописи А.А. Рыбникова будет памятна всем знавшим этого энергичного и обаятельного человека»².

В письме-соболезновании, направленном в адрес вдовы художника, сотрудники ГТГ написали, что «ушел интересный человек, большой и редкий специалист, посвятивший всю жизнь трудному и почетному делу – подготовке молодых кадров советский художников и работе по сохранению памятников искусства, составляющих национальную гордость советского народа»³. И это не были просто пафосные слова, ведь с 1919 по 1949 г. А.А. Рыбников трудился в Третьяковской галерее. Галерея стала его вторым домом, к тому же семья художника, да и он сам жили в доме в Малом Толмачевском переулке.

Выводы. Алексей Алексеевич Рыбников – представитель поколения русских художников, начавших свой путь в искусстве после событий революции 1905 г. Выходец из купеческой семьи, получивший сначала экономическое, а затем и художественное образование, он разделил идеи представителей русского авангарда, воспринял революционные изменения, произошедшие в русском искусстве, но при этом с уважением относился к русской академической и классической школам, не разделяя футуристических идей. Воспитанный в православной семье (а его отец был глубоко верующим человеком), А.А. Рыбников как до революции 1917 г., так и в послереволюционные годы обращался к церковной тематике, писал картины, иллюстрировал церковную литературу, участвовал в реставрации храмов.

Подлинное знание русской классической литературы, желание создать свой образ героев произведений как русских, так и зарубежных авторов, при-

¹ Рыбников А.А. Автобиография... – Л. 9

² Материалы об А.А. Рыбникове (заметки о выставках, реставрации картин, некролог, посвященный его памяти) – газетные вырезки. 1934–1949 гг. // ОР РГБ. Ф. 367. К. 40. Ед. хр. 7. Л. 5.

³ Коллективное письмо сотрудников ГТГ. [1949 г., апрель] // РГАЛИ. Ф. 2005 (Рыбников А.А.). Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 8.

вели художника к сотрудничеству с российскими и советскими издательствами. А.А. Рыбников прославился и как книжный график, и как мастер экслибриса, и как создатель эмблем новых издательств нового, советского, времени.

К числу главных заслуг мастера относится его участие в спасении произведений русского и мирового искусства из брошенных дворянских имений в годы революции и Гражданской войны, сначала на посту заместителя заведующего Отделом провинциальной охраны в Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Наркомпросе РСФСР, а затем в должности заведующего им же созданного реставрационного отдела Государственной Третьяковской галереи.

Не забывая о своем художественном поприще, 30 лет жизни А.А. Рыбников отдал реставрации, вернув поклонникам искусства многие шедевры русской и мировой живописи: картины В.И. Сурикова, К.П. Брюллова, О.А. Кипренского, Ф.С. Рокотова, Рубенса, Рембрандта и др.

Вместе с сотрудниками Эрмитажа, Всесоюзного института лаков и красок, Государственной Третьяковской галереи, занимаясь исследовательской работой с 1919 г., А.А. Рыбников разработал новый способ промывки картин и метод фактурного исследования картины («Methode Rybnikoff»), ставшие прорывами в мировой реставрации. При поддержке архитектора А.В. Щусева труды А.А. Рыбникова были изданы, а некоторые из них переведены на французский язык и опубликованы во французской научной периодике. Одной из великих заслуг художника-реставратора стало возрождение к жизни картин польского художника Яна Матейко.

Сотрудничество с А.В. Щусевым дало возможность раскрыться таланту А.А. Рыбникова как художника-монументалиста.

Просветительско-педагогическая работа дала возможность передать свой опыт и знания нескольким поколениям художников, реставраторов и музейных работников.

Переломная в Российской истории эпоха не просто «преобразовала свободного художника в серьезного музейного работника» [41], но и дала возможность раскрыться его таланту реставратора, реализовать себя как художника-монументалиста и утвердить советскую школу реставрации на мировом пространстве.

© Аксенова Г.В., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2005; 2075; 2941; 2943.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 367.

Государственная Третьяковская галерея. Научная деятельность (ОР ГТГ). Ф. 8. II; 31; 87; 990.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Великая Французская буржуазная революция. Указатель русской и советской литературы / Отв. ред. Г.С. Кучеренко. Сост. Г.В. Аксенова, В.А. Гавриличев, Н.Ю. Плавинская, М.Н. Соколова, Л.В. Юрченкова. М.: ИНИОН АН СССР, 1987.
- [2] *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2004.
- [3] *Аксенова Г.В.* Книги Ж.Ф. Лагарпа в России последней трети XVIII – нач. XIX вв. // Книга в России XVI – середины XIX веков. Сб. науч. трудов. Л.: БАН, 1990. С. 169–176.
- [4] *Аксенова Г.В.* Русские переводы сочинений Жана Франсуа Лагарпа // Книга: Исследования и материалы. М.: Издательство «Книжная палата», 1992. Сб. 64. С. 69–81.
- [5] *Галай Ю.Г., Михеева И.В.* Правотворчество Министерства внутренних дел Российской империи по охране памятников старины. Нижний Новгород: Нижегород. юрид. ин-т МВД, 2001.
- [6] *Галай Ю.Г., Пронина Е.Н.* Государственно-правовая охрана православного культурного наследия в России в XVIII – XX веках. М.: NOTABENE, 2008.
- [7] *Михеева И.В.* Правотворческая деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по охране памятников истории и культуры в XIX – начале XX веков. Н. Новгород: Растр-НН, 2009.
- [8] *Луначарский А.В.* Об изобразительном искусстве: [Сборник] / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и примеч. И.А. Саца. М.: Советский художник, 1967.
- [9] *Луначарский А.В.* Об искусстве: В 2-х т. / Сост., подгот. текста и примеч. И.А. Саца, А.Ф. Ермакова. Т. 2. Русское советское искусство. М.: Искусство, 1982.
- [10] *Вагнер Р.* Искусство и революция / Пер. с нем. И. Ю-са. Санкт-Петербург: С.Е. Грозмани, 1908.
- [11] *Вагнер Р.* Искусство и революция / Пер. с предисл. И.М. Каценеленбогена и вступ. А.В. Луначарского. Пг.: Лит.-изд. отд. Народного комиссариата по просвещению, 1918.
- [12] *Блок А.А.* Искусство и Революция (По поводу творения Рихарда Вагнера). М.: «Современник», 1979.
- [13] Охрана культурного наследия XVII – XX вв. Хрестоматия. Т. I. М.: Издательство «Весь мир», 2000.
- [14] *Родченко А.М.* Статьи. Воспоминания. Автобиографические записки. Письма / Сост. В.А. Родченко. М.: Сов. художник, 1982.
- [15] *Лаврентьев А.Н.* Александр Родченко. М.: Архитектура-С, 2007.
- [16] Маяковский – Родченко. Классика конструктивизма: сборник / Сост. А. Лаврентьев. М.: ФортунаЭЛ, 2004
- [17] *Вашик К., Бабурина Н.* Искусство русского плаката. Реальность утопии / Пер. с нем. К. Левинсон. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- [18] *Тимошин Г.А.* Митрофан Борисович Греков. Жизнь и творчество. М.: Советский художник, 1961.
- [19] *Аксенова Г.В.* Предыстория студии военных художников имени М.Б. Грекова: рассказ о тех, кто воевал карандашом, красками и кистью // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия: гуманитарные науки. Липецк, 2015. № 2 (11). С. 19–28.

- [20] *Ткаченко В.Я.* Николай Семенович Самокиш. Жизнь и творчество: 1860–1944. М., 1964.
- [21] *Шлеев В.В.* Революция и изобразительное искусство. М.: Изобразительное искусство, 1987.
- [22] *Филагина В.В.* Великая Октябрьская социалистическая революция: библиографический указатель документальных публикаций. М.: б.и., 1957.
- [23] Великая Октябрьская Социалистическая Революция. Библиографический указатель документальных публикаций / Под редакцией Е.Н. Городецкого. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1961.
- [24] *Бушуев С.В.* История государства Российского: Ист.-библиогр. очерки. М.: Кн. палата, 1994.
- [25] Все музеи России. Энциклопедический справочник. В 3 т. / Сост. Е. Усова; Ред. К. Наседкин. М.: Бестселлер, 2005–2006.
- [26] *Раев М.И.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. М.: Прогресс-Академия. 1994.
- [27] Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. В двух книгах / Под общей ред. Е.П. Чельшева и Д.М. Шаховского. М.: Наследие, 1994.
- [28] *Вздорнов Г.И., Залеская З.Е., Лелекова О.В.* Общество «Икона» в Париже. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
- [29] *Ершов В.Ф.* Российская художественная эмиграция во Франции в 1920–1930-е гг. М.: МАКС Пресс, 2008.
- [30] *Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я.* Художники Русского Зарубежья, 1917–1939: Биографический словарь. СПб.: Нотабене, 1999. 713 с.
- [31] Незабываемые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. / сост. В.Н. Чумаков. М.: Пашков дом, 1999–2007.
- [32] *Галай Ю.Г.* Власть и историко-культурные ценности в Российской Федерации, 1917–1929 гг.: Историко-правовой аспект. Н. Новгород: Нижегород. юрид. ин-т МВД, 1997.
- [33] *Галай Ю.Г.* Хранить истории следы. Охрана памятников истории и культуры на Нижегородской земле, 1917–1941 гг. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1989.
- [34] *Рыбников А.А.* Фактура классической картины. М.: Государственная Третьяковская Галерея, 1927.
- [35] *Рыбников А.А.* Техника масляной живописи. М.: ВСЕКОХУДОЖНИК, 1929.
- [36] *Ченнино Ченнини.* Книга об искусстве или Трактат о живописи / Пер. А. Лужнецкой. Вступ. ст. и коммент. А.А. Рыбникова. М.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1933.
- [37] *Бергер Э.* История развития техники масляной живописи / Пер. с нем. А.Н. Лужецкой; Под ред., со вступ. статьей и прим. А. А. Рыбникова. М.: ИЗОГИЗ, 1935.
- [38] *Рыбникова-Бубнова П.А.* Главы семейного романа. М.: Медико-технологическое предприятие «НЬЮДИАМЕД-АО», 1994.
- [39] *Рыбникова-Бубнова П.А.* Главы семейного романа. 2-е изд., дополненное. М.: Издательство «Ньюдиамед», 2003.
- [40] *Кончин Е.В.* Сохраненные сокровища. М.: Просвещение, 1985
- [41] Алексей Александрович Рыбников, 1887–1949: Живопись: Каталог выставки / [Составитель Е.А. Лисенкова; Авт. вступ. ст. М.В. Пашкина]. М.: Советский художник, 1988.
- [42] Русский биографический словарь / Под ред. А.А. Половцова. Пг., 1918. Т. 17.

- [43] 100 великих психологов / [авт.-сост. Владислав Яровицкий]. М.: Вече, 2003.
- [44] Москва. Moscou. Moskau. М.: Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсон, 1912.
- [45] *Павлов И.Н.* Жизнь русского гравера / Ред. и комментарий М.П. Сокольников. М.; Л.: Государственное издательство «Искусство», 1940.
- [46] *Кончин Е.В.* Эмиссары восемнадцатого года. М.: Московский рабочий, 1981.
- [47] *Кончин Е.В.* Революцией призванные. М.: Московский рабочий, 1988.
- [48] Советская Арктика: в произведениях художников В.П. Беляева, М.М. Берингова, А.А. Меркулова, А.А. Рыбникова и С.А. Стороженко / [отв. ред. Ю.М. Славинский] М.: ВСЕКОХУДОЖНИК, 1934.
- [49] *Лавров Б.В.* Первая Ленская: Очерки о первом караване советских судов, прошедших через Северный ледовитый океан к устью реки Лены. М.: Молодая гвардия, 1936.

История статьи:

Поступила в редакцию: 17 марта 2017 г.

Принята к печати: 19 июня 2017 г.

Об авторе:

Аксенова Галина Владимировна – д.и.н., профессор кафедры истории России Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; Почтовый адрес организации: 115571, Россия, г. Москва, Проспект Вернадского, 88.

**FATES OF RUSSIAN ART
IN THE YEARS OF REVOLUTION AND CIVIL WAR
(PECULIARITIES OF A.A. RYBNIKOV'S CREATIVE WORK)**

Galina V. Aksenova

Moscow Pedagogical State University
88, Vernadsky Pr., Moscow, Russia, 115571, galax23@yandex.ru

The article is devoted to the fate of the intellectuals who came over to the Soviet power and participated in the revolutionary process. The analysis is carried out on the example of the life and work of artist Alexei Rybnikov (1887–1949), who came from a merchant family, initially received economic education, graduated from Kharkov school of painting and drawing and participated in the exhibitions of “Jack of diamonds”. There are considered the peculiarities of his pre-revolutionary art.

The author notes the role of the artist in the rescue of the unique art collections in the years of his work in the People's Commissariat for Education. There is shown how the Revolution and the Civil war, the nationalization and requisition of artistic values changed the processes of museum construction in Russia and then the Soviet Union. The author points out that the process of nationalization of the historical and artistic values revealed one of the important issues related

to the conservation of works of art – the problem of restoration. The solution to this problem was associated with the need to study the technological characteristics of the paintings by old masters, to record the physical condition of all existing works of art, to describe its technical condition. There is shown that the practical work of rescue and restoration of the old masters' heritage, which was carried out at the State Tretyakov gallery and the Hermitage by artists, technologists, photographers and scientists (chemists and physicists), led to the discovery of new methods of paintings salvation.

Russian artist Alexei Rybnikov began his career before the revolution of 1917 as a painter, book designer and muralist. Like many other representatives of this profession, at first he became an officer of the People's Commissariat for Education, then an employee of a museum. This path of a free artist's transformation into a serious museum employee gave the world a new way of washing paintings, and then the method of texture photography invented by him. In the history of the world restoration this method is known as "Methode Rybnikoff".

Keywords: history of Russian art, revolution, protection of cultural heritage, State Tretyakov gallery, Alexei A. Rybnikov

REFERENCES

- [1] Kucherenko GS, Aksenova GV, Gavrilichev VA, Plavinskaja NYu., Sokolova MN, Jurchenkova LV, eds. *Velikaja Francuzskaja burzhuznaja revoljucija. Ukazatel' russkoj i sovetskoj literatury* [The great French bourgeois revolution. Index of Russian and Soviet literature]. Moscow: INION AN SSSR; 1987 (in Russian).
- [2] Richard S. Wortman. *Scenarios of power: Myths and Ceremonies of Russian Monarchy*. Moscow; 2004: 1 (in Russian).
- [3] Aksenova GV. *Knigi Zh.F. Lagarpa v Rossii poslednej treti XVIII – nach. XIX vv.* [Books by J. F. La Harpe in Russia last third of the XVIII – early XIX centuries]. *Kniga v Rossii XVI – serediny XIX vekov. Sb. nauch. trudov*. Leningrad: BAN; 1990: 169–176 (in Russian).
- [4] Aksenova GV. Russian translations of the works of François de La Harpe. *Kniga: Issledovanija i materialy* [Book: Researchers and materials]. Moscow: Knizhnaja palata, 1992; 64: 69–81 (in Russian).
- [5] Galaj YuG., Miheeva IV. *Pravotvorcestvo Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj imperii po ohrane pamjatnikov stariny* [The lawmaking of the Ministry of internal Affairs of the Russian Empire for the protection of ancient monuments]. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii juridicheskii institut MVD; 2001 (in Russian).
- [6] Galaj YuG., Pronina EN. *Gosudarstvenno-pravovaja ohrana pravoslavnogo kul'turnogo nasledija v Rossii v XVIII–XX vekah* [State legal protection of the Orthodox cultural heritage in Russia in XVIII–XX centuries]. Moscow: NOTA BENE; 2008 (in Russian).
- [7] Miheeva IV. *Pravotvorcheskaja dejatel'nost' Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj imperii po ohrane pamjatnikov istorii i kul'tury v XIX – nachale XX vekov* [Legislative activities of the Ministry of internal Affairs of the Russian Empire for the protection of monuments of history and culture in the XIX – early XX centuries]. N. Novgorod: Rastr-NN; 2009 (in Russian).
- [8] Lunacharskii AV. *Ob izobrazitel'nom iskusstve: Sbornik* [Of the fine arts: Collection]. Moscow: Sovetskii hudozhnik; 1967 (in Russian).

- [9] Lunacharskii AV. *Ob iskusstve* [About art]. Moscow: Iskusstvo, 1982; 2 (in Russian).
- [10] Vagner R. *Iskusstvo i revoljuciya* [Art and revolution]. Saint Petersburg: S.E. Grozmani; 1908 (in Russian).
- [11] Vagner R. *Iskusstvo i revolyuciya* [Art and revolution]. Petrograd: Lit.-izd. otd. Narodnogo komissariata po prosveshheniyu; 1918 (in Russian).
- [12] Blok AA. *Iskusstvo i Revolyuciya (Po povodu tvoreniya Riharda Vagnera)* [Art and Revolution (on Richard Wagner's works)]. Moscow: Sovremennik; 1979 (in Russian).
- [13] *Ohrana kul'turnogo nasledija XVII – XX vv. Hrestomatiya* [The protection of cultural heritage of XVII – XX centuries]. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2000; 1 (in Russian).
- [14] Rodchenko AM. *Stat'i. Vospominaniya. Avtobiograficheskie zapiski. Pis'ma* [Article. Memories. Autobiographical notes. Letters]. Moscow: Sovetskii hudozhnik; 1982 (in Russian).
- [15] Lavrent'ev AN. *Aleksandr Rodchenko*. Moscow: Arhitektura-S; 2007 (in Russian).
- [16] Lavrent'ev A., ed. *Mayakovsky-Rodchenko. The constructivist classics*. Moscow: Fortuna JeL; 2004 (in Russian).
- [17] Vashik K, Baburina N. *Iskusstvo russkogo plakata. Real'nost' utopii* [The art of the Russian poster. The reality of utopia]. Moscow: Progress-Tradicija; 2004 (in Russian).
- [18] Timoshin GA. *Mitrofan Borisovich Grekov. Zhizn' i tvorchestvo* [Mitrofan Borisovich Grekov. Life and work]. Moscow: Sovetskii hudozhnik; 1961 (in Russian).
- [19] Aksenova GV. Predystoriya studii voennyh hudozhnikov imeni M.B. Grekova: rasskaz o teh, kto voeval karandashom, kraskami i kist'ju [The background of the Studio of military artists named after M.B. Grekov: the story of those who fought in pencil, paint and brush]. *Vestnik Lipeckogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: gumanitarnye nauki*. 2015; 11(2): 19–28 (in Russian).
- [20] Tkachenko VYa. *Nikolay Semenovich Samokish. Zhizn' i tvorchestvo: 1860–1944* [Nikolai Semenovich Samokish. Life and work: 1860–1944]. Moscow; 1964 (in Russian).
- [21] Shleev VV. *Revoljuciya i izobrazitel'noe iskusstvo* [Revolution and fine arts]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo; 1987 (in Russian).
- [22] Filagina VV. *Velikaya Oktjabr'skaya socialisticheskaya revoljuciya: bibliograficheskii ukazatel' dokumental'nyh publikacii* [The great October socialist revolution: a bibliography of documentary publications]. Moscow: b.i.; 1957 (in Russian).
- [23] Gorodeckii EN, ed. *Velikaya Oktjabr'skaya Socialisticheskaya Revolyuciya. bibliograficheskii ukazatel' dokumental'nyh publikacij* [Socialist Revolution. A bibliography of documentary publications]. Moscow: Izdatel'stvo Vsesojuznoj knizhnoj palaty; 1961 (in Russian).
- [24] Bushuev SV. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: Ist.-bibliogr. ocherki*. Moscow: Kn. Palata; 1994 (in Russian).
- [25] Nasedkin K, ed. *Vse muzei Rossii. Jenciklopedicheskij spravochnik*. Moscow: Bestseller; 2005–2006 (in Russian).
- [26] Raev MI. *Rossiya za rubezhom. Istoriya kul'tury russkoy jemigracii 1919–1939* [Russia abroad. History of culture of the Russian emigration 1919–1939]. Moscow: Progress-Akademija; 1994 (in Russian).
- [27] Chelyshev EP, Shahovskoy DM. *Kul'turnoe nasledie rossijskoj jemigracii: 1917–1940. V dvuh knigah* [Cultural heritage of Russian emigration: 1917–1940]. Moscow: Nasledie; 1994 (in Russian).
- [28] Vzdornov GI., Zaleskaja ZE., Lelekova OV. *Obshhestvo «Ikona» v Parizhe* [The society “Icon” in Paris]. Moscow: Progress-Tradicija; 2002 (in Russian).

- [29] Ershov VF. *Rossiyskaja hudozhestvennaya jemigraciya vo Francii v 1920–1930-e gg.* [The art of the Russian emigration in France in the 1920-1930-ies]. Moscow: MAKSPress; 2008 (in Russian).
- [30] Leykind OL., Mahrov KV., Severyukhin DYa. *Hudozhniki Russkogo Zarubezh'ja, 1917–1939: Biograficheskij slovar'* [Artists of the Russian Diaspora, 1917–1939: Biographical dictionary]. St-Petersburg: Notabene; 1999 (in Russian).
- [31] Chumakov VN, ed. *Nezabytye mogily: rossijskoe zarubezh'e: nekrologi 1917–1997* [Unforgotten graves: Russian abroad: obituaries 1917–1997]. Moscow: Pashkov dom; 1999–2007 (in Russian).
- [32] Galay YuG. *Vlast' i istoriko-kul'turnye cennosti v Rossijskoj Federacii, 1917–1929 gg.: Istoriko-pravovoj aspekt* [Power and historico-cultural values in the Russian Federation, 1917–1929 gg: Istoriko-legal aspect]. Nizhny Novgorod: Nizhegor. jurid. in-t MVD; 1997 (in Russian).
- [33] Galay Yu.G. *Hranit' istorii sledy. Ohrana pamjatnikov istorii i kul'tury na Nizhegorodskoj zemle, 1917–1941 gg.* [Store history tracks. Protection of monuments of history and culture of the Nizhny Novgorod region, 1917–1941]. Gor'kiy: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo; 1989 (in Russian).
- [34] Rybnikov AA. *Faktura klassicheskoj kartiny* [The texture of classical paintings]. Moscow: Gosudarstvennaja Tret'jakovskaja Galereja; 1927 (in Russian).
- [35] Rybnikov AA. *Tehnika masljanoj zhivopisi* [The technique of oil painting]. Moscow: VSEKOHUODOZhNIK; 1929 (in Russian).
- [36] Chennino Chennini. *Kniga ob iskusstve ili Traktat o zhivopisi* [The book of art or Treatise on painting]. Moscow: OGIZ-IZOGIZ; 1933 (in Russian).
- [37] Berger E. *Istoriya razvitiya tehniki maslyanoi zhivopisi* [The history of the development of the art of oil painting]. Moscow: IZOGIZ, 1935 (in Russian).
- [38] Rybnikova-Bubnova PA. *Glavy semejnogo romana* [The head family of the novel]. Moscow: N'yudiamed Publ.; 1994 (in Russian).
- [39] Rybnikova-Bubnova PA. *Glavy semejnogo romana* [The head family of the novel]. Moscow: N'yudiamed Publ.; 2003 (in Russian).
- [40] Konchin EV. *Sohrannennye sokrovishha* [Stored treasures]. Moscow: Prosveshhenie; 1985 (in Russian).
- [41] Lisenkova EA, Shashkina MV, eds. *Aleksey Aleksandrovich Rybnikov, 1887–1949: Zhivopis': Katalog vystavki* [Alexey Rybnikov, 1887–1949: Paintings: exhibition Catalogue]. Moscow: Sovetskii hudozhnik; 1988 (in Russian).
- [42] Polovcev AA. *Russkii biograficheskii slovar'* [Russian biographical dictionary]. Petrograd, 1918; 17 (in Russian).
- [43] Vladislav Jarovickii. *100 velikih psihologov* [100 great psychologists]. Moscow: Veche; 2003 (in Russian).
- [44] *Москва. Moscou. Moskau.* Moscow: Tovarishhestvo Skoropechatni A.A. Levenson; 1912 (in Russian, in French, in German).
- [45] Pavlov IN. *Zhizn' russkogo gravera* [The life of the Russian engraver]. Moscow; Leningrad: Iskusstvo; 1940 (in Russian).
- [46] Konchin EV. *Jemissary vosemnadcatogo goda* [The emissaries of eighteen]. Moscow: Moskovskii rabochii; 1981 (in Russian).
- [47] Konchin EV. *Revoluciey prizvannye* [Designed byrevolution]. Moscow: Moskovskii rabochii; 1988 (in Russian).

- [48] Slavinskiy YuM. *Sovetskaya Arktika: v proizvedenijah hudozhnikov V.P. Beljaeva, M.M. Beringova, A.A. Merkulova, A.A. Rybnikova i S.A. Storozhenko* [Soviet Arctic: in creations of V.P. Belyaev, M.M. Beringov, A.A. Merkulov, A.A. Rybnikov and S.A. Storozhenko]. Moscow: VSEKOHUDOZHNIK; 1934 (in Russian).
- [49] Lavrov BV. *Pervaya Lenskaya: Ocherki o pervom karavane sovetskih sudov, proshedshih cherez Severnyj ledovityj okean k ust'ju reki Leny* [First Lena: Essays on the first convoy of Soviet ships passed through the Arctic ocean to the mouth of the Lena river]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1936 (in Russian).

Article history:

Received: 17 March 2017

Revised: 10 April 2017

Accepted: 19 June 2017

About the author:

Galina V. Aksenova, Dr. in history, Professor of the Department of Russian history at Moscow Pedagogical State University; Postal address of the organization: 88, Vernadsky Pr., Moscow, 11557, Russia.



УДК 94(47).084

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-253-263

СОБЫТИЯ 1917 ГОДА В ВОСПОМИНАНИЯХ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Е.А. Котеленец, М.О. Сергеева

Российский университет дружбы народов
Москва, Россия, kotelelena@yandex.ru

В статье анализируется отношение российской творческой интеллигенции к революционным событиям 1917 г. в России. Изучаются дневники и мемуары И. Бунина, Н. Бердяева, М. Горького, Ф. Степуна, З. Гиппиус и др. Рассматривается эволюция отношения интеллигенции к революции (от восторга до полного отрицания); изучаются причины, подтолкнувшие отдельных ее представителей к эмиграции.

Ключевые слова: творческая интеллигенция, революция, эмиграция, мемуары

Введение. Революционные события 1917 г. имеют огромное значение не только для России, но и для всего мира. Они задали новый вектор развития истории нашей страны. Впервые в истории человечества появилась альтернатива существовавшему на тот момент общественно-политическому строю, которая была чрезвычайно привлекательна для всего мира. Позднее, в середине XX в., это назовут «русским чудом» [1, с. 125].

Цель данного исследования – понять, как к событиям 1917 г. относились представители российской интеллигенции, образованнейшие люди того времени. Согласно замечанию М.Л. Гаспарова, интеллигенция всегда была «осознавателем общественных движений», «частью народа, [которая] чувствует то же, что и народ, но в силу лучшего образования лучше это осознает и дает этому выражение» [2, с. 84].

Уровень образования и кругозор позволяли представителям творческой и научной интеллигенции смотреть шире на проблемы государственного и политического управления, составлять более полную картину того, что происходило в стране. Большинство современных исследователей изучают процесс самопознания и самокритики представителей русской интеллигенции, но не изучают динамику их отношения к революции, принимая ее как историческую данность. Зачастую исследователи противопоставляют лишь две точки зрения: «за» и «против» революции. Они рассматривают проблему противостояния интеллигенции и власти, но не анализируют проблему комплексно. Работ,

прослеживающих динамику отношения российской интеллигенции к революции 1917 г. от начала века до первой волны эмиграции, крайне мало.

Основной источник исследования – свидетельства современников революции. В данной работе использованы дневники, мемуары и воспоминания известных представителей творческой интеллигенции: И. Бунина, З. Гиппиус, Ф. Степуна, М. Горького, С. Трубецкого, Н. Бердяева и др. Выбор определяется их популярностью, влиянием на отечественную и зарубежную литературу. И. Бунин – первый российский писатель, получивший Нобелевскую премию по литературе; З. Гиппиус – одна из основоположниц нового литературного течения, русского символизма, Ф. Степун – известный литератор и философ; М. Горький – журналист, писатель и драматург, номинированный на Нобелевскую премию пять раз; князь С. Трубецкой – писатель и военный; Н. Бердяев – философ, автор оригинальной концепции философии свободы.

Методом исследования послужил компаративный анализ мемуарной прозы, что позволило выявить основные тенденции восприятия событий 1917 г. среди представителей творческой интеллигенции Серебряного века.

Тема революционных событий 1917 г. в России привлекала многих исследователей. Однако большая часть работ направлена на анализ взаимоотношений интеллигенции и власти, значительная часть из которых, в особенности советского периода, имеют яркую политическую окраску. Д.С. Лихачев отмечал: «Мы слишком часто употребляем выражение “гнилая интеллигенция”, представляем ее себе слабой и нестойкой потому, что привыкли верить следовательскому освещению дел, прессе и марксистской идеологии, считавшей только рабочих “классом-гегемоном”. Но в следственных делах оставались лишь те документы, которые играли на руку следовательской версии, выбитой из последственных иногда попытками, и не только физическими» [3, с. 4].

Большая часть исследований посвящена обзору и краткому анализу мемуаров того или иного писателя с литературной точки зрения. Среди них необходимо отметить «Петербургские дневники З. Гиппиус» (2004) А.Н. Новожиловой, «Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования» (2011) А.Л. Смирновой, ««Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века» (1997) А.Г. Тартаковского, «Русская мемуаристика первой половины XIX века: проблемы жанра и стиля» (1997) О.В. Мишуковой «Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях» (2009) А.Д. Гудкова и Б.В. Дубинина и др.

Необходимо также отметить ряд работ, рассматривающих общие вопросы культуры, без которых было бы сложно понять и проанализировать обстановку того периода и выявить взаимосвязь различных событий. Например, исследование Г.Ю. Стернина «Художественная жизнь России начала XX века» (1976) и монография В. С. Купцовой «Художественная интеллигенция России: размежевание и исход» (1996) освещают общие вопросы культуры того времени и роли в них интеллигенции. В работе Ю.С. Калашникова «Русская художественная культура конца XIX – начала XX века»

(1968) определена методология исследования художественной, литературной и научной жизни как составной части культуры. Среди работ, изданных за последнее время, необходимо отметить монографию В.В. Галина «Война и революция» (2004), а также работу С.А. Красильникова «Интеллигенция – общество – власть: российский “треугольник” XX века» (1999).

Исследование проблемы. Русская интеллигенция – часть сложного исторического явления. Важно понимать, что в начале XX в. процент грамотного населения России, умевшего читать и писать, не превышал 27% [4, с. 327]. И это лишь статистические данные переписи населения, отражающие базовый уровень грамотности страны. В то же время представители интеллигенции получали первоклассное образование, многие учились за рубежом, впитывая в себя знания самых различных культур. Д.С. Лихачев отмечал, что интеллигенции была присуща прежде всего «независимость мысли при европейском образовании» [3, с. 3]. С ним соглашался М.Л. Гаспаров, определяя «русскую интеллигенцию» как «западный интеллектуализм (носитель духовных ценностей), перенесенный на русскую почву» [5, с. 14]. Именно эта социальная группа особенно интересна в контексте исследования особенностей восприятия Русской революции 1917 г. современниками.

Следует отметить особое политическое положение представителей интеллигенции в России. Одной из отличительных особенностей является то, что отношение ее к власти и к народу определяет модель поведения, своего рода «координаты семантического пространства» [6, с. 5]. Задача автора – отбросить оценочные суждения и попытаться взглянуть на феномен интеллигенции в начале XX в. максимально беспристрастно.

Интересное, на наш взгляд, мнение о роли интеллигенции высказывал М.Л. Гаспаров. В статье «Русская интеллигенция как отводок европейской культуры» он писал, что «общественную роль интеллигенции стоило бы определить не словом “оппозиционность”, а более широким: “авангард, разведка, эксперимент”. Будучи шире образованной, более динамичной, менее закостенелой в традиционном мышлении, она выступает на первый план в те моменты, когда общество оказывается в непривычной критической ситуации, и реакции накопленного массового опыта не срабатывают» [5, с. 20]. Данная цитата достаточно точно описывает ситуацию в Российской империи, предшествовавшую событиям 1917 г.

Начало XX в. в России характеризовалось социальным и психологическим кризисом. Представители творческой интеллигенции пытались найти смысл своего существования в культуре и искусстве других стран. Никогда раньше русские художники, поэты и писатели столько не путешествовали: Н. Гумилев несколько раз ездил в Африку, И. Бунин – в Индию, К. Бальмонт – в Мексику, А. Белый – в Египет. В их творчестве прослеживались как мотивы путешествий, так и сюжеты, заимствованные из иностранного фольклора. Вместе с тем неуклонно рос интерес к народному творчеству, отечественной истории. А. Рябушкин писал картины боярской Москвы, Н. Рерих вдохнов-

лялся сюжетами языческой Руси, В. Васнецов заимствовал идеи из русских народных сказок. Влияние «допетровской» России прослеживается в музыкальных произведениях И. Стравинского, К. Лядова, Н. Римского-Корсакова [5, с. 23].

На этом фоне события Первой мировой войны выглядят особенно трагично. Творческая интеллигенция пыталась переосмыслить свое место в мире, найти новый вектор развития государства. Но вместо этого оказалась перед угрозой уничтожения страны. Первая мировая война, с точки зрения экономики, имела тяжелые последствия для России. Творческая интеллигенция, которую, по признанию З.Н. Гиппиус, называли «совестью и разумом России» [7, с. 8], «единственным “словом” и “голосом” России, немой, притайно-молчащей – самодержавной» [7, с. 9], мучительно искала выход. Уже к 1915 г. в воздухе появляется предчувствие будущей катастрофы. Им наполнены все дневники, заметки и письма.

З.Н. Гиппиус в начале 1917 г. пишет в «Петербургских дневниках»: «Через год, через два, но будет что-то, после чего: или мы победим войну, или война победит нас. Ответственность громадная лежит на наших государственных слоях интеллигенции, которые сейчас одни могут действовать» [7, с. 62]. Об этом писал и Ф. Степун в «Бывшем и несбывшемся». Он отмечал, что страна находится в критической ситуации, но правительство не принимает должных мер, теряет время, что грозит катастрофой: «Всем было ясно, что Россия может быть спасена только радикальными и стремительными мерами. Но на такие меры власть была окончательно неспособна. Тень себя самой, изнутри безвольная, а потому и во вне бессильная, она, словно тяжело больной, лихорадочно металась от либеральной подачи к реакционной урезке и обратно» [8, с. 129]. В чувствах страха за родину, безнадежности, бессилия признается и князь Трубецкой в своих воспоминаниях: «Я как никогда ощущал, что что-то “фатальное” нависло над Россией: злой Рок витал над ней. [...] Революцию 1917 года менее всего можно назвать “неожиданной”, хотя никто, конечно, не мог предсказать ее сроки и формы. Я совершенно ясно помню предшествовавшее ей гнетущее чувство мрачной обреченности. Я никогда не ощущал этого чувства столь ясно и сильно, как именно тогда» [9, с. 145].

Чувство тревоги буквально висело в воздухе. Историк искусства Н. Тарабукин вспоминал, что накануне Февральской революции в Петрограде «было волнующе тревожно. Дул порывистый ветер и вместе с ним откуда-то издалека предчувствия небывалого, манящего, пьянящего. На лицах было таинственное ожидание, озабоченность» [10]. Бердяев подчеркивал, что «революция была религией» [11, с. 56]. М. Горький в «Несвоевременных мыслях» писал: «Русский народ обвенчался со Свободой. Будем верить, что от этого союза в нашей стране, измученной и физически, и духовно, родятся новые сильные люди» [12, с. 63].

И в этот «канунный час» [8, с. 129], как позднее отмечал Ф. Степун, творческая интеллигенция видела спасение страны лишь в одном – в революции.

«В безвыходные минуты, – продолжал он, – мы всегда склонны принимать новое за светлое» [8, с. 170]. Революция воспринималась как очищение, свобода, «чудо» [7, с. 78], она была «светлой, как первая влюбленность» [7, с. 95].

Новый вектор развития страны, надежда выйти из кризиса, – все это окрыляло творческую интеллигенцию, которая считала себя ответственной за все изменения в России. Ярче всего эта идея прослеживается в дневниках З.Н. Гиппиус, которая беспрестанно пишет: «Ответственность громадная лежит на наших государственных слоях интеллигенции, которые сейчас одни могут действовать» [7, с. 62].

Чувство восторга захлестнуло творческую интеллигенцию. Если в начале 1917 г. все мемуары дышали тревогой и беспокойством, то уже в марте все дневники взорвались восторгами. «А какое счастье нам выпало в жизни. Все еще не верится <...> Какое счастье» [13, с. 198], – видим мы в переписке И. Репина. «Да, я несказанно счастлив, что дожил до этих дней», – делился своими чувствами с друзьями художник Поленов [14, с. 675]. К. Бальмонт даже написал гимн «Да здравствует Россия, свободная страна!». А. Бенуа, К. Станиславский, Б. Кустодиев, В. Немирович-Данченко, И. Грабарь, – все они называли февральские события великими и радостными. К. Петров-Водкин писал матери о том, какая «чудесная жизнь ожидает нашу родину» [15, с. 129]. «Очищение» и «обновление» – вот что виделось за этим катаклизмом» [12, с. 27]. Ф. Степун отмечал, что «революция представляет собою нечто более реальное, чем Россия» [8, с. 187].

Интеллигенция мечтала о демократии, об обновлении, развитии России. Революция в их глазах была «чудом рождения новой жизни» [7, с. 92], «судорогой», по мнению М. Горького, «за которую должно следовать медленное и планомерное движение к цели, поставленной актом революции» [12, с. 89].

Однако надеждам творческой интеллигенции не суждено было сбыться. Как отмечает в исследовании «Ожидаемая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века» Г.А. Бордюгов, в 1917 г. история предложила народу России две формы демократии. Первую – «европейскую», которую представляло собой Учредительное собрание, опиравшееся на думские традиции. И вторую, ранее не известную и не опробованную в истории, – Советскую, созданную народом, снизу. Однако, очень скоро первые подчинились белым генералам с их стремлением реставрировать монархию, а вторые пришли к принципу однопартийности и милитаризма. И в результате страна выбирала не между двумя формами демократии, но между двумя формами диктатуры: «красной» и «белой» [16, с. 34]. Этот выбор был этически неприемлем для большей части творческой интеллигенции.

Необходимо понимать, что отношение интеллигенции к «Октябрю» было неоднородным, в отличие от февральских событий. Если «Февраль» воспринимался с восторгом как единственно возможный выход из кризиса, то «Октябрь» вызвал самую противоречивую реакцию. Были те, кто еще до

революции поддерживал большевистские идеи, кто приветствовал становление советской власти и даже принимал участие в революционных событиях. В их числе А. Блок, К. Тимирязев, В. Брюсов, А. Таиров, В. Мейерхольд. Многие из тех, кто поддержал революцию, были выходцами из крестьянского сословия, например, В. Маяковский, С. Есенин. Были и те, кто колебался, не мог однозначно определить, какую сторону поддержать. Но большая часть творческой интеллигенции не смогла принять «Октябрь».

Последовавший за ним кризис подтолкнул интеллигенцию к пересмотру позиций. Голод, невозможность найти работу, замкнутая бюрократическая система, – все это принуждало творческих людей эмигрировать из страны. Так, М. Шагал, в начале поддержавший революцию, писал в дневнике: «Голодные глотки славят октябрь» [17, с. 68], «я громко кричу: разве вы не замечаете, что мы уже вступили на помост бойни и вот-вот включают ток?» [17, с. 77]. Об этом же писали Ф. Степун, З. Гиппиус, С. Трубецкой и многие другие представители интеллигенции, которые сходились на мысли, что «все переходило в состояние бесформенности и разложения», «Россия погружалась в засасывающее болото грязной и кровавой революции» [9, с. 153]. Повсюду звучало одно слово: «голодно» [17, с. 40]. Творческая интеллигенция в большинстве своем оказалась не только в политической, но и в социальной изоляции. Обычный народ и круг творческих, интеллигентных людей разделяла непреодолимая пропасть, которая с каждым днем становилась все глубже. С одной стороны, в обществе начала развиваться индустрия культуры, но ее уровень был откровенно низким. Представители творческой интеллигенции оказались оторваны от социума и не смогли принять свое новое положение, что, впоследствии подталкивало их к эмиграции [25, с. 22]. Для творческой интеллигенции в одночасье наступили «противные, черные, страшные и стыдные дни» [7, с. 115]. Надежды и восторги в дневниках уступают место всепоглощающему страху. И. Бунин описывает «оргии смерти» и «дьявольского мрака» [20, с. 70], Ф. Степун вспоминает «апокалиптический круг», где «очереди на гроба были так же длинны, как на хлеб» [8, с. 255]. С. Трубецкой говорит о том, что «моральное разложение» и «яд» проникали повсюду [9, с. 205]. М. Горький, положительно принявший революцию, начал задаваться вопросом: «А не захлебнемся ли мы в грязи, которую так усердно разводим?» [12, с. 63]. З. Гиппиус описывает октябрь 1917 г. в дневниках: «Противные, черные, страшные и стыдные дни!», «Бежать некуда. Родины нет» [7, с. 115–116].

Как отмечают некоторые исследователи, «культурная элита пришла к выводу, что в результате революции оказались разрушены все жизненные функции государства» [21, с. 78]. Анализируя сложившуюся ситуацию, А. Седлер заключает, что многие представители творческой интеллигенции разочаровывались в социальной пользе своей работы, а на первый план выходили вопросы социальной адаптации и физического выживания [22, с. 108].

В этой атмосфере гражданской войны и классовой ненависти представители творческой интеллигенции оказывались в невероятно сложной ситуации,

встав перед дилеммой: «совесть» и «целесообразность» [23]. На одной чаше весов были совесть, честь, достоинство, – внутренние ограничители, которые определяли саму суть жизни творческой интеллигенции. А на другой чаше – целесообразность, необходимость подстраиваться под изменившиеся условия и социальную систему. Многие из представителей творческой интеллигенции не могли принять то, как изменилась страна и общество.

Выводы. Воспоминания представителей творческой интеллигенции Серебряного века имеют особое значение. Мемуарная проза совмещала в себе личностно-исповедальный и объективно-познавательный аспект [24, с. 203]. Как отмечает Н.Н. Кознова, в этих мемуарных произведениях нашли свое отражение различные взгляды на историческое прошлое России и попытки предвидения его будущего, раздумья о судьбе страны [25, с. 115].

В ходе исследования была выявлена динамика изменений отношения творческой интеллигенции к российским событиям 1917 г. Схематично это отношение можно разделить на четыре этапа. Первый – напряженное ожидание изменений, обусловленное неспособностью правительства России в короткие сроки решить проблемы, связанные с Первой мировой войной. Второй этап – это восторг по поводу «Февраля». В тот момент творческая интеллигенция воспринимала революцию как единственно возможный вектор развития событий, вкладывала в него все надежды. Третий этап включает в себя разочарование в связи с захватом власти в «октябре». Четвертый, завершающий, этап демонстрирует проявившиеся уже после 1917 г. ужас и неприятие революционных изменений, которые стали причиной эмиграции из страны части творческой интеллигенции.

© Котеленец Е.А., Сергеева М.О., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Лукьянов С.С.* Революция и власть // Смена Вех. Прага. 1921. Т. 2.
- [2] *Гаспаров М.Л.* Интеллигенция и революция // Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- [3] *Лихачев Д.С.* О русской интеллигенции: письмо в редакцию // Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9.
- [4] *Корелин А.П.* Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: Блиц, 1995.
- [5] *Гаспаров М.Л.* Русская интеллигенция как отводок европейской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. Международная конференция; май 1997, Неаполь. М.: О.Г.И., 1999. Вып. 2.
- [6] *Успенский Б.А.* Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. Международная конференция. Май 1997, Неаполь. М.: О.Г.И., 1999. Вып. 2. С. 5–12.

- [7] *Гиппиус З.Н.* Петербургский дневник. М.: Сов. писатель: Ред.-произв. агентство Олимп, 1991.
- [8] *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. В 2 т. Т. 1. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова 1956.
- [9] *Трубецкой С.Е.* Минувшее. М.: ДЭМ, 1991.
- [10] Воспоминания Н.М. Тарабукина. Рукопись. Собр. В. И. Костина, М., 1920.
- [11] *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990.
- [12] *Горький М.* Несвоевременные мысли. М., Книга по требованию, 2016
- [13] *Ретин И.Е.* Письма к писателям, литературным деятелям. М., 1950.
- [14] *Сахарова Е.В.* Василий Дмитриевич Поленов, Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художников. М., Искусство, 1964.
- [15] *Петров-Водкин К.С.* Письма. Статьи. Выступления. Документы. М.: Советский художник. 1991.
- [16] *Бордюгов Г.А.* Ожидаемая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века. М.: АИРО-XXI, 2012.
- [17] *Шагал М.З.* Моя жизнь. М.: Азбука, 2000.
- [18] *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. М.: Эксмо, 2015.
- [19] *Ebert C.* Sinaida Hippus: Seltsame Nahe. Berlin: OberbaumVerlag, 2004.
- [20] *Бунин И.А.* Окаянные дни. Изд. 2-е. М.: Дарь, 2014.
- [21] *Воскресенская М.А.* Русская революция в представлениях и оценках культурной элиты конца XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 314. С. 75–82.
- [22] *Седлер А.А.* Повседневность интеллигента: опыт выживания в период революционных трансформаций (начало 1920-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 105–108.
- [23] *Шлосберг Л.М.* Совесть и целесообразность? // Радио Свобода. URL: <http://www.svoboda.org/a/28141943.html>. Дата обращения: 19.12.2016.
- [24] *Gaiton Marullo T.* Ivan Bunin: Russian Requiem, 1885–1920: A Portrait from Letters, Diaries, and Fiction, Chicago, 1993.
- [25] *Кознова Н.Н.* Мемуарная проза русских писателей-эмигрантов: осмысление революционной стихии в России XX века // Преподаватель XXI век. М., Изд-во «Прометей» МПГУ, 2007. № 4. С. 110–116.

История статьи:

Поступила в редакцию: 19 ноября 2016 г.

Принята к печати: 12 апреля 2017 г.

Об авторах:

Котеленец Елена Анатольевна – д.и.н, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов; Почтовый адрес организации: 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

Сергеева Мария Владимировна – аспирантка кафедры истории России Российского университета дружбы народов. Почтовый адрес организации: 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

1917 EVENTS IN MEMORIES OF THE SILVER AGE CREATIVE INTELLIGENTSIA

E.A. Kotelenets, M.O. Sergeeva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Moscow, Russia, kotelelena@yandex.ru

The article analyzes the attitude of the Russian artistic intelligentsia to the revolutionary events of 1917. There are studied the diaries and memoirs by Bunin, Berdyaev, M. Gorky, F. Stepun, Z. Gippius, P.A. Sorokin et al. Besides, the authors consider the dynamics of the intellectuals' attitude to the revolution, from delight to complete denial. There are analyzed the reasons which encouraged the creative intelligentsia to emigrate.

The Silver Age creative intelligentsia representatives' memories are of particular importance. Memoir prose combined the personal-confessional and objective cognitive aspects. As noted by N.N. Koznova, these memoirs reflected different views of the historic past of Russia, the attempts to predict its future as well as the thoughts about the fate of the country.

Modern researchers study the Russian intelligentsia representatives' self-discovery and self-criticism processes, but do not study the dynamics of their attitude to the revolution, taking it as a historical reality. The main purpose of the study is to see the way the creative intelligentsia of the Silver Age changed their attitude to the events of 1917.

In the course of the study there was revealed the dynamic change of the creative intelligentsia attitude to the events of 1917. Schematically, this attitude can be divided into four stages. The first stage was breathless expectation of changes associated with the inability of the Russian government to resolve the problems related to the First World War in the short term. This expectation of change was primarily caused by the crisis due to the military events. The second stage was the enthusiasm about the February Revolution. At that time the creative intelligentsia perceived the revolution as the only vector of development and attached all hopes to it. The third stage was disappointment at the seizure of power in October 1917. The fourth and final stage was horror and aversion which became obvious already after 1917, which subsequently encouraged creative intellectuals to emigrate.

Keywords: creative intelligentsia, revolution, emigration, memoirs

REFERENCES

- [1] Lukianov SS. [The revolution and the power]. *Smena Vek* [Changing Milestones]. Prague, 1921; 2: 10–12 (in Russian).
- [2] Gasparov ML. Intelligentsiya i revolyutsiya [The intelligentsia and the Revolution]. In: *Zapisy i vypisky* [Notes and extracts]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenye; 2012, p. 84–86 (In Russian).
- [3] Likhachev DS. [About Russian intelligentsia letter to the editor]. *Novuy mir* [New world]. 1993; (2): 3–9 (in Russian).
- [4] Korelin AP. *Rossiya 1913 god. Statistiko-dokumental'nyi spravochnik* [Russia 1913. Statistical and documentary handbook]. St-Peterburg: Blits; 1995 (in Russian).

- [5] Gasparov ML. [Russian intelligentsia as an offshoot of Russian culture]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya «Russkaya intelligentsiya i zapadnyi intellektualizm: Istoriya i tipologiya»*; *Mai 1997, Neapol'* [Russian intellectuals and Western intellectualism: history and typology International Conference. May 1997, Naples]. Moscow: O.G.I., 1999; 2: 14–23 (in Russian).
- [6] Uspenskii BA. [The russian intelligentsia as a specific phenomenon of Russian culture]. *Russkaya intelligentsiya i zapadnyi intellektualizm: Istoriya i tipologiya: Mezhdunarodnaya konferentsiya. Mai 1997, Neapol'* [Russian intellectuals and Western intellectualism: history and typology International Conference. May 1997, Naples]. Moscow: O.G.I., 1999; 2: 5–12 (in Russian).
- [7] Gippius ZN. *Peterburgskii dnevniki* [The Petersburg's diary]. Moccow: Sovetskiy pisatel', Olimp; 1991 (in Russian).
- [8] Stepun FA. *Byvshee i nesbyvsheesya* [The former and unfulfilled]. New-York: Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1956; 1 (in Russian).
- [9] Trubetskoi SE. *Minuvshee* [The past]. Moscow: DEM; 1991 (in Russian).
- [10] *Vospominaniya NM. Tarabukina. Rukopis'. Sobr. V. I. Kostina* [Memories of N.M. Tarabukina. Manuscript. Collection V.I. Kostin]. Moscow, 1920 (in Russian).
- [11] BerdyaevNA. *Samopoznanie (opytfilosofskojavtobiografii)* [The self-knowledge is the experience of philosophical autobiography]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1990 (in Russian).
- [12] Repin IE. *Pis'ma k pisatelyam, literaturnym deyatelyam* [Letters to the writers, literary figures]. Moscow: Izobrazitel'noe Iskusstvo; 1950 (in Russian).
- [13] Sakharova EV. *Vasilii Dmitrievich Polenov, Elena Dmitrievna Polenova. Khronika sem'i khudozhnikov* [Vasily Polenov, Yelena Polenova. Chronicle of a family of artists]. Moscow: Iskusstvo; 1964 (in Russian).
- [14] Petrov-Vodkin KS. *Pis'ma. Stat'i. Vystupleniya. Dokumenty* [Letters. Articles. Appearances. Documentation]. Moscow: Sovetskii Khudozhnik; 1991 (in Russian).
- [15] Bordyugov GA. *Ozhidaemaya revolyutsiya ne pridet nikogda. Massovye protesty kontsa 2011 – nachala 2012 goda na fone grazhdanskogo protivostoyaniya XX veka* [The expected revolution will never come. Mass protests by the end of 2011 – early 2012 against the backdrop of civil war of the twentieth century]. Moscow: AIRO-XXI; 2012 (in Russian).
- [16] Gor'kii M. *Nesvoevremennye mysli* [The untimely thoughts]. Moscow: Kniga po trebovaniyu; 2016 (in Russian).
- [17] Shagal MZ. *Moya zhizn'* [My life]. Moscow: Azbuka; 2000 (in Russian).
- [18] Rozanov VV. *Apokalipsis nashego vremeni* [Apocalypse of our time]. Moscow: Eksmo; 2015 (in Russian).
- [19] Ebert C. *Sinaida Hippus: Seltsame Nahe*. Berlin: OberbaumVerlag; 2004.
- [20] Bunin I.A. *Okayannye dni* [Cursed days]. Moscow: Dar; 2014 (in Russian).
- [21] Voskresenskaya MA. [Russian revolution in perceptions and assessments of cultural elite of the late XIX – early XX century]. *Tomsk State University Journal*. 2008; (314): 75–82 (in Russian).
- [22] Shlosberg LM. *Sovest' i tselesoobraznost'?* [Conscience and expediency?]. *Radio Svoboda*. Available from: <http://www.svoboda.org/a/28141943.html> [Accessed 27 November 2016].

- [23] Sedler AA. Daily life of an intellectual: experience of survival in the period of revolutionary transformation (early 1920s). *Tomsk State University Journal*. 2011. (351): 105–108 (in Russian).
- [24] Gaiton Marullo T. *Ivan Bunin: Russian Requiem, 1885–1920: A Portrait from Letters, Diaries, and Fiction*. Univ. of North Carolina: Raleigh, 1993.
- [25] Koznova NN. [Memoir Prose Russian emigre writers: comprehension of the revolutionary element in the XX century Russia]. *Prepodavatel' XXI vek [Teacher 21st Century]*. М.: Prometey MPGU, 2007; (4): 110–116 (in Russian).

Article history:

Submitted: 19 November 2016

Revised: 12 April 2017

Accepted: 12 April 2017

About the author:

Elena A. Kotelenets, Dr. in history, Professor of the Department of Russian History at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Postal address of the organization: 6, Mikloukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia.

Mariya O. Sergeeva, graduate student of the Department of Russian History at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Postal address of the organization: 6, Mikloukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia.



УДК 94(47).084.1

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-264-280

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ДЕЯТЕЛИ
РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА
В ВОСПРИЯТИИ ВОЕННОГО АТТАШЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
АЛЬФРЕДА НОКСА¹**

О.С. Поршнева

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия, o.s.porshneva@urfu.ru

В статье предпринята интерпретация текста мемуаров Альфреда Нокса «Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 гг.» с целью реконструкции политических процессов Русской революции 1917 г. в восприятии западного очевидца. Рассматривается истолкование автором предпосылок революции, факторов ее развития, причин победы большевиков; анализируются характеристики событий революции, роли отдельных ее деятелей, особенностей политической культуры русского народа, данные Ноксом. Показано, что главной темой повествования Нокса является описание состояния русской армии в тесной связи с анализом военного потенциала России как союзницы, проблемы межсоюзнического взаимодействия.

Ключевые слова: Нокс, мемуары, Русская революция 1917 г., политические процессы, русская армия, русский народ

Введение. Революция 1917 г. в России произошла в условиях продолжающейся Первой мировой войны, в которой страна воевала в составе могущественной международной коалиции. В процессе военных, дипломатических, политических, экономических контактов союзников – их правительств, командований, армий, делегаций, представительств – формировался личный опыт и складывались личные впечатления участников и очевидцев событий. Многие представители союзнических военных и дипломатических миссий, ставшие очевидцами Русской революции 1917 г., наблюдавшие происходившие процессы, создали тексты, зафиксировавшие их впечатления. Одним из таких

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

текстов являются мемуары «Вместе с русской армией» [1] генерал-майора Альфреда Нокса, служившего в 1911–1917 гг. военным атташе британского посольства в России.

Исследование мемуарной литературы, в которой отражены революционные процессы 1917 г. в восприятии западных очевидцев, способствует осмыслению феноменов русской политической культуры и социально-политической мифологии, ярко проявившихся в переломную историческую эпоху. Изучение восприятия «Другого» в конкретно-историческом контексте межкультурных взаимодействий позволяет не только воссоздать ментальные характеристики субъекта восприятия, но и выявить те черты сознания и поведения наблюдаемого объекта, которые «не видны» ему самому или получают иное толкование в силу преломляющего воздействия ценностей собственной культуры.

Союзническое взаимодействие стран Антанты накануне и в годы Первой мировой войны рассматривалось Е.В. Рудой [2], Е.Ю. Сергеевым [3], Б.И. Колоницким [4; 5; 6], Н. Соулом, А.Б. Давидсоном [8; 9], Е.С. Сенявской [10], Норрисом Стефеном [11], А.В. Голубевым [12], Д.П. Адамовым [13] и другими авторами в тесной связи с проблемой взаимовосприятия представителей данных социумов и культур. Так, анализ А.Б. Давидсоном основных тенденций формирования и эволюции образа Британии в России и образа России в Британии в контексте российско-британских отношений XIX и XX в. позволил обосновать положение о резком усилении взаимных симпатий двух народов накануне и в годы Первой мировой войны. Оно было ознаменовано развитием культурных контактов, способствовавших лучшему взаимопониманию и преодолению негативных стереотипов [8, с. 54–55]. А.Б. Давидсон также отмечал, что, несмотря на указанный тренд, непонимание и взаимные фобии не только сохранялись в обществах двух стран, но и были актуализированы в период революции 1917 г. [8, с. 55].

Д.П. Адамов показал, что, несмотря на рост симпатий к России в английском обществе в 1907–1916 гг., многие представители интеллигенции, либеральной и демократической общественности Великобритании выступали против союза с ней как «реакционной», авторитарной и «деспотической» державой [13, с. 54–55]. Адриан Грегори в своем исследовании британского общества в условиях мировой войны привел многочисленные свидетельства того, что в связи с ее началом настроения в пользу нейтралитета находили в нем яркие и разнообразные выражения, при этом они были *в большой степени антироссийскими* (курсив мой – О.П.) [14, с. 19–24]. Однако английские консерваторы – сторонники альянса с Россией, одним из которых был А. Нокс, были убеждены в необходимости использовать его в практических целях ведения войны, в интересах Великобритании и стран Согласия.

Книга генерала Альфреда Нокса «С русской армией, 1914–1917 гг.» занимает особое место среди источников по отечественной истории XX в. А.М. Захаров в статье, посвященной описанию А. Ноксом событий Февральской революции 1917 г., провел источниковедческий анализ его воспомина-

ний, справедливо заметив, что «на труд британского военного атташе... охотно ссылаются исследователи самых разных аспектов истории первой мировой войны и двух русских революций 1917 года. Подробный же анализ самой книги Нокса ранее не проводился» [15, с. 88]. А.М. Захаров охарактеризовал мемуары как комплексный источник личного происхождения, в основе которого – «дневник Нокса, точнее, его часть, посвященная событиям 1914–1917 гг. (остальную часть по неизвестным причинам генерал не счел нужным публиковать, хотя и упоминает о ее существовании)... Дневник вполне типичен для английского джентльмена из высшего света начала XX века – скрупулезная точность в хронометраже событий, простой и ясный язык, редко прорывающиеся наружу эмоции, подчеркнутое внимание к людям, нежели к событиям... Дневник, тем не менее, является лишь основой, но не самой книгой. Нокс на базе дневника создает мемуарное произведение. Дневник регулярно комментируется автором, достаточно часты включения документов (в основном в газетных их версиях), цитаты из листовок и прокламаций» [15, с. 88].

На основе записей дневника и комментариев к ним можно реконструировать восприятие Ноксом событий и политических процессов революции 1917 г. Несмотря на то, что более поздние впечатления, опыт участия в российской Гражданской войне на стороне белых, знание о последствиях наблюдавшихся им процессов оказали определенное влияние на характер комментариев, анализ текста воспоминаний показывает, что дух первоначальных записей, «хронометрирующих» события, и их оценок совпадают, не противоречат друг другу. Это позволяет изучать данный источник как свидетельство очевидца, убедившегося в правильности своих первоначальных впечатлений, которые, однако, могли быть акцентированы, что делает их еще более «выпуклыми» для исследователя.

Исследование проблемы. Восприятие А. Ноксом событий Русской революции 1917 г. во многом определялось основополагающими западными политическими ценностями, приверженностью идеалам конституционализма и парламентаризма. Являясь выразителем этих ценностей, Нокс критически характеризовал самодержавный строй России. Так, он писал в своих мемуарах: «Принцип выборности и принцип свободы союзов всегда отвергался в России» [1, с. 542]. Признавая необходимость либеральных реформ в России, он понимал их потенциальную опасность в условиях войны и сочувствовал в связи с этим «трагической» позиции русских либералов: «В интересах России и ее союзников, – писал он, – следовало просто перейти к конституционной форме правления. Трагедия такой позиции лежит в том, что грамотные патриоты в стране, по чьей инициативе мог быть осуществлен такой переход, из чувства патриотизма и верности союзникам пытались как можно дольше отсрочить революцию, лучше всего до конца войны. Скрепя сердце они были готовы на время смириться с любым злом, которое исходит от правительства, чем пойти на ослабление страны, которое могло бы произойти в результате возможных беспорядков при смене правительства в России» [1, с. 506–507].

Самодержавный режим, царское правительство, по его мнению, не справились с управлением страной в сложных военных условиях, дискредитировали себя в глазах всех слоев населения, что и привело к их свержению в ходе Февральского переворота. «Мятеж 12-го числа (12 марта по европейскому календарю – *О.П.*)¹, – пишет Нокс, – никогда не вылился бы в революцию, если бы правительство в своей безнадежной тупости прежде не успело настроить против себя все слои населения» [1, с. 506].

Немало страниц дневника военного атташе посвящены оценке событий Февральской революции. А. Нокс описывает Февральскую революцию как стихийный взрыв народного недовольства, который ярко продемонстрировал недееспособность и непопулярность старой власти. 13 марта (28 февраля по ст. ст.) он записал в дневнике: «Каждый из эшелонов, прибывающих с фронта для того, чтобы “подавить выступления”, переходит на сторону революции» [1, с. 505].

Россию, как свидетельствует Нокс, захлестнули после переворота митинговщина и анархия, обусловленные, по его мнению, особенностями политической культуры русского народа, понимающего свободу как «свободу говорить и ничего не делать». Нокс пишет по этому поводу: «Когда победила “свобода”, не было ничего удивительного в том, что всеми овладело стремление избирать, а точнее, быть избранным, а также собираться в союзы. И никто из тех, кто был знаком с русским характером, не удивлялся тому, что “свободу” здесь понимали как свободу без конца говорить и при этом ничего не делать» [1, с. 542] (курсив мой – *О.П.*)². Автор приводит и косвенное, личностное свидетельство такого восприятия событий переворота его слугой Иваном, человеком из народа, который считает, что «все “прекрасно организовано!”» (на самом деле, фиксирует Нокс, идет перестрелка и толпы вооруженных людей разъезжают повсюду в автомобилях...). «По его словам, – пишет Нокс, – в Михайловском манеже назначены ораторы, которые просвещают народ. Любой может туда попасть по желанию. Это представляется моему слуге пределом человеческого счастья (курсив мой – *О.П.*)». В своем объяснении Нокс не учитывает, как это очевидно, фактор эйфории, переживаемой в России в связи с крушением вековых устоев, переходом к «свободной» жизни, потребности осознать это, «выговориться», характерной для революционных эпох.

А. Нокс показывает широкую панораму событий и процессов, влиявших на развитие революции. Важным фактором нарастания революционной анархии было, в видении автора, нежелание солдат Петроградского гарнизона идти на фронт и отсутствие воли новой власти к подавлению произвола и насилия со стороны солдат и матросов [1, с. 504, 506]. Другим роковым явлением, по

¹ В дневнике А. Нокса все даты приведены по европейскому календарю.

² В дневнике привычка «больше говорить, чем делать» оценивается как характерная черта русского характера: См. с. 641.

мнению Нокса, стало создание Совета и деятельность социалистов в нем. По представлению военного атташе, создание Совета было нелегитимным, так как противоречило принципу демократического представительства всех слоев населения: «В качестве оппозиции к Временному комитету, *выбранному из представителей народа* (курсив мой – *О.П.*), был созван Совет» [1, с. 502]. Следует отметить, что Временный комитет Государственной Думы был сформирован Советом старейшин Думы по поручению частного совещания депутатов 27 февраля (12 марта), являлся чрезвычайным правительственным органом «для водворения порядка в Петрограде и для сношений с учреждениями и лицами во главе с Родзянко» [16, с. 81], а не был избран представителями народа, как пишет Нокс. В отвержении Советов, как представляется, ярко проявилось неприятие Ноксом зарождавшейся в условиях российской революции классовой демократии, ее принципов и практики.

Нокс осуждает неспособность Временного правительства управлять событиями, нежелание его деятелей трезво оценить обстановку, отказаться от пустых речей, навести суровыми мерами порядок. Он приводит метафору, использованную Г.Е. Львовым для характеристики Временного правительства как «соломы, которую сносит мощным вихрем урагана», и замечает по этому поводу, что Временное правительство «пыталось спасти положение, апеллируя цветистыми речами к не существующему в массах патриотизму» [1, с. 524]. Если в дни Февральской революции он признает стремление думского Комитета и его преемника Временного правительства «спасти положение и подчинить его интересам России и ее союзников» [1, с. 507], то в августе в его дневнике звучит уже явное разочарование: «Самодержавие почти подвело Россию к военной катастрофе, но вялость нового правительства за четыре месяца его существования принесла стране больше вреда, чем самодержавие за предыдущие два с половиной года» [1, с. 602].

Со страниц дневника перед нами предстают официальные лица разных государственных структур – военных и гражданских, которых, в изображении А. Нокса, характеризуют и объединяют неоправданный оптимизм, недальновидность, недооценка объективных трудностей управления Россией в условиях войны и революции. Так, в ответ на опасение военного атташе по поводу невозможности продолжения Россией войны М.В. Родзянко, как свидетельствует Нокс, ответил: «“Мой дорогой Нокс, вам не следует волноваться. Все идет нормально. Россия – большая страна, она может одновременно выдержать и войну, и революцию”. Было точно сказано, – комментирует Нокс, – что Россия большая и неповоротливая страна, и это только усугубляло положение» [1, 511].

«Оптимизм, который в то время владел, главным образом, официальными лицами, вызывал удивление» [1, с. 524], – пишет Нокс. Неоправданный оптимизм в оценке обстановки, боеспособности и морального духа русской армии проявляли, по свидетельству военного атташе, Г.Е. Львов, А.Ф. Керенский,

Верховский, члены Петроградской городской управы и Генерального штаба [1, с. 530, 532, 625, 635].

Характерной чертой мемуаров Нокса является изображение личных качеств политических и государственных деятелей в тесной связи с их способностью к управлению Россией в военных условиях, обеспечению успешных военных действий. Так, оценивая и отчасти оправдывая Николая II, Нокс замечает: «Как муж и отец Николай II был идеальным человеком. И если ему не удалось правление, то еще более знаковая неудача его последователей доказывает, что управлять Россией – нелегкая задача!» [1, с. 513].

А. Нокс неоднократно обращается к фигуре А.Ф. Керенского, который, по его мнению, проявляет недальновидность [1, с. 529], отсутствие здравого смысла, непомерное и слепое тщеславие [1, с. 530, 615]. Так, в записи от 9 апреля он говорит: «На общий совет придерживаться здравого смысла, – пишет Нокс, – Керенский, обладавший *колоссальным тщеславием* (курсив мой – О.П.), отвечал “Оставьте!” под тем предлогом, что он лучше знал своих соотечественников, которых считал сверхлюдьми без характерных для любого человека недостатков» [1, с. 530].

Признавая способность Керенского управлять толпой за счет актерских качеств, Нокс отказывает ему в качествах не только великого человека, но и государственного деятеля: «Керенский до сих пор остается единственным, кто хоть как-то может управлять толпой, а в народе, должно быть, поражаются, как это им не удалось создать более крупную фигуру. У этого человека присутствуют актерские качества, как это было у Наполеона, но нет душевной силы и разумной жестокости последнего» [1, с. 604].

Нокс видит причины конфликта Керенского и Корнилова, приведшего к провалу корниловского выступления, в личных качествах этих двух деятелей, обладающих «совершенно разными характерами и придерживающиеся диаметрально противоположных принципов» [1, с. 610]. При этом симпатии Нокса всецело на стороне Корнилова, хоть автор видит и его слабости: «Корнилов прямолинеен, как солдат, обладает сильной волей, очень храбр. Он убежденный патриот, но не политик. Этот человек прост и честен, он не имеет ни малой толики личных амбиций. Для него Россия и российская национальная честь всегда были важнее всего. Керенский, мелкий адвокат из Саратова¹, всю свою жизнь посвятил политической деятельности. Он коварен, тщеславен и амбициозен. Перед самой революцией он был пацифистом. У него на первом месте – революция, а Россия – уже на втором» [1, с. 611].

Оценивая в конце октября роль Керенского в провале корниловского выступления, Нокс пишет: «Авантюра Корнилова могла бы стать спасением для России, если бы Керенский открыто выступил на стороне генерала-патриота. Но, наверное, этого было бы слишком много для человека с биографией Ке-

¹ Нокс, видимо, посчитал, что Керенский, родившийся в Симбирске, – из Саратова, в связи с тем, что тот прошел в IV Думу от Вольского уезда Саратовской губернии.

ренского... премьер-министр испугался любых переговоров, так как принятие этого курса дало бы в руки экстремистов в Совете оружие, с которым они могли бы выступить против его положения как политика. К сожалению, Керенский *был далек от того типа великой личности, которого требовали те времена* (курсив мой – О.П.)» [1, с. 621–622].

Характерно, что Нокс с провалом корниловского выступления связывал и крушение надежд на восстановление эффективного взаимодействия русской армии с союзниками [1, с. 623]. Прискорбными были последствия этого провала и по мнению другого представителя британской военной миссии – исполняющего обязанности военного атташе в Петрограде полковника Дж. Блэра. Он оценивал состояние русской армии после «авантюры Корнилова» как безнадежное, когда русского солдата, ставшего хозяином положения, уже ничем нельзя было заставить продолжать войну, не только ради союзников, как отмечает Блэр, но и ради защиты родины [17, с. 25–26].

Одну из причин несостоятельности политических и военных лидеров Русской революции 47-летний консерватор Нокс видит в их молодости: «В конце концов, они оба, и Терещенко, и сам Керенский – всего лишь мальчишки, и их переполняет юношеский энтузиазм!» [1, с. 555]; о помощнике командующего Петроградским военным округом Кузьмине, бывшем солдате, а затем политическом каторжнике, он говорит: «...этот человек производит впечатление очень серьезного *невинного ребенка* (курсив мой – О.П.): он не знает абсолютно ничего» [1, с. 557]; «Полковников тоже слишком молод для своей должности», – пишет Нокс [1, с. 626] и т.д.

Нокс видит причину успеха большевистского переворота не только в несостоятельности политики Керенского, но и в том, что большевики, в отличие от Временного правительства, были людьми действия: «Большевистский переворот в Петрограде был работой горстки фанатиков. Он увенчался успехом, отчасти оттого, что эти фанатики оказались людьми действия, совращали деньгами, вином и обещаниями вооруженных рабочих, матросов и небольшую часть солдат гарнизона. Главной же причиной стало то, что Керенский в своем стремлении угодить умеренному крылу социалистов, которые умели только говорить, полностью провалился как правитель. Он умудрился отвлечь от себя тех единственных людей действия, которые могли бы защитить его – офицеров и казаков» [1, с. 649]. В объяснениях Ноксом причин победы большевиков проступает непонимание им социальной природы «Октября», фактора вовлечения в революцию широких низовых масс, недооценка роли выдвинутых большевиками привлекательных для масс лозунгов.

Нокс осуждает большевиков за арест лидеров кадетов, призыв не допустить в Учредительное собрание «врагов народа, помещиков и капиталистов», рассматривая это как попрание принципов демократических выборов. Он приводит фрагмент из воззвания большевиков от 11 декабря, в котором провозглашается идея классовой демократии: «Страну спасет только Учредительное

собрание из представителей трудящихся и эксплуатируемых классов...» и комментирует: «И это называется демократией!» [1, с. 660].

На основе записей дневника можно реконструировать представления Нокса о характере русского народа. При этом Нокс опровергает распространенные автостереотипы русских, давая им свое толкование. Так, он отмечает распространенность среди всех категорий русских людей стереотипа представлений о широте русской души, что, на его взгляд, не вполне соответствует реалиям и главное, препятствует трезвой самооценке и рациональному поведению. Он приводит мнение «бывшего актера»: «С широкой русской натурой возможны такие эксперименты, о которых не может быть и речи в западных странах» и комментирует: «“Широтой” русской природы любили объяснять любую нелепость. Нам же нужно лишь пусть чуть более узкое чувство здравого смысла» [1, с. 523]. Именно вера многих политиков и военачальников в особые свойства русского народа, как кажется Ноксу, была основой их неоправданного оптимизма в оценке состояния русской армии. Так, например, Нокс пишет: «Генерал Драгомиров ... ожидает психологического чуда. Он заявил, что ни он, ни тем более я не можем знать, что может происходить в душе русского крестьянина» [1, с. 545]. Об этом же свидетельствует описанный Ноксом разговор с помощником военного министра князем Тумановым, состоявшийся 5 августа. Туманов заявил Ноксу: «Ваш пессимизм основан на голых цифрах, но вы не берете в расчет прекрасную русскую душу!» [1, с. 602]. Широкое распространение представлений об особых свойствах русского народа, зафиксированное Ноксом, было проявлением формирования в условиях революции культа «народа», политического мифа о «народе» как источнике высших добродетелей и высшей властной легитимности.

Помимо необоснованного оптимизма официальных лиц прекраснодушие и отсутствие рационального расчета проявлялось у русских во многих ситуациях, например, в неоправданном, по мнению Нокса, человеколюбию по отношению к военнопленным: «Повсюду царит волна необычного человеколюбия. Явно невозможно назвать ни одну другую воюющую страну, где бы военнопленные объявляли забастовку, требуя повышения оплаты труда и лучших условий для жизни!» [1, с. 548–549].

Эмоциональность, действия по велению чувств, а не рассудка, – характерная черта, в оценке Нокса, простого русского человека [1, с. 545]. Другие отличительные особенности крестьян и солдат, по его мнению, – невежество, неграмотность, из-за которых они «глупы»¹ [См: 1, с. 525, 578] и подобны детям, не понимающим последствий своих поступков. Он пишет: «Ведь в груди этого народа действительно бьется великое сердце, а солдаты в своем большинстве – *всего лишь дети*» (курсив мой – *О.П.*) [1, с. 525]. «Глупость» и наивность солдат проявлялись, как показывает Нокс, во время братаний: «Русский крестьянин во время ответного (к немцам в окопы – *О.П.*) визита

¹ Нокс прямо пишет об «откровенной глупости солдат», приводит «доказательства».

рассказывал все, что он знал о своих войсках, и возвращался к себе счастливым и пьяным» [1, с. 539].

Характерно, что стереотип представлений о том, что «русские – как дети» был характерен и для других членов британской военной и дипломатической миссий [17, с. 23]. Он отражал широко распространенные в британском обществе представления об отсталости, «варварстве» России, в рамках которых русские, даже представители элиты, казались британцам дикарями или, в лучшем случае, наивными импульсивными детьми, что во многом совпадало с британскими представлениями о «нецивилизованных» народах вообще [13, с. 54]. Во многом сквозь призму этих стереотипов, актуализированных социально-политической и военной ситуацией, воспринимались реалии революции, поведение солдат русской армии.

Помимо усталости от войны и «отсутствия патриотизма» в большой степени невежеством и неосведомленностью русских солдат, по мнению Нокса, объяснялся успех германской пропаганды: «В прокламациях, которые противник передавал в русские окопы, всегда указывалось, что настоящим врагом России была Антанта» [1, с. 539]. Нокс с негодованием пишет: «Что может русский солдат знать о “мире без аннексий и контрибуций”, формуле, изобретенной в Берлине специально, чтобы ввести его в заблуждение? Многие считают, что Аннексия и Контрибуция – это такие два города, и один из солдат на вопрос, понимает ли он этот лозунг, заявил, что лично он не знает, где находится Аннексия, зато Контрибуция точно располагается «где-то в Турции!». Наверное, он путает это название с Константинополем!» [1, с. 569]. Нокс пишет также о непонимании солдатами данной формулы [1, с. 586]. Неосведомленность большинства солдат о ее смысле подтверждается другим, более благожелательным автором – французским славистом, членом французской военной миссии Пьером Паскалем в его «Русском дневнике». Так, он отмечает в мае 1917 г.: «Модная формула, в которой два иностранных слова – “аннексии” и “контрибуции” – были непонятны большинству из тех, кто их употреблял» [18, с. 191].

Колониальные стереотипы и позиция культурного превосходства проявляются у Нокса не только в олицетворении им русских солдат-крестьян с детьми/дикарями, но и в утверждении о необходимости внешнего контроля над их поведением, в отсутствие которого они, по его мнению, повинуются примитивным инстинктам. «Не его вина, – пишет Нокс, – в том, что он не образован и не обременен благородными инстинктами ... сейчас, после того, как контроль, к которому он привык, утрачен, он будет двигаться именно в этом направлении (мира любой ценой – *О.П.*)». Об этом же в другом месте он пишет: «все люди устали от войны. Они не желали сражаться, а их *невежество и душевная черствость* (курсив мой – *О.П.*) делали их способными с готовностью принять любой предлог, каким постыдным и надуманным он ни был, лишь бы он обеспечивал достижение мира» [1, с. 605].

С невежеством, «примитивностью» русского народа Нокс связывает и отсутствие у него подлинного патриотизма и осознанного понимания долга. В апреле 1917 г. он записал: «Энтузиазм, который заставлял французов бросаться в короткие битвы революционного периода, здесь невозможен, а даже если и будет так, то этого недостаточно для того, чтобы вести неграмотного русского солдата через череду тяжелых боев современной войны. Прежде солдат сражался, потому что боялся офицеров и наказания. Теперь он полностью потерял уважение к офицерам и знает, что его никто не накажет. У него отсутствует патриотизм и любой другой мотив, который заставил бы русского солдата испытывать энтузиазм» [1, с. 545]. Автор дневника, очевидно, не учитывает разочарования русских солдат в войне, обусловившего поворот от патриотических настроений к антиправительственным и антивоенным, подспудно зревшим в низах армии с середины 1915 г.

Еще одной чертой образа русского народа в восприятии Нокса являлась недисциплинированность, признаваемая, по его свидетельствам, также образованными русскими [1, с. 532, 562, 578, 603]. 14 апреля в своей записке, переданной для Львова, он отмечал: «В современной войне дисциплина решает все. Дисциплина в русской армии при прежнем режиме всегда была менее строгой, чем в других армиях. Если агитация будет разрешена, как это происходит сейчас, с дисциплиной будет покончено совсем» [1, с. 532].

Отсутствие у русских, как это представлялось Ноксу, уважения в низах к вышестоящим, «благородным» и образованным¹, получило отражение на страницах дневника не только при описании разложения армии, солдатских расправ с офицерами, но и в других характерных эпизодах. Так, например, Нокс пишет по поводу совещания, проводимого Кузьминым, следующее: «Идея собрать 40 офицеров в звании полковника для того, чтобы изложить им взгляды бывшего каторжника по ряду вопросов, *выглядит очень по-русски* (курсив мой – О.П.)» [1, с. 558], а в другом месте приводит слова полковника Балабана о способности русского человека всегда «свободно, не обращая внимания на чины, говорить с теми, с кем не имеет права этого делать» [1, с. 603].

Еще одно характерное представление Нокса – о способности русских к свободному изложению мыслей. Описывая ход бесед с солдатами гвардейских запасных частей весной 1917 г., он отмечает, что после рассказов английских офицеров о дисциплине и порядках в британской армии «обычно далее следовали речи нескольких членов батальонного комитета. Все говорили свободно и гладко, *так как русские вообще являются прирожденными ораторами* (курсив мой – О.П.) [1, с. 521]. В данном случае автор не учел, что в солдатские комитеты в революционное время выдвигались прежде всего

¹ Это можно объяснить, на наш взгляд, длительным социокультурным отчуждением «низов» и «верхов» русского общества, переросшим в глубокий социальный конфликт в условиях революции 1917 г.

те, кто мог хорошо говорить и убеждать солдат, часто – выходцы из интеллигенции, служащих, прапорщики военного времени.

Проявляя непонимание глубины противоречий русской жизни и причин озлобления рабочих, Нокс пишет: «В комитете 5-й армии в Двинске находилась делегация из Кронштадта, в которую входили матрос с одутловатым нездоровым лицом, нервный фанатичный рабочий из тех, что годами могут размышлять о причиненных ему неприятностях, в том числе и мнимых. Все это по причине недостатка свежего воздуха и физических упражнений» [1, с. 538].

Главной темой дневника А. Нокса в той части, которая посвящена революционным событиям 1917 г., является описание и анализ состояния русской армии, которое автор рассматривает в тесной связи с оценками военных усилий России как союзницы. Его беспокоит способность России выполнять свои союзнические обязательства, обеспечивать наступление на Восточном фронте мировой войны. Так, в связи с созданием в начале мая коалиционного Временного правительства 18 мая он откровенно пишет: «Боюсь, что коалиционное министерство способно сделать мало для того, чтобы усилить давление русской армии на Восточном театре. Безликая программа, которая была намечена, не даст результатов. Нашей целью является при любых обстоятельствах сохранить хоть какое-то количество русских войск на фронте, которые не дадут перебросить на Запад все немецкие силы» [1, с. 555].

Нокс показывает впечатляющую картину политизации армейского организма, деморализации солдат, разложения армии и падения ее боеспособности. Так, после поездки на Северный фронт 28 (15 по ст. ст.) апреля он пишет: «Военные части превратились в политические сообщества. Пехота отказывается стрелять в противника и запрещает это делать артиллерии. Много говорят о предательстве в стане союзников, о том, что интересы России совпадают с интересами Германии, где (на самом деле – *О.П.*) смеются над доверчивостью русских солдат – выходцев из крестьян (курсив мой – *О.П.*)» [1, с. 551]. Он рисует массовое нежелание солдат воевать, их разочарование в союзниках, равнодушие к территориальным потерям России и провозглашаемым правительством целям войны, высокую восприимчивость к антивоенной агитации, свободно проводимой в войсках «вредными элементами» [1, с. 506, 520, 537, 551, 559].

Среди объяснений отсутствия у солдат приверженности общенациональным интересам Нокс называет крестьянскую специфику восприятия «родины»: «Для среднего русского крестьянина его страной является собственный очаг на Волге или на Урале, где он родился и куда, как ему кажется, немцы никогда не смогут дойти» [1, с. 537].

Ограниченность крестьянского патриотизма горизонтами своей местности и готовность защищать родной очаг от врага, непосредственно ему угрожающего, не раз отмечалась современниками, в том числе генералами и офицерами русской армии в годы Первой мировой войны [19, с. 72; 20, том

2, с. 125; 21, с. 89; 22, с. 270]¹. Эта особенность была связана с господством традиционного патриотизма в крестьянской среде, характеризующегося приверженностью ценностям государства и региона, сохранявшейся ограниченностью горизонтов крестьянского мировосприятия.

События от Февраля к Октябрю и впечатления, зафиксированные на страницах дневника, дают, наряду с другими многочисленными свидетельствами [23], картину эволюции отношения русских солдат к союзникам. В дни Февральской революции союзническая солидарность рассматривалась солдатами как одно из условий победы над «внутренним немцем» и победоносного окончания войны. А. Нокс описывает характерный эпизод, произошедший 28 февраля у охваченного пламенем здания окружного суда, когда один из солдат, распознав, что перед ним англичане, воскликнул: «Это англичане! Мы не должны обижать их!» [1, с. 501]. Другой солдат, схватив Нокса за руку, воскликнул: «“Мы хотим только одного – до конца разгромить немцев, и мы начнем с немцев здесь, с семьи, которую вы знаете по фамилии Романовы”. Толпы на Невском, – отмечает автор, – уже вчера кричали: “Долой Сашку” (императрицу Александру)!» [1, с. 501].

Однако уже весной, и особенно с лета, недовольство союзниками получает широкое распространение в армии. Так, в апреле на Северном фронте во время беседы Нокса с солдатами 731-го полка («среднего» по настроению, по оценке автора) солдаты говорили о нежелании идти в наступление, выражая при этом разочарование в союзниках. Среди выкриков солдат Нокс зафиксировал следующие: «Англия только начинает воевать, а нам пришлось воевать все это время»; «России приходится не только защищать свои огромные границы, но и отправлять солдат во Францию и Румынию»; «У нас было много союзников, но от этого нет никакого толку. Немцы такие же люди, как и мы. Мы хотим жить в мире» [1, с. 537]. Призыв воевать за утраченные территории, отмечает Нокс, не вызвал в людях отклика. Один из солдат в ответ закричал: «И черт с этими 16 губернаторствами!» [1, с. 537].

Поддержка Петроградским Советом кандидатуры Терещенко на посту министра иностранных дел в конце апреля (мае по н. ст.) 1917 г. также, по свидетельству Нокса, была связана с негативной оценкой «старых» союзников и более позитивной – США, присоединившимся к Антанте в апреле 1917 г. В дневнике со слов Балабана записано: «Преемником Милюкова может стать Терещенко, “так как он склоняется к более тесному сотрудничеству с Соединенными Штатами, на сближение с которыми Россия готова пойти более охотно, чем продолжать следовать грабительской жестокой политике других союзников”» [1, с. 550].

Разочарование в союзниках было обоюдным. На страницах дневника находят отражение разнообразные проявления негативного восприятия Ноксом и другими представителями Антанты России и ее солдат как союзников [1,

¹ Уральская жизнь, 1914, 19 декабря.

с. 546, 593, 595, 609–610], некоторые из этих моделей восприятия характеризуются как «выражение мнения всей Англии» [1, с. 610].

Выводы. Таким образом, мемуары А. Нокса содержат не только фиксацию событий Русской революции 1917 г., но и впечатления от них и их оценки, данные очевидцем. Определяющей «призмой восприятия» А. Ноксом социально-политических процессов, получивших импульс в ходе Революции 1917 г., была проблема сохранения потенциала России как союзницы, что обусловило общую направленность оценок и ощущений автора дневника. В то же время мемуары Нокса позволяют увидеть специфику его восприятия, обусловленную особенностями личности автора дневника, его принадлежностью к одному из вариантов английской политической культуры. Записи дневника демонстрируют также ряд традиционных для общественного мнения Великобритании стереотипов в отношении России и русских, которые, как мы показали, разделял А. Нокс. Свидетельства западного очевидца позволяют увидеть широкое распространение в русском обществе в ходе революции 1917 г. мифа о народе как источнике высших добродетелей и политической легитимности, ставшего одной из идейно-психологических основ утверждения в дальнейшем власти большевиков.

© Поршнева О.С., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Уральская жизнь, 1914, 19 декабря.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Альфред Нокс*. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 / Пер. с англ. А.Л.Андреева. М., 2014. Первое издание вышло в 1921 г.: «Alfred Knox, With the Russian Army 1914–1917, being chiefly extracts from the diary of a military attache. V. 1–2. L., 1921».
- [2] *Рудая Е.В.* Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907–1917 годах // Россия и Европа в XIX–XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сб. научн. трудов. М.: ИРИ, 1996. С. 175–183.
- [3] *Сергеев Е.Ю.* Образ Великобритании в представлении российских дипломатов и военных в конце XIX начале XX века // Россия и Европа в XIX–XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сб. научн. трудов. М.: ИРИ, 1996. С. 166–174.
- [4] *Колоницкий Б.И.* Британские миссии и А.Ф. Керенский (Март–октябрь 1917 года) // Россия в XIX–XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 67–76.
- [5] *Колоницкий Б.И.* Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 271–287.
- [6] *Колоницкий Б.И.* Занимательная англофобия: Образы “Коварного Альбиона” в годы Первой Мировой войны // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 69–87.

- [7] *Norman E. Saul*. War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence, University press of Kansas, 2001.
- [8] *Давидсон А.Б.* Образ Британии в России XIX и XX столетий // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 51–64.
- [9] *Давидсон А.Б.* Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников // Новая и новейшая история. 2007. № 1.
- [10] *Сенявская Е.С.* От временных союзов к военно-политическому противостоянию: динамика восприятия Англии, Франции и США в российском и советском общественном сознании первой половины XX века // Проблемы российской истории. Вып. VI. М. – Магнитогорск, 2006. С. 319–335.
- [11] *Norris Stephen M.* A War of Images. Russian popular prints, wartime culture, and national identity, 1812–1945. Illinois, 2006.
- [12] *Голубев А.В., Поршнева О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012.
- [13] *Адамов Д.П.* Образ союзника: Россия глазами британской общественности в годы Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42).
- [14] *Gregory A.* The Last Great War: British Society and the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, New York. 2008.
- [15] *Захаров А.М.* Генерал Альфред Нокс – свидетель и мемуарист Февральской революции 1917 года // Актуальные проблемы социальных наук. Герценовские чтения, 2005. СПб., 2005. С. 88–92.
- [16] *Демин В.А.* Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996.
- [17] *Портнягин Д.И.* Британские дипломатические и военные представители о состоянии русской армии и флота в 1917 г. // Великая война 1914–1918 гг. Альманах Российской Ассоциации историков Первой мировой войны. Выпуск 3. М., 2014. С. 25–26.
- [18] *Паскаль Пьер.* Русский дневник: Во французской военной миссии (1916–1918) / П. Паскаль; пер.с фр. В.А. Бабинцева. Екатеринбург, 2014.
- [19] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М.–Л., 1929.
- [20] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. В 2-х т. Париж, 1939. Т. 2.
- [21] *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль–сентябрь 1917. М., 1991.
- [22] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994.
- [23] *Поршнева О.С.* Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 г. // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 44–51.

История статьи:

Поступила в редакцию: 14 января 2017 г.

Принята к печати: 24 марта 2017 г.

Об авторе:

Поршнева Ольга Сергеевна – д.и.н., профессор кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; Почтовый адрес организации: 620002 Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

POLITICAL PROCESSES AND FIGURES OF 1917S VIEWED BY BRITISH MILITARY ATTACHE ALFRED KNOX¹

Olga S. Porshneva

Ural Federal University
named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russia, o.s.porshneva@urfu.ru

The author offers an interpretation of Alfred Knox's memoirs "With the Russian Army. The Diary of a Military Attaché. 1914–1917" in order to reconstruct the political processes of the 1917 Russian Revolution as they were viewed by a western witness. The article considers Knox's interpretation of the Russian Revolution's pre-conditions, evolution and the causes of Bolshevik's seizing power. The author analyzes the way Knox characterizes the events, describes the actors of the Revolution and political culture of the Russian people.

The author shows that the main topic of Knox's memoirs was the Russian army conditions which he considers in connection with the analysis of the military potential of Russia as an ally and the problem of inter-allied cooperation.

The author discusses Knox's explanation and description of the Russian people's temper, his interpretation of the wide-spread Russian auto-stereotypes and his "colonial discourses".

The article shows that in Knox's opinion Russian people's self-reflection demonstrated establishing of the political cult of people/"ordinary people" as a source of the highest legitimacy. This was one of the bases of Bolsheviks' legitimacy concept and their rights for power declared on behalf of "ordinary people".

The author argues that Knox's evaluation of Russia as an ally was the main "prism of his perception" of the 1917 Russian Revolution events and Russian people's behavior at that time. The other factors which influenced Knox's explanations of particular revolutionary processes and Russian people's temper were values of the British conservative political culture and traditional stereotypes about Russia and Russians shared by Knox.

Keywords: Knox, memoirs, 1917 Russian Revolution, political processes, Russian Army, Russian People

REFERENCES

- [1] Knox Alfred. *With the Russian Army 1914 – 1917, being chiefly extracts from the diary of a military attache*. Moscow; 2014 (The first edition: London; 1921) (in Russian).
- [2] Rudaya EV. [Allies – enemies: Russia and the United Kingdom in view of each other in the years 1907–1917]. *Russia and Europe in XIX–XX centuries. Issues of mutual perception of peoples, societies, cultures. Collection of scientific papers*. Moscow: IRI, 1996, p. 175–183 (in Russian).

¹ The paper was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 16-18-10106 «Early Soviet Society as a Social Project: Ideas, Implementation Mechanisms, Design Results»).

- [3] Sergeev EYu. [The image of the UK in the perception of the Russian diplomats and the military in the late XIX – beginning of the XX century]. *Russia and Europe in XIX–XX centuries. Issues of mutual perception of peoples, societies, cultures. Collection of scientific papers*. Moscow: IRI; 1996, p. 166–174 (in Russian).
- [4] Kolonitskiy BI. [British diplomatic missions and Kerensky (March–October of 1917)]. *Russia in XIX–XX centuries: Collection of articles*. St-Petersburg: Dmitriy Bulanin; 1998, p. 67–76 (in Russian).
- [5] Kolonitskiy BI. [Functions of Political Anglophobia during the First World War]. *Rossiia i Pervaya mirovaya voyna [Russia and First World War]*. St-Peterburg: Dmitriy Bulanin, 1999, p. 271–287 (in Russian).
- [6] Kolonitskiy BI. [Entertaining Anglophobia: Images of “Insidious Albion” in the years of the First World War]. *New Literary Review*. 2000; (41): 69–87 (in Russian).
- [7] Norman E. Saul. *War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921*. Lawrence: University press of Kansas; 2001.
- [8] Davidson AB. [The image of Britain in Russia in XIX and XX centuries]. *Modern and Current History Journal*. 2005; (5): 51–64 (in Russian).
- [9] Davidson AB. [February, 1917. The Political Life of Petrograd in Allies’ eyes]. *Modern and Current History Journal*. 2007; (1): 181–197 (in Russian).
- [10] Senyavskaya ES. [From temporary alliances to the military and political confrontation: the dynamics of perception of Britain, France and the United States in the Russian and Soviet public consciousness of the first half of the XX century]. *The Problems of Russian History*. Moscow, Magnitogorsk: IRI RAN. 2006; (6): 319–348 (in Russian).
- [11] Norris Stephen MA. *War of Images. Russian popular prints, wartime culture, and national identity, 1812–1945*. Illinois; 2006.
- [12] Golubev AV., Porshneva OS. *Obraz soyuznika v soznanii rossiyskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn [The image of an ally in the consciousness of Russian society in the context of world wars]*. Moscow: Novyy khronograf; 2012 (in Russian).
- [13] Adamov DP. The image of the Ally: Russia through the eyes of the British public during World War I. *Ural Historical Journal*. 2014; (1):53–58 (in Russian).
- [14] Gregory A. *The Last Great War: British Society and the First World War*. New York, Cambridge: Cambridge University Press; 2008.
- [15] Zakharov AM. [General Alfred Knox – witness and memoirist of the February Revolution of 1917]. *Actual Problems of Social Sciences*. Gertsenovskie readings, 2005. St-Petersburg; 2005, p. 88–92 (in Russian).
- [16] Demin VA. *Russian State Duma (1906–1917): the mechanism of functioning*. Moscow: ROSSPEN; 1996 (in Russian).
- [17] Portnyagin DI. [British diplomatic and military representatives about the state of the Russian army and navy in 1917]. *The Great War 1914–1918. Almanac of the Russian Association of the First World War historians*. Moscow: Kvadriga, 2014; (3): 22–26 (in Russian).
- [18] Paskal’ P’er. *Russkiy dnevnik: Vo frantsuzskoy voennoy missii (1916–1918) [Russian Diary: In the French Military Mission (1916–1918)]*. Ekaterinburg: Gonzo; 2014 (in Russian).
- [19] Brusilov AA. *Moi vospominaniya [My memoirs]*. Moscow, Leningrad: Gosizdat, 1929 (in Russian).
- [20] Golovin NN. *Voennye usiliya Rossii v mirovoy voyne [Russian military efforts in World War]*. In 2 Vols. Paris: Association of joint publishers, 1939 (in Russian).

- [21] Denikin AI. *Ocherki Russkoy Smuty. Krushenie vlasti i armii, fevral'–sentyabr' 1917* [Essays on Russian Troubles. The collapse of the government and the army, from February to September 1917]. Moscow: Science, 1991 (in Russian).
- [22] Stepun F. *Byvshee i nesbyvsheesya* [The former and unfulfilled]. St-Petersburg: Aleteyya, Progress; 1994 (in Russian).
- [23] Porshneva OS. Evolution of the popular image of the allies in the 1917 Revolutionary Russia. *Ural Historical Journal*. 2014; 42(1): 43–52 (in Russian).

Article history:

Submitted: 14 January 2017

Revised: 6 March 2017

Accepted: 24 March 2017

About the author:

Olga S. Porshneva, Dr. in history, Professor of the department of Russian history at Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin; Postal address of the organization: 19 Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia.



УДК 94(44)“1917/1919”

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-281-302

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПЕРВОМАРТОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОРЕЕ (1917–1919 ГГ.)

В.В. Лебедев

Университет Корея
Сеул, Республика Корея, kutuzkin21@hanmail.net

В данной статье рассматривается вопрос о том, как влияние Октябрьской революции 1917 г. проникало в Корею и в какой степени Октябрьская революция повлияла на результаты Первомартского движения 1919 г., которое в свою очередь стало поворотным моментом во всей истории мирового политического антиколониального движения в Азии. В статье анализируются архивные документы Дипломатического архива Министерства иностранных дел Японии, а также статьи официального рупора генерал-губернаторства Кореи и единственной на тот момент корейязычной газеты «Мэиль Синбо» за период с 1917 по 1919 г.

Ключевые слова: Октябрьская революция, анти-колониализм, Корея, Первомартское движение, Советская Россия, социализм

Введение. Первомартское движение в Корее 1917–1919 гг. рассматривается исследователями как ключевое событие в истории страны. Оно привело к возрождению антиколониального национально-освободительного движения в Корее, которое не только стало первой общенациональной антияпонской демонстрацией за 10 лет колониального господства Японии в Корее, но и придало новую силу антияпонской борьбе. В движении принимали участие различные слои общества как в самой Корее, так и за ее пределами, а его трагический исход отчетливо проявил необходимость

Introduction. Most researchers see the March First Movement in Korea as the pivotal event in the history of the nation. It led to the rebirth of the anti-colonial national liberation movement in Korea. It was not only the first nation-wide anti-Japanese demonstration since Korea was colonised by Japan, but it also gave new impetus to the anti-Japanese struggle. Various social groups of Koreans both inside and outside their country took part in the movement. Its tragic conclusion made thousands of Korean activists turn to socialist ideas for preservation of the spirit and ideas of the national liberation movement.

поиска новых путей для достижения независимости Кореи.

В настоящее время события, связанные с Первомартовским движением, отмечаются как в Северной (КНДР), так и в Южной Корее, причем в Республике Корея первое марта является национальным праздником. Однако воспринимаются эти события по-разному. В КНДР это движение официально называется “Первомартовским народным восстанием” (*самиль инмин понъги*) и оценивается как хотя и исторически значимая, но все же провалившаяся попытка добиться освобождения, которая выявила отсутствие единства среди руководителей-националистов и их оторванность от народных масс. В Южной Корее Первомартовское движение чаще всего интерпретируется как краеугольное событие, приведшее к образованию в Шанхае Временного правительства Кореи, которое официально считается предшественником правительства современной Республики Корея.

В современной западной историографии подъем Первомартовского движения связывают со знаменитыми «четырнадцатью пунктами» речи Президента США Вудро Вильсона, произнесенной им перед американским Конгрессом в 1918 г., а в качестве его итогов называется «рождение современного корейского национализма» [1, с. 12]. Подобные оценки встречаются и в исследованиях южнокорейских и некоторых северокорейских историков, многие из которых (включая даже историков, уже давно перешедших от марксистской к «кимирсеноцентричной»

Nowadays, the March First Movement is commemorated in both North and South Korea (in the latter March 1 is a public holiday), but for different reasons. In North Korea, it is officially called the “March First People’s Uprising” (*Samil inmin ponggi*) and is perceived as a historically significant though failed attempt to achieve liberation that exposed the absence of unity among the nationalist leadership and its disconnection with the masses. In South Korea, the movement is generally interpreted as a cornerstone event for the foundation of the Provisional Government of Korea in Shanghai, which is considered a predecessor of the modern Republic of Korea.

In contemporary Western historiography, the rise of the March First Movement is attributed to the famous “Fourteen Points” proclaimed by US President Woodrow Wilson in his 1918 speech before the United States Congress, and its outcomes are described as the “birth of modern Korean nationalism” [1, p. 12]. The same approach is followed by some South Korean historian, and even contemporary North Korean authors who have long since shifted from Marxist to Kim Il-sung-centred historiography, most of whom either ignore or minimise the influence of the Russian Revolution on the events in Korea.

This by no means implies that attempts to link the October Revolution and the March First Movement have not been made. When describing Wilson’s Fourteen Points, Soviet historiography always emphasised the contrast between “declaring the people’s rights” and “their factual self-determination” [2, p. 37].

историографии) либо игнорируют, либо приуменьшают влияние русской революции 1917 г. на события в Корее.

Однако это вовсе не означает, что попытки связать Русскую революцию (под этим термином мы в данном случае рассматриваем Октябрьскую революцию) с Первомартовским движением ранее не предпринимались. Советская историография, описывая «14 пунктов» В. Вильсона, всегда подчеркивала контраст между «декларированием на словах прав народов» и «их фактическим самоопределением» [2, с. 37]. Подобный подход мы встречаем и в современной российской исторической литературе. В частности, такие исследователи истории Кореи, как С.О. Курбанов [3] и В.М. Тихонов [4], признают влияние Октябрьской революции и коммунистических идей на радикализацию взглядов корейской молодежи. Прямую связь между этими двумя событиями подчеркивает в своей статье «Октябрьская революция 1917 г. в России и ее взаимосвязь с Первомартовским восстанием 1919 года в Корее» Ю.В. Ванин [5].

Цель данной работы – на основе привлечения новых источников (в частности, документов Министерства иностранных дел Японии (*Гаймуссе кироку* (外務省記録; [«Записи Министерства Иностранных Дел»]), включающих в себя секретные доклады сотрудников разведывательных органов Японии и дипломатов, а также материалы официальной и долгое время единственной корейской газеты в колониальной Корее *Мэиль Синбо* (毎日申報 [«Ежедневная газе-

This approach with some modifications was continued in Russian historical literature. Korean history researchers S.O. Kurbanov [3] and V.M. Tikhonov [4] also admitted the influence of the October Revolution and communist ideas on the radicalisation of Korean youth. A direct connection between the October Revolution and the March First Movement in Korea was emphasised by Yu. V. Vanin in his article “October Revolution and its connection with March First Rebellion in Korea” [5].

The main goal of this paper is to examine the channels through which the Russian Revolution exerted its influence on the rise and outcome of the March First Movement by using new documental evidence (mainly the Japanese archival sources published by the Ministry of Foreign Affairs of Japan in *Gaimushō kiroku* (外務省記録 [“Records of the Ministry of Foreign Affairs”]) containing secret reports written by Japanese intelligence officers and diplomats as well as articles from the official newspaper of colonial Korea, *Maeil sinbo* (毎日申報 [“Daily Newspaper”]).

First of all it is imperative to take a look at two main channels through which the news of the revolution was entering Korea.

1. October Revolution as the Context for the March First Movement

When talking about the influence the October Revolution had on March First Movement in 1919 one must realise that the weak Soviet state fighting against various counter-revolutionary

та»]), выявить каналы, посредством которых Русская революция оказывала влияние на возникновение и развитие Первомартовского движения 1917–1919 гг. в Корее.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на два основных канала, посредством которых информация о Русской революции поступала в Корею.

1. Октябрьская революция как контекст для Первомартовского движения

Говоря о влиянии Октябрьской революции на Первомартовское движение, нельзя не признать, что молодое Советское государство, боровшееся против контрреволюционных сил, пользовавшихся открытой поддержкой большинства ведущих держав мира, мало могло чем помочь далекой Корее в ее борьбе за независимость от Японской империи. Следует отметить и отсутствие прямых доказательств связи коммунистов с событиями 1 марта 1919 г. в Корее. Члены группы так называемых «33 национальных представителей», подписавшие основной документ Первомартовского движения – «Декларацию независимости», в большинстве своем являлись религиозными лидерами и политиками националистического толка, которые были далеки от идей Маркса и Ленина. Несмотря на это, необходимо признать, что объединенное антиколониальное сопротивление такого масштаба в Корее фактически не представлялось возможным в отсутствие фона крушения старого порядка, причем не в

forces heavily backed by most major powers could do little to directly assist such a distant place as Korea in its struggle for independence against the Japanese Empire. There are few indications of communist involvement in the events that broke out on the Korean peninsula on March 1, 1919. The ‘33 national representatives’ who signed the main document of the movement – the ‘Declaration of Independence’ – were far from the ideas of Marx and Lenin, mostly being religious leaders and nationalist politicians. Having said that, one must also admit that a unified anti-colonial resistance in Korea of such a scale would be unimaginable without the background of an old world order crumbling not in a distant America or the European continent but several hundred kilometres away across the Tumen river.

The wind of change was felt in Korea long before March of 1919. The general Korean public, including students and workers, who became the backbone of the protest, was aware of the developments in Russia both through the official media and through migrant labourers in the Russian Far East.

1.1. The official media reports on the Revolutionary events in Russia

In the first days after the events of October – November 1917, colonial Korea’s media didn’t know how to react to the new revolution in Russia. On 11 November 1917, the first small article about the events in Petrograd appeared on the second page of an official state-run newspaper, *Maeil Sinbo*, titled “The Coup d’état in Russia” (*Roguk-ui*

далекой Америке или Европе, а всего в нескольких сотнях километров к северу от реки Туманган.

Ветер перемен ощущался в Корее задолго до марта 1919 г. Основная масса корейцев, включая студентов и рабочих, ставших основной силой протеста, была в курсе революционных изменений в России через официальные средства массовой информации, а также посредством рабочих-мигрантов с российского Дальнего Востока.

1.1. Официальные СМИ о революционных событиях в России

В самые первые дни после событий октября – ноября 1917 г. СМИ колониальной Кореи не знали, каким образом реагировать на новую революцию в России. Первая небольшая статья о событиях в Петрограде под названием «Переворот в России» (*Рогук-ый чонъбен*) появилась 11 ноября 1917 г. на второй странице официальной правительственной газеты Мэиль Синбо¹. Через пару дней появилась другая статья под заголовком «Кабинет группы Ленина». Эти материалы предоставляли основную информацию о событиях в России и были написаны в нейтральном ключе. Первые сколь-нибудь крупные статьи о революции начали появляться после выпуска газеты *Мэиль-Синбо* от 17 ноября 1917 г., когда на второй странице появились статьи,

chǒngbyǒn)¹. In a couple of days, a new article titled “Lenin group’s Cabinet” appeared. All these articles provided basic information about the events in Russia and were written in a neutral tone. The first large pieces of information about the Revolution began to appear after the 17 November 1917 edition of *Maeil Sinbo*, on the second page of which were published such articles as “Siberia proclaims independence,” “Russian Prime Minister makes a speech,” and a large article named “The responsibility for Russia [should be given] to Japan” arguing that Japan should take Russia’s place in the ongoing First World War.

The tone of colonial publications turned antagonistic towards Soviet Russia after Lenin’s government issued the famous “Declaration of the Rights of the Peoples of Russia” which contained ideas unacceptable to the empires of the world. The article “The Extremist council member’s proclamation” read: “a member of the extremist council had proclaimed that all peoples in Russia have the right to set up their own political entities as well as the right to form an independent state”². This article was followed by another text titled “Small

¹ 露國의政變 [Переворот в России] // 每日申報 [Ежедневная газета]. 11.11.1917 (на корейском яз.).

¹ Roguk-ŭi chongbyǒn [Russian Coup d’etat]. *Maeil sinbo* [Daily Newspaper]. 11.11.1917 (In Korean).

² Kwagyǒkp’a hweŭi wiwǒn sǒnǒn [Declaration of a member of extremist committee]. *Maeil sinbo*. 21.11.1917 (In Korean); Deklaratsiya prav narodov Rossii: 25 oktiabria 1917 – 16 marta 1918 [Declaration of the Rights of the Peoples of Russia: 25 October 1917 – 16 March 1918]. *Dekrety Sovetskoi Vlasti*. 25 October 1917 – 16 March 1918. Moscow: Politizdat, 1957. 1: 39–41 (In Russian).

озаглавленные «Сибирь объявляет независимость», «Речь российского премьер-министра», а также большая статья «Ответственность за Россию Японии», в которой говорилось о том, что Япония должна занять место России в Первой мировой войне.

Враждебным к Советской России тон публикаций в японской колониальной прессе стал после того, как правительство В.И. Ленина выступило с неприемлемыми для империй идеями, опубликовав знаменитую «Декларацию прав народов России». В статье «Воззвание члена совета экстремистов» говорилось: «Член совета экстремистов объявил, что все народы России имеют право создавать собственные политические формирования, а также право на создание собственного государства»¹. За ней последовала еще одна статья под названием «Малороссия [провозглашает] независимость» (*Soro-soa tongnip*).

Несмотря на открытую враждебность к советскому правительству, колониальные СМИ сообщали обо всех важных событиях в революционной России. В декабре 1917 г. им даже пришлось публично опровергать слухи о том, что бывший император Николай II якобы скрывался в Харбине или о том, что Япония пла-

Russia [proclaims] independence” (*Soro-soa tongnip*).

Despite the outspoken hostility towards the Soviet government, the colonial media reported most main events of the revolution. In December 1917, it even had to publicly refute rumours that Nicholas II was hiding in Harbin or that the Japan was planning an attack on Russian territory¹. From the pages of the only official Korean newsletter, Koreans learned about the Decree on Peace, the complete dislodgement of the imperial system, and the growth and strengthening of the Soviet state.

The local population’s interest in the Russian revolution was so great that in order to prevent ‘undesirable’ interpretations of this news, Japanese colonial authorities decided to publish a series of propaganda articles named “My country’s history and the national polity” (*Aguksa-wa kukch’e*) and “An opportunity to revitalise Asia” (*Asea chinhŭng-ŭi kiun*) on the first page, which was usually reserved for news of national importance. The latter attacked the ‘destructive’ nature of the Russian revolution contrasting it with the “spiritual awakening of the Asian peoples”².

Most anti-Soviet articles on the first pages chose arguments carefully to attack the influence of the Revolution on Korean people’s minds using

¹ 過激派會議委員宣言 [Заявление члена экстремистского комитета] // 毎日申報 [Ежедневная газета]. 21.11.1917 (на корейском яз.); Декларация прав народов России: 25 октября 1917 – 16 марта 1918 // Декреты Советской власти. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1957. Том I., С. 39–41.

¹ Roguk p’yezhe toilbon söl [The rumours about dethroned Russian emperor fleeing to Japan], Ilbon-ŭi Roguk sŭpkyök manmu [Japanese attack on Russia is out of the question]. *Maeil sinbo*. 05.12.1917 (In Korean).

² Asea chinhŭng-ŭi kiun [The opportunity to revitalise Asia]. *Maeil Sinbo*. 22.01.1918 (In Korean).

нировала вторжение в Россию¹. Со страниц официального новостного органа Кореи жители узнали о Декрете о мире, получали информацию о постепенном росте и укреплении Советского государства.

Интерес к русской революции в Корее был настолько велик, что для того, чтобы предотвратить «нежелательную» интерпретацию поступавших из России новостей, японское колониальное правительство приняло решение опубликовать цикл пропагандистских статей под названием «История моей страны и тело нации (на яп.: *кокутай – Л.В.*)» (*Агуксавва кукчхе*) и «Момент для подъема Азии» (*Асеа чинхынъ-ый кун*) на первых страницах изданий, обычно зарезервированных для новостей национального значения. Эти статьи критиковали «деструктивную» природу русской революции, приводя в качестве контраста «духовное пробуждение народов Азии»².

В большинстве антисоветских статей аргументы были подобраны специально, чтобы наносить удары по влиянию революции на умы и настроения корейцев, причем в качестве основного «козыря» японская пропаганда приводила сравнение «экономического процветания» Кореи с «беспробудной нищетой» в России. Так, например, в статье, озаглавленной «Эмигранты на территории Рос-

the main card the Japanese thought they had – economic prosperity. For example, the article named “The immigrants in Russian territory” (*Roryōng-e izhuzha*) spoke of the poverty and hardships that Koreans who moved to Russia had to endure every day, while the article “The fate of Lenin’s Government” (*Renin chōngbu-ūi unmyōng*) argued that left ideas have brought “terrible misery” to Russia¹. Once the editors of *Maeil Sinbo* even printed a caricature depicting Russians as a poverty-stricken disabled person on crutches².

Though these articles were anti-Soviet in nature, they contained a surprising amount of information about the Russian Revolution. It is hard to say what prompted pro-Japanese colonial media to publish news about parts of the Russian Empire proclaiming independence and even to report the main contents of the famous Soviet Decree inside Korea, which was notorious for its anti-Japanese sentiment. These news stories made such a great impression on the Korean masses that the colonial authorities had to devote many pages to strong anti-Soviet propaganda. The official colonial newspaper thus became the first channel through which news of the Russian Revolution officially infiltrated colonial Korea.

¹ 露國廢帝逃日本說, 日本の露國襲撃萬無 [Слухи о свержении российского императора, бегущего в Японию] // 毎日申報 [Ежедневная газета]. 1917.12.05.

² 亞細亞振興の機運 [Возможность оживить Азию] // 毎日申報 [Ежедневная газета]. 1918.22.01 (на корейском языке).

¹ Renin chōngbu-ūi unmyōng [The fate of Lenin’s government]. *Maeil Sinbo*. 23.08.1918 (In Korean).

² Haōlbin hwabo 4 hwe Hakchōn Orang [Harbin pictorial number 4, by Tsuruda Gorō]. *Maeil Sinbo*. 30.08.1918 (In Korean).

сии» (*Рорень-е ичжучжа*), сообщалось о нищете и ежедневных страданиях корейцев, которые переехали в Россию, а в публикации под названием «Судьба ленинского правительства» говорилось, что левые идеи принесли России «ужасную нищету»¹. В одном номере редакторы *Мэиль Синбо* даже напечатали на первой странице карикатуру, изображавшую русских в образе бедного инвалида на костылях².

Несмотря на антисоветские настроения, объем информации о Русской революции, поступающий в Корею, был на удивление значительным. Трудно сказать, чем было вызвано такое детальное освещение в СМИ колониальной Кореи, известной своими антияпонскими настроениями, распада Российской империи или публикация основного содержания уже упоминавшегося выше известного советского декрета. Однако эти новости, очевидно, произвели такое впечатление на корейские массы, что колониальным властям пришлось посвятить большое количество первых полос своей главной газеты антисоветской пропаганде. Таким образом, официальная газета колонии стала первым каналом, посредством которого вести о русской революции вполне официально проникали в Корею.

¹ 亞細亞振興の機運 [Судьба правительства Ленина] // 毎日申報 [Ежедневная газета]. 1918.08.23 (на корейском языке).

² 合爾賓畫報, 4回, 鶴田吾郎 [Цуруда Горо. Харбинский альбом] // 毎日申報 [Ежедневная газета]. № 4. 1918.08.30 (на корейском языке).

1.2. Labour migrants

Unfortunately for pro-Japanese propagandists, the Korean economic prosperity that they believed in was not felt by the vast majority of Koreans. Socio-economic conditions in Korea forced many thousands of people to leave their homes and become economic migrants. The first decade of Japanese rule in Korea did not bring the modernisation promised by domestic pro-Japanese elites, but rather made common people's lives even worse. Immediately after the establishment of the colonial regime in 1910, the Japanese launched the "land cadastre campaign" (*t'oji chosa saōp*) which resulted in the redistribution of land to the Japanese or big land-owners and the loss of property rights for hundreds of thousands of traditional peasants' families who were unable to pay draconian land taxes [6, p. 157]. By 1919 only 3.7% of Korean primary school-age children had access to education while Korean resource management was almost completely restructured to serve the interests of the industrialisation of Japan. The numerous mines of Northern Korea were monopolised by Japanese and Western capital from mid 1910s [6, pp. 206, 223]. Koreans were mostly used as a source of cheap labour in order to maximise the profits of the Japanese and domestic comprador bourgeoisie.

But life in Russia did not prove to be better for the newcomers. On the contrary, it only intensified the socio-economic conflicts in the Far Eastern Korean diaspora which began forming from as early as the second half of the 19th century. The well-established (*kika-*

1.2. Трудовые мигранты

К несчастью для прояпонских пропагандистов, экономическое процветание Кореи, в которое они верили, на деле практически не ощущалось большинством населения страны. Социально-экономические условия в Корее заставляли тысячи людей оставлять свои дома и становиться экономическими мигрантами, в том числе и в соседней с Кореей России, причем условия эти были крайне тяжелыми. Первое десятилетие японского владычества не принесло модернизацию, которую так обещали прояпонски настроенные элиты. Напротив, оно только ухудшило жизнь простого народа. Сразу же после установления генерал-губернаторства в 1910 г. японцы провели в Корее «кампанию по земельной переписи» (*тхочжи чоса саоп*), которая привела к перераспределению земли в пользу японцев и крупных землевладельцев, тогда как сотни тысяч традиционных крестьянских хозяйств потеряли свои наделы, поскольку не смогли платить драконовские налоги на землю [6, с. 157]. К 1919 г. только 3,7% детей младшего школьного возраста имели доступ к образованию, а управление ресурсами Кореи было практически полностью подчинено интересам индустриализации самой Японии. Уже к середине 1910-х гг. основное количество шахт на севере Кореи было фактически монополизировано японским и западным капиталом [6, с. 206, 223]. Корейцы же в основном использовались как источник дешевой рабочей силы ради по-

jin or ‘assimilated’ as they were called in Japanese secret reports) Koreans, most of whom had good command of Russian and even adopted Orthodox Christianity, looked down upon their far less fortunate ‘non-assimilated’ compatriots. The latter ones were left with no choice but to once again become a source of cheap labour mostly as tenant farmers who had to give up to 60% of their harvest [7, p. 53]. Social discrimination soon followed the economic one. Those belonging to the more privileged group began calling the others ‘*lebedi*’ (swans) sneering at the poor workers who had to line up along the curved roads every day dressed in traditional Korean clothes of white colour. In their turn, the newcomers who had not yet lost their connection with their homeland created a derogatory term ‘*er maozi*’ (literally “secondary hairy people” i.e. second-rate Russians) [7, p. 54]. These factors did not help the process of political and social adaptation, on the contrary, it defined the temporary character of the labour migration.

The news of the February Revolution (1917) was the harbinger of the politicisation of the ‘non-assimilated’ Koreans. Immediately after the creation of the Russian Provisional Government, the ‘assimilated’ Koreans decided to create their own representative organ, which they called ‘Ts. I. K. Koreiskih Natsional’nih Soyuzov’ (Central Executive Committee of the Korean National Assemblies; TsIK KNS). This organ, like many other Korean political organisations, fell victim to factional warfare when groups inside it failed to agree on such questions as whether they should support the Kerensky’s government’s

вышения прибыли японской и компрадорской буржуазии.

Однако жизнь в России для «новоприбывших» оказалась немногим лучше. Напротив, она только обострила социально-экономические противоречия внутри корейской диаспоры на Дальнем Востоке, которая начала формироваться еще со второй половины XIX в. К тому времени уже хорошо обустроившиеся на русском Дальнем Востоке корейцы (в секретных японских докладах их называли *кикадзин*, т.е. «ассимилированными»), которые в большинстве своем довольно хорошо владели русским языком и даже приняли православие, часто достаточно высокомерно относились к своим менее благополучным «неассимилированным» соотечественникам. Последним же не оставалось ничего иного, кроме как снова занимать нишу работников дешевого труда или становиться арендаторами, отдавая до 60% урожая местным землевладельцам [7, с. 53]. Вскоре к экономическому неравенству прибавилась и общественная дискриминация. Те, кто принадлежал к более привилегированной группе, называли новоприбывших корейцев по-русски «лебедями», насмехаясь тем самым над бедными рабочими, облаченными в традиционные корейские одежды белого цвета. В свою очередь, «новички», которые еще не потеряли связей со своей родиной, называли «ассимилированных» корейцев «*эр маоцзы*», что с китайского переводится как «второй волосатый», т.е. «второсортный русский» [7, с. 54]. Эти факторы не только мешали процессу социальной адаптации новой

course regarding the war or whether the ‘non-assimilated’ Koreans should be given the right to vote [7, pp. 56–57].

TsIK KNS, however, also played a positive role by opening political discourse on the future of Koreans in the Russian Far East encouraging formerly politically inactive Korean migrants to take an active political stance. After leaving TsIK. KNS, the ‘non-assimilated’ Koreans, together with some ‘assimilated’ ones, created a newspaper *Hanin Sinbo*, written in vernacular Korean which facilitated the spread of a revolutionary atmosphere. Its first publication announced in part: “With the god’s deep will and the blood of Slavic people [they] have overturned the terrible totalitarian regime of absolute imprisonment and oppression in one day, [they] have raised high the Red Banner and proclaimed the great freedom of being able to ... fulfil one’s debt to the state as a citizen and one’s mission towards Heaven”¹.

Hanin Sinbo’s direct influence on the socio-political life of Koreans reached as far as southern Manchuria. This is illustrated by the fact that in mid-1918 Japanese intelligence reported that a correspondent and distributor of the newspaper named Lim Ho was found in the Chinese town of Juzijie (nowadays Yanji, centre of Yanbian Korean Autonomous Prefecture in north-eastern Jilin Province, People’s Republic of China) located near the Korean border [8].

By October 1917, it was perfectly clear that situation all over Russia was

¹ Ch’anggan hanan nare [On the day of the first publication]. *Hanin Sinbo*. 08.07.1917 (In Korean).

волны корейской миграции, но и в конечном итоге определили ее временный характер.

Новости о Февральской революции 1917 г. стали предвестниками политизации «неассимилированных» корейцев. Сразу после создания Временного правительства «ассимилированными» корейцами был сформирован ЦИК Корейских национальных союзов (ЦИК КНС). Этому органу, как и многим другим корейским политическим организациям, будет суждено пасть жертвой фракционной борьбы, в данном случае из-за возникших ожесточенных дискуссий на тему поддержки курса правительства Керенского на продолжение войны или о том, давать или нет «неассимилированным» корейцам право голоса [7, с. 56–57].

ЦИК КНС, однако сыграл и позитивную роль, открыв дискуссию о будущем корейской диаспоры на Дальнем Востоке. Это подтолкнуло ранее политически пассивных мигрантов-корейцев к активизации их деятельности в сфере борьбы за свои политические и социальные права. Сразу же после того, как «неассимилированные» корейцы покинули ЦИК КНС, ими при поддержке части «ассимилированных» сограждан была организована выходящая на корейском языке газета *Ханин Синбо*, которая содействовала росту революционных настроений внутри корейской диаспоры. В одном из первых номеров газеты в связи с событиями в России говорилось: «Глубокой волей Господа и кровью славян за одно утро был сброшен режим абсолютной тюрьмы, продолжавшийся сотни лет; было вы-

out of control. The political life of the ethnic minorities in the Russian Far East was boiling vigorously. In mid-October 1917, on the eve of the October Revolution, a group of Japanese intelligence officers in Vladivostok compiled a report titled “The influence of the Russian Revolution on Koreans.” This report began with the general characteristics of recent developments in Russia. According to the authors, the “feeling when [former] slaves could in one leap jump into the places of kings and counts” has brought a “sudden invigoration of [political] activity [among Koreans]”. After describing the enormous growth of political activism among Koreans – especially among the ‘non-assimilated’ ones – the authors summarised: “Our Empire ... must exercise great vigilance. Korea, our new territory, is separated from the Russian border by a mere strip of water of Tumen River and Manchuria. The peoples that inhabit the regions adjacent to the Russian border are freely communicating and are supplying each other’s needs”¹. Finally, realising that the Russian Revolution is far from a conclusion, the report stressed the necessity to observe its progress and the influence it will have on Koreans.

The fears of the Japanese intelligence officers were not groundless. The October Revolution brought a great change in the

¹ Urajio hakenin. Rokoku kakumei no Chōsenjin ni oyobosu eikyō [Agent in Vladivostok. The influence of the Russian Revolution on Koreans]. *Gaimushō. Futeidan kankei zakken Chōsenjin no bu zai shiberia 6* [Ministry of Foreign Affairs of Japan. Miscellaneous matters concerning impertinent groups, Korean part, In Siberia]. 16.10.1917. Vol. 6 (In Japanese).

соко поднято красное знамя и провозглашена великая свобода ...»¹.

Прямое влияние газеты *Ханин Синбо* на общественно-политическую жизнь в Корее простиралось вплоть до Маньчжурии. Свидетельством этого может служить, в частности, тот факт, что в середине 1918 г. японская разведка доложила о том, что в китайском городе Цзюцзыцзе (совр. Яньцзи, центр Яньбянь-Корейского автономного округа КНР), расположенном на границе Кореи и Китая, был обнаружен распространитель газеты *Ханин Синбо* корреспондент Лим Хо [8].

К октябрю 1917 г. стало очевидным, что ситуация по всей России выходила из-под контроля. Бурно кипела и политическая жизнь этнических меньшинств Дальнего Востока. В середине октября 1917 г., незадолго до Октябрьской революции, японской агентурой во Владивостоке был составлен и отправлен в Токио длинный отчет под названием «Влияние Русской революции на корейцев». Этот отчет начинался с общей характеристики текущих событий в России. Авторы отмечали «повсеместное ощущение, что [бывшие] рабы могут одним рывком запрыгнуть на места графов и королей», и это привело к «неожиданному всплеску [политической] активности [среди корейцев]». Указав на небывалый рост политической активности среди корейцев в России, особенно среди «неассимилированных», авторы заключали: «Наша империя <...> должна

life of the local Korean population. After the civil war broke out in 1918, Japan officially broke its diplomatic ties with Russia and invaded the Russian Far East, forcing thousands of Koreans either to flee west or return to Korea. The waves of legal returnees numbered hundreds monthly reaching its peak in December 1918 when almost 2500 Korean workers legally returned to Korea¹. These people were the living witnesses of the Russian Empire's collapse and the Bolsheviks' staunch resolve, demonstrated by bluntly rejecting the demands of other imperialist powers to continue Russia's participation in the war.

A rather extreme but still genuine sentiment of politically active 'non-assimilated' Koreans was shown by a Korean activist during a 1918 international demonstration in Petrograd. In particular, he said:

“Korea once was the richest country in Asia <...>. Now we are ruined, pillaged, turned into the slaves of the Japanese. <...> Korean nobility is bought by the Japanese. Revolutionary organisations are crushed. <...> Yes, comrades, we have only one option left – terror. We use it and we will continue using it. <...> on your socialist teaching a new generation of Koreans is being raised. Without the connection

¹ 창간하난날에 [В день первой публикации] // 韓人新報–Ханин Синбо. 1917.07.08 (на корейском языке).

¹ Kankyō-hokudō keimu buchō. Chihō minjō ihō, Roryō kikan senjin [Head of Police Department of Hamgyōng pukto province. Report on the living conditions in province, Koreans returning from the Russian territory]. *Gaimushō. Futeidan kankei zakken Chōsenjin no bu zai neiji 2* [Ministry of Foreign Affairs of Japan. Miscellaneous matters concerning impertinent groups, Korean part, In the mainland]. 21.01.1919. Vol. 2 (In Japanese).

сохранять <...> бдительность. Корея – наша новая территория, отделенная от России лишь узкой полосой реки Туманган и Маньчжурией. Народы, населяющие прилегающие к границе с Россией регионы, свободно сообщаются и помогают друг другу»¹. Наконец, понимая, что революция в России далека от завершения, авторы отчета подчеркивали необходимость и дальше следить за ходом революции и тем влиянием, которое оказывали события в России на корейцев.

Беспокойство японской агентуры не было беспочвенным. Октябрьская революция принесла большие перемены в жизнь дальневосточных корейцев. После начала Гражданской войны в России Япония официально разорвала дипломатические отношения с ней и вторглась на Дальний Восток, принуждая тысячи корейцев бежать на Запад или возвращаться в Корею. Волны легально возвращавшихся на родину корейцев исчислялись сотнями ежемесячно, причем пик возвращения пришелся на декабрь 1918 г., когда почти 2500 корейских рабочих легально прибыли в Корею².

¹ 浦潮派遣員，露國革命ノ朝鮮人ニ及ホス影響 [Агент во Владивостоке. Влияние Русской революции на корейцев] // 外務省，不逞團關係雜件-朝鮮人ノ部-在西比利亞-六 [Министерство иностранных дел Японии. Разные вопросы, касающиеся ненадежных групп. Корейская часть. Внутри страны]. 16.10.1917. Вып. 6 (на японском языке).

² 咸鏡北道警務部長，地方民情彙報[露領歸還鮮人] [Начальник полицейского управления провинции Хамгён-пукто. Отчет о жизненных условиях в провинции, возвращении корейцев с территории России] // 外務省，不逞團關係雜件朝鮮人ノ部在內地二 [Министерство иностранных дел Японии.

with you, we do not have freedom. Your happiness is our happiness. Your death is our death. <...> This is felt by every one of twenty thousand of our workers in the Soviet Republic and by hundreds of thousands of our workers in Siberia” [9, p. 41–42].

Thus, the return of Korean migrants from the Russian Far East became the second important channel through which the information about the Russian Revolution and its ideas appeared on Korean soil.

2. The Past and the Future of the March First Movement

The immediate effect of the combination of news coverage of the October Revolution and the return of migrant workers from the Far East on the Korean independence movement is perfectly reflected in a set of documents published by an organisation of Korean students in Japan on 8 February 1919. Along with a ‘Petition for Convocation of a [Korean] National Assembly’ they stated:

“Looking from the standpoint of peace in East Asia, its foremost threat, Russia, has already abandoned its imperialist ambitions and is currently building a new state on the foundation of justice, equality and humanism... thus eliminating the biggest reason for the merging of Korea [with Japan]”¹.

¹ Chosŏn ch’ŏngnyŏn tongniptan. Chōsen seinen dokuritsudan ni kansuru ken [Korean Youth Independence Group. The case concerning the Korean Youth Independence Group]. *Gaimushō. Futeidan kankei zakken Chōsenjin no bu zai neiji 3* [Ministry of Foreign Affairs of Japan. Miscellaneous matters concerning imper-

Эти люди стали свидетелями краха Российской империи и политической решимости большевиков, продемонстрировавших своим союзникам нежелание продолжать участие в войне.

Чувства «неассимилированных» корейцев в довольно радикальной, но вместе с тем искренней форме были выражены на митинге в Петрограде 19 декабря 1918 г. одним корейским политическим активистом:

«Корея когда-то была богатейшей страной Азии <...>. Теперь мы разорены, разграблены, превращены в батраков японцев <...>. Высшее сословие Кореи куплено японцами. Революционные организации раздавлены <...>. Да, товарищи, нам остается одно средство – террор. И мы его применяем и будем применять. <...> на вашем социалистическом учении воспитывается новое корейское поколение. Вне связи с вами нет у нас свободы. Ваше счастье – наше счастье, ваша гибель – наша гибель <...>. Это чувствуют все до единого 20 тысяч наших рабочих на территории Советской Республики и сотни тысяч наших рабочих в Сибири» [9, с. 41–42].

Таким образом, возвращавшиеся с Дальнего Востока России корейские трудовые мигранты стали вторым важным каналом, через который информация и идеи русской революции проникали на корейскую землю.

This statement along with information about the great changes in Russia, indicates that Korean activists felt the atmosphere of change which guaranteed a national scale of the protest.

Japanese military intervention in Russia in 1918 brought sympathy for the Bolshevik's cause in Korea proper. For many Koreans at home and abroad, the war that was raging in the Russian Far East began to resemble the old *Ŭibyŏng* movement, when armed remnants of anti-Japanese resistance in Korea made an unsuccessful attempt to restore national independence. It also paved the way for another much more far-reaching effect on the March First movement – the ideological turn of many thousands of Koreans towards socialism and the ideas of armed struggle, which would after the liberation of Korea bring forth a new generation of revolutionaries to participate in the fateful events of 1945 – 1950.

At the very beginning of the March First Movement, there were several major ideological trends in the Korean national-liberation movement. The first and most influential among Korean intellectuals and political émigrés residing in the West at that time was the so-called 'diplomatic' approach to the question of Korean independence, that they should seek help from the great powers. The people who officially launched the movement decided to rely on diplomacy rather than on armed struggle, and they

Разные вопросы, касающиеся ненадежных групп. Корейская часть. Внутри страны]. 21.01.1919. Том 2 (на японском языке).

tinent groups, Korean part, In the homeland]. 08.02.1919. Vol. 3 (In Japanese).

2. Прошлое и будущее Первомартовского движения

О влиянии революционных событий в России на корейцев свидетельствуют документы, изданные организацией корейских студентов в Японии за месяц до начала Первомартовского движения. В своей декларации, опубликованной 8 февраля 1919 г. одновременно с «Петицией за созыв [корейского] Национального собрания», они заявили:

«С точки зрения мира в Восточной Азии, самая крупная для него угроза, Россия, уже отбросила свои империалистические амбиции и строит новое государство на основе справедливости, равенства и гуманизма... тем самым уничтожив крупнейшую причину слияния Кореи [с Японией]»¹.

Это заявление вместе с информацией о событиях в России – еще одно доказательство того, что атмосфера перемен ощущалась корейскими активистами и создавала почву для масштабного общенационального протеста.

Военная интервенция Японии в период Гражданской войны на Дальнем Востоке в 1918 г. принесла Советской России поддержку со стороны корейских трудящихся. Многим корейцам дома и за рубежом Гражданская война на Дальнем Востоке стала

used the movement to strengthen the negotiating position of a prominent émigré activist Kim Kyu-sik (金奎植) whose arrival in Paris for the Peace Conference of 1919 was timed to coincide with the demonstrations all over Korea.

The failure of the diplomatic approach to solve the problem of Korean independence led to an ideological crisis in the Korean independence movement. It encouraged many activists to support the idea of ‘armed resistance’ both in Korea and in adjacent regions, which became closely connected with the socialist and communist movements for years to come.

The change in the sentiments of Koreans was sharply felt by the Japanese right after the brutal suppression of the March First Movement. The number of Japanese secret reports concerning the interaction of Koreans with the ‘extremists’ rose hundredfold after 1 March 1919.

These were not only reports on the activities of the armed anti-Japanese resistance waged by Koreans in Russia. Many were devoted to preventing the spreading of revolutionary ideas among Koreans who temporarily resided abroad. For example, one of the reports prepared by Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary of Japan in China Obata Yūkichi (小幡酉吉) in September 1919 tells about a Korean “extremist” (i.e. communist) named An Kūnsaeng (安根生) who was propagating communist ideas among students in China [10].

The reasons for the rise of communist activities in Korea are explicitly stated in a report compiled by the General Staff of the Korean Army (*Chōsengun Sambōbu*). It reads in part:

“Impertinent Koreans (i.e. those with anti-Japanese sentiment – L.V.)

¹ 朝鮮青年獨立團, 朝鮮青年獨立團ニ關スル件 [Корейская молодежная независимая группа. Дело, касающееся Корейской молодежной независимой группы] // 外務省, 不逞團關係雜件-朝鮮人ノ部-在内地三 [Министерство иностранных дел Японии. Разные вопросы, касающиеся ненадежных групп. Корейская часть. Внутри страны]. Том 3. 08.02.1919 (на японском яз.).

напоминать движение «Армий справедливости» *Бйбен*, когда остатки антияпонского сопротивления в самом начале XX в. предприняли героическую, но обреченную на провал попытку вернуть национальную независимость. Непосредственное влияние событий, происходивших в России в 1917–1919 гг., выразилось также в идеологическом повороте к социализму и идеям вооруженной борьбы многих тысяч корейцев, среди которых сформируется то поколение революционеров, которым будет суждено сыграть свою роль в судьбоносных событиях 1945–1950 гг. на полуострове.

В самом начале Первомартовского движения в среде борцов за независимость было несколько идейных течений. Первое и самое влиятельное среди корейской интеллигенции и политической эмиграции на Западе течение было представлено сторонниками дипломатических методов решения корейской проблемы с помощью великих держав. Люди, которые официально положили начало Первомартовскому движению, поставили весь свой политический капитал именно на дипломатию, а не на вооруженную борьбу. Само же движение было использовано для усиления переговорной позиции известного эмигрантского деятеля Ким Кюсика (金奎植), который прибыл в Париж практически одновременно с началом демонстраций по всей Корее с целью добиться участия ее представителей в Мирной конференции.

Провал дипломатического подхода к решению проблемы достижения Кореей независимости привел к

who used to admire Wilson's principle of self-determination of peoples have soon realised that so-called American help is nothing but mere written and oral support which would bring nothing in concrete matters. ... This made them gradually grow closer to the extremists"¹.

Conclusion. The news of events in Russia infiltrated Korea through various channels. Among the most effective ones were the only Korean-language news agency in the Japanese colony *Maeil Sinbo* and the labour migrants in the Russian Far East, many of whom returned to Korea after the Japanese occupied Vladivostok.

The rise of the March First Movement became one of the most important milestones of the anti-colonial movement in Asia. The mass protests that engulfed Korea became an important signal for all overseas Koreans, as well as Japanese oppressors who were forced to change their rapacious methods into a more civilised form they called “Cultural policy” (文化政治) The March First Movement also became an important event for all Asian anti-colonial activists. One of the future founders and the first Secretary of the Central Bureau of the Communist Party of China Chen Duxiu (陳獨秀) on 23 March 1919 published an article “Feelings about Korean Independence Movement” (朝鮮獨立運動之感想) in *Meizhou Pinglun* (每周評論) magazine in which he called the March First Movement “great, sincere, heroic and tragic,

¹ Futeisenj in to kagekiha no kankei (1921/06/08) [Relations of impertinent Koreans with the extremists (08.06.1921)]. *Bōei Kenkyūjo Shiryō-shitsu* [Military Archives, National Institute of Defence Studies]. T8-2-76 (JACAR ref. code: C06031089900) (In Japanese).

идеологическому кризису в корейском национальном движении и одновременно способствовал популяризации идеи вооруженной борьбы в Корее и в прилегающих к ней регионах, прежде всего в Маньчжурии и на Дальнем Востоке России, которая была связана непосредственно с коммунистическим движением.

Изменение настроений среди корейцев после жестокого подавления Первомартовского движения очень остро ощущалось японцами. После первого марта 1919 г. количество секретных донесений о взаимодействии корейцев с «экстремистами» возросло в несколько раз.

Причем эти донесения были не только связаны с деятельностью вооруженных корейских отрядов в Гражданской войне на Дальнем Востоке. Множество материалов были также посвящены предотвращению распространения революционных идей среди корейцев за рубежом. Так, например, Чрезвычайный и Полномочный Посланник Японии в Китае Обата Юкити (小幡酉吉) в одном из своих отчетов, подготовленных в сентябре 1919 г., докладывал о корейском «экстремисте» по имени Ан Кынсэн (安根生), который занимался пропагандой коммунистических идей среди корейских студентов в Китае [10].

О причинах роста активности среди корейских коммунистов в рассматриваемый период говорилось также в докладе японского Генерального штаба Корейской армии (*Тесэнгун Самбобу*): «Непокорные корейцы (т.е. антияпонски настроенные – Л.В.), которые раньше восхищались вильсоновским принципом самоопреде-

with correct ideas, using the will of the people without weapons, [the movement that] has opened a new era in the history of world revolution” [23].

The October Revolution in Russia provided important context for the Korean movement. The news of the collapse of an empire and its reconstruction into a new Soviet state based on the slogans of equality and freedom influenced the general mood in Korea, imbuing people with hope for a better, independent future. It acted as fertiliser for the Korean soil, without which the March First Movement would not have happened on such a large scale.

The historical meaning of the March First Movement is that it exposed the necessity to look for alternative set of ideas that many Koreans found in the ideas of the October Revolution that posed a direct threat to the Japanese colonisers. This threat made them put persecution of Korean communists among their highest priorities.

Thus, it can be said that while the speech of US President Woodrow Wilson helped igniting the protest movement in Korea suffering from colonial oppression, the influence of the October Revolution proved decisive for the March First Movement. It became a symbol of the anti-colonial movement in Asia, making sure that the March First Movement would not suffer the fate of the Tapani incident (1915) in Taiwan, which was a bright but last spark in the Han Chinese armed resistance to the Japanese colonisers [24]. In other words, while other factors provided the movement itself, the October Revolution provided its past and guaranteed its future.

ления народов, очень быстро поняли, что так называемая американская помощь – ничто более как поддержка на словах и бумаге, которая не принесет ничего в конкретных делах. Это заставило их все больше и больше сближаться с экстремистами»¹.

Выводы. Как показано в статье, информация о событиях в России проникала в Корею по разным каналам, самыми эффективными из которых стали информационные, в частности, газета *Мэиль синбо*, а также непосредственно корейские трудовые мигранты на Дальнем Востоке, многие из которых вернулись в свою страну после того, как японцы оккупировали Владивосток.

Первомартовское движение 1919 г. в Корее стало одной из основных вех антиколониального движения в Азии. Массовые протесты, охватившие Корею в рассматриваемый период, послужили сигналом как для корейцев за рубежом, так и для самих японцев, которым пришлось отказаться от политики репрессий в пользу более «цивилизованной» формы колониального правления, названной ими «культурной политикой» (文化政治). Один из будущих основателей и первый Генеральный секретарь Коммунистической партии Китая Чэнь Дусю (陳獨秀) 23 марта 1919 г. опубликовал статью под названием «Ощущения от корейского

движения за независимость» (朝鮮獨立運動之感想) в журнале *Мэйчжоу Пинлунь* (每周評論), где заявил, что Первомартовское движение – «великое, искреннее, героическое и трагичное, с верными идеями, использующее волю народа без оружия [движение, которое] открыло новую эпоху в истории мировой революции» [11, с. 32].

Несмотря на то, что само Первомартовское движение не было напрямую вызвано Октябрьской революцией в России, Русская революция 1917 г. создала для него важнейший исторический контекст. Вести о крахе великой империи и создании нового Советского государства оказало сильное влияние на Корею, придав людям в Корее веру в лучшее, независимое будущее. Таким образом, новости об Октябрьской революции сыграли роль катализатора, без которого Первомартовское движение не получило бы такого размаха и влияния.

Историческое значение Первомартовского движения во многом заключалось в поиске альтернативы, которую несли в себе идеи Октябрьской революции, представлявшие собой непосредственную угрозу японским колонизаторам. Эта угроза вынудила их поставить преследование корейских коммунистов в список наиболее приоритетных задач.

Таким образом, можно сказать, что в условиях колониального гнета речь американского президента Вудро Вильсона лишь помогла разжечь протестное движение в Корее, тогда как Октябрьская революция оказала

¹ 不逞鮮人ト過激派ノ關係, 大正10年6月8日(1921/06/08) [Отношения дерзких корейцев с экстремистами (08.06.1921)] // 防衛省防衛研究所陸軍省-朝鮮事件 [Военный архив Национального института оборонных исследований]. T8-2-76 (JACARref. code: C06031089900).

решающее влияние на Первомайское движение. Оно стало символом антиколониальной борьбы в Азии и не повторило судьбу тайваньского восстания Юй Цинфана 1915 г. (более известного как инцидент Тапани), ставшего пусть и яркой, но последней искрой сопротивления ханьских китайцев японским колонизаторам.

В этом смысле Октябрьская революция воздействовала и на дальнейшую судьбу Кореи и ее народа. Другими словами, в то время, как комплекс социально-политических факторов создал само движение, именно Октябрьская революция дала ему импульс и, заставив обратиться к поиску идейной альтернативы, обеспечила будущее.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Декреты Советской власти. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1957. Том 1.

防衛省防衛研究所陸軍省-朝鮮事件 [Военный архив Национального института оборонных исследований]. T8-2-76 (JACAR ref. code: C06031089900).

外務省, 不逞團關係雜件朝鮮人ノ部在内地二 [Министерство иностранных дел Японии. Разные вопросы, касающиеся ненадежных групп. Корейская часть. Внутри страны]. 21.01.1919. Вып. 2 (материалы на японском языке).

外務省, 不逞團關係雜件-朝鮮人ノ部-在内地三 [Министерство иностранных дел Японии. Разные вопросы, касающиеся ненадежных групп. Корейская часть. Внутри страны]. 08.02.1919. Вып. 3 (материалы на японском яз.).

外務省, 不逞團關係雜件-朝鮮人ノ部-在西比利亞-六 [Министерство иностранных дел Японии. Разные вопросы, касающиеся ненадежных групп. Корейская часть. Внутри страны]. 16.10.1917. Вып. 6 (материалы на японском языке).

毎日申報 – Мэиль Синбо. 1917 г. (газета на корейском языке).

韓人新報 – Ханин Синбо. 1917 г. (газета на корейском языке).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Boram Yi. Prelude to Conflict, 1910–1948 // The Ashgate Research Companion to the Korean War / ed. James I. Matray and Donald W. Boose, Jr. Surrey. United Kingdom: Ashgate, 2014.*
- [2] История Кореи с древнейших времен до наших дней / Под ред. Б.Г. Гафурова, Ю.В. Ванина, И.С. Казакевича, и др. М.: Наука, 1974. Т. 2.
- [3] *Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009.*
- [4] *Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. М.: Наталис, 2011. Т. 2.*
- [5] *Ванин Ю. В. Октябрьская революция 1917 года в России и ее взаимосвязь с Первомайским восстанием 1919 г. в Корею // История Кореи. Избранные статьи. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 246-259.*
- [6] 강만길, 「고쳐쓴한국현대사」, 창비, 2011.
- [7] 임경석, 「한국사회주의의기원」, 역사비평, 2003.

- [8] 間島派遣員，圖們江方面情況彙 //李根澤編，中國東北地域民族運動Ⅱ，한국독립운동사자료 40, 2004, p. 283–284.
- [9] ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918–1941 / Отв. ред.: проф. Харуки Вада (Япония), д-р ист. наук К.К. Шириня (Россия). М.: РОССПЭН, 2007.
- [10] 小幡西吉(支那特命全權公使), 朝鮮人過激主義者安根生ニテスル件，不逞團關係雜件-朝鮮人ノ部 鮮人ト過激派一，1919年09月20日.
- [11] 石源华编著《*韩国独立运动与中国关系编年史（1919–1949）*》（上卷），中国社会科学出版社2012年.

История статьи:

Поступила в редакцию: 9 февраля 2017 г.

Принята к печати: 24 марта 2017 г.

Об авторе:

Лебедев Василий Владимирович – магистрант кафедры истории Университета Коре; Почтовый адрес организации: 02841, Республика Корея, Сеул, Сонгбук-гу, Анам-ро, 145.

**INFLUENCE OF THE RUSSIAN REVOLUTION
ON THE MARCH 1ST MOVEMENT IN KOREA
(1917–1919)**

Vasilii V. Lebedev

Korea University
Seoul, The Republic of Korea, kutuzkin21@hanmail.net

This article seeks to address the question of how the influence of the October Revolution reached Korea and to what extent it affected the outcome of the March 1st Movement. The author analyzes the documents from the Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs of Japan and the articles of the official mouthpiece of the colonial government *Maeil Sinbo* from 1917 to the mid-1920s.

Based on the analysis of the primary sources, the author reveals two main channels of receiving information of the revolutionary events in Russia. The first of them was the official newspaper of the Governor General. The main actions of the government of Soviet Russia covered by this newspaper aroused such great interest among the Korean public that in order to prevent an “incorrect interpretation” of these events, the Governor General had to repeatedly dedicate the front page of the newspaper to the articles directly or indirectly condemning the 1917 October Revolution. The second channel was the Korean labour migrants in Primorye. Coming to Russia in search of a better life, most “unnaturalized” migrants faced difficult economic and social conditions. The February Revolution of 1917 which opened the discussion of the future of the Korean population in the Far East became a prerequisite for the politicization of a large part of the labour migrants who witnessed the revolutionary changes in Russia.

The author concludes that the ideas of the 1917 October Revolution found active response in the hearts and minds of the masses in Korea. The political and ethnic oppression intensified the social and political contradictions in the colonial Korea resulting in the nation-wide March 1st Movement of 1919 that became the turning point in the history of the world political anti-colonial movement in Asia. The national-bourgeois idea of “gaining independence through diplomacy” suffered a crushing defeat but it retained the spirit of the March 1st Movement in history and laid the foundation for a new generation of revolutionaries who played a crucial role in the events of 1945–1953.

Keywords: October Revolution, anti-colonialism, Korea, March 1st Movement, Soviet Russia, socialism

REFERENCES

- [1] Boram Yi. Prelude to Conflict, 1910–1948. *The Ashgate Research Companion to the Korean War*. United Kingdom: Ashgate, 2014.
- [2] Gafurov BG., VaninYuV., Kazakevich IS, editors. *IstoriiaKorei s drevneishihvremen do nashihdnei* [The History of Korea from Ancient Times to Our Days]. Moscow: Nauka; 1974:2 (in Russian).
- [3] Kurbanov S.O. *Istoriya Korei s drevnosti do nachala XXI veka* [History of Korea from antiquity to the beginning of the XXI century]. St-Petersburg: Izdatelstvo Sankt Peterburgskogo universiteta; 2009.
- [4] Tihonov V.M., Kan Mangil'. *Istoriya Korei* [History of Korea]. Moscow: Natalis; 2011: 2.
- [5] Vanin YuV. Oktiabrskaiia revoliutsiia 1917 goda v Rossii I eio vzaimosviaz' s Pervomartovskim vosstaniiem 1919 g. v Koree [The October Revolution of 1917 in Russia and its relationship with the Pervomartov uprising of 1919 in Korea]. *Istoriia Korei. Izbrannye Stat'i* [History of Korea. Featured articles]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN; 2016: 246–259 (in Russian).
- [6] Kang Man-gil, *Kochyō ssūn Hanguk hyōndaesa* [Revised Contemporary History of Korea]. Seoul: Changbi Publishers; 2011(in Korean).
- [7] Im Kyōng-sōk, *Hanguk Sahwejuui-uikiwōn* [The Origins of Korean Socialism]. Seoul: Yōksapip'yōngsa; 2003 (in Korean).
- [8] Kantōhakenin, Tomonkōhomen Jyōkyōihō [Agent in Jiandao. Report about the situation in the region of Tumen river]. *Yi Kūn-t'aek, et al., editors. Chungguk Tongbuk chiyōk minzhok undong. Hanguk tongnip undongsa charyo* [National movements in the North Eastern region of China. Documents on Korean independence movement], 2004; 2(40): 283–284 (in Japanese).
- [9] Vada K, Shirinia K, editors. *VKP(b), Komintern i Koreia: 1918–1941* [VKP(b), Comintern and Korea]. Moscow: ROSSPĒN; 2007 (in Russian).
- [10] Obata Yūkichi, Chōsenjin kagekishugisha An Konsei-ni kansuru ken [The case concerning Korean extremist An Kūnsaeng]. *Gaimushō. Futeidan kankei zakken Chōsenjin no bu Senjin to kagekiha* [Ministry of Foreign Affairs of Japan. Miscellaneous matters concerning impertinent groups, Korean part, Koreans and the Extremists]. 09.20.1919; 1 (in Japanese).
- [11] Shi Yuanhua, Jiang Jianzhong, et al., editors. *Hanguo duliyyundong yu Zhong guoguanxi-biannianshi (1919–1949)* [Annals of Korean Independence movements' relations with China (1919–1949)]. Beijing: Social Sciences Academic Press (China). 2012; 1.

Article history:

Submitted: 9 February 2017

Revised: 24 March 2017

Accepted: 31 March 2017

About the author:

Vasilii V. Lebedev, Graduate student of the Department of History at Korea University; Postal address of the organization: 145, Songbuk-gu, Anam-ro, Seoul, 02841, The Republic of Korea.



УДК 94(47).084

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-303-322

СТОЛЕТИЕ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ФОКУСЕ АНТИРОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

В.Э. Багдасарян^а, С.И. Реснянский^б

^а Московский государственный областной университет
Москва, Россия, vardanb@mail.ru

^б Российский университет дружбы народов
Москва, Россия, s-r44@yandex.ru

Статья посвящена анализу антироссийского исторического нарратива, фокусируемого на событийной канве 1917 г. Предложена авторская методика деконструкции антироссийской исторической пропаганды. Выявляются идеологические основы и политический контекст освящения событий 1917 г. в России. Непосредственному критическому анализу подвергнуто пять наиболее распространенных в общественном сознании исторических идеологем. Показаны когнитивные и политические последствия принятия соответствующих идеологем.

Ключевые слова: Революция, пропаганда, методология, антироссийские мифы, идеологемы, история, 1917 г.

Введение. В наступившем 2017 г. ожидается широкая историческая, переходящая в политическую, дискуссия вокруг революционных событий 1917 г. в России. Уже ломаются копия между сторонниками различных общественно-политических групп, выводящих свое преемство от сил, боровшихся друг с другом во время Революции и Гражданской войны.

Контекст информационно-психологической войны, осуществляемой против России, включающей в качестве одной из важнейших составляющих антироссийскую историческую пропаганду, заставляет предположить, что в связи со столетием Революции будет проводиться активное тиражирование соотносимых с ней антироссийских исторических идеологем. Преломляемые исторически к 1917 г. советофобские выводы экстраполируются и на последующую развертку отечественной истории. Многие из применяемых к событиям столетней давности идеологем адресно используются и сегодня в рамках кампании дезавуирования современного российского политического режима. Деконструкция антироссийской исторической пропаганды в применении к

1917 г. имеет, таким образом, принципиальное значение и в качестве противодействия современной россиефобии.

Исследование проблемы. Одним из значимых факторов распада СССР было дезавуирование советской истории. Критическая кампания в СМИ была начата в 1987 г. и приурочивалась к 70-летию Октябрьской революции. Вначале в фокусе критики оказывался сталинизм и брежневизм, затем – весь советский период истории и, наконец, всей России. Следствием такой критики оказалось распространение представлений о нелегитимности СССР как «преступного», по своей сущности, государства [1]. Подсказываемым выводом из исторической делегитимизации СССР являлась его самоликвидация. Технология делегитимизации государства через дезавуирование истории применяется и в отношении Российской Федерации. Негативизация истории России напрямую сопряжена, таким образом, с вопросами обеспечения государственной безопасности.

Традиционно для обозначения антироссийской пропаганды в преломлении к прошлому используются понятия «фальсификация» или «мифологизация» истории [2]. Такие обозначения уводят в действительности в сторону от существа методологии и методики формирования этой пропаганды и, соответственно, когнитивно блокируют возможности практического противостояния ей. Дело состоит не в том, что фальсифируются факты. Как правило, прецедент фальсификации и невозможно доказать. Историк отбирает значимые с его точки зрения факты и интерпретирует их, исходя из собственных методологических и ценностных представлений. Невозможность доказательства преднамеренного искажения исторической правды обусловило неэффективность и, как следствие, закрытие просуществовавшей три года Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России¹.

Понятие «мифологизация истории», раскрываемое как ее искажение, преднамеренная неправда, эквивалентна фальсификации, а потому содержит и все соответствующие ограничители в возможности вынесения вердикта об идентификации мифотворчества. Если же под мифом понимать особый художественно-образный тип познания и информации, то необходимо заметить, что хотя мифологизация и используется как прием негативизирующей пропаганды, но далеко ее не исчерпывает [3].

В пропаганде важны не сами факты, а их встраивание в те или иные исторические концепции (концептуализация). Концепции, в свою очередь, встраиваются в соответствующие идеологии (идеологизация). Идеологические матрицы существуют априори, задавая направленность исторического поиска. Антироссийская историческая пропаганда методологически реализуется через встраивание фактов прошлого (исторического нарратива) в идеологическую

¹ Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. N 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // Российская газета. 20.05. 2009.

матрицу россиефобии. Для противостояния этой пропаганде анализа фактов оказывается, таким образом, принципиально недостаточно. Необходимо проведение деконструкции исторического нарратива, помимо уровня эмпирического, также на уровнях концептуализации и идеологизации (парадигм).

В соответствии с этими установками предлагается методика анализа антироссийской исторической пропаганды в отношении к историческому нарративу революций 1917 г. Выдвигаемые интерпретации реконструируются через призму системообразующей для них идеологической матрицы. Применительно к рассматриваемой проблематике антироссийской исторической пропаганды реконструируется матрица советофобии как составного звена россиефобии. Дезавуирование советского периода истории не может не включать негативизации ее исходной точки, каковой являлась Октябрьская революция. Вторая составляющая используемой методики деконструкции исторической пропаганды заключается в выявлении оснований политического интереса. Как правило, такой интерес в преломлении к важнейшим событиям истории России имеет и геополитическое выражение. Политическая ангажированность не всегда, впрочем, означает прямое обслуживание политических субъектов, а именно принятие этими субъектами политически выражаемой идеологической матрицы.

Идеологема № 1: Об украденной Октябрем свободе

Один из наиболее распространенных россиефобских стереотипов состоит в утверждении об имманентном неприятии России и русскими свободы. Исторически это представляется в виде драмы периодически подавляемых попыток либерализации. В череде такого рода попыток указываются Кондиции 1730 г., деятельность екатерининской Уложенной Комиссии, реформаторские проекты Негласного комитета и Сперанского, реформы Александра II и др. И всякий раз в этой версии «движение к свободе» подавлялось воспроизводимой автократией [4; 5].

Важное место в череде либеральных исторических проявлений отводится Февралю 1917 г. Российская элита в очередной раз рванулась к свободе. России был представлен уникальный шанс построить демократическое, гражданское общество. К власти пришли интеллектуалы-профессора. Однако шанс был утрачен [6; 7; 8, с. 141]. Октябрь лишил Россию свободы, которую ей дал Февраль. Именно в такой драматической развертке излагал, в частности, сценарное содержание 1917 г. Н.Я. Эйдельман в своей популярной в конце 1980-х – начале 1990-х годов книге «Революция сверху» [9].

К принятию идеологемы «украденной Октябрем свободы» логически подводит и поддерживаемая, к сожалению, академическим сообществом концепция единой революции 1917 г., включающей февральскую и октябрьскую фазы в единый революционный процесс. Февраль оказывается завяз-

кой сценария национальной трагедии, Октябрь – его трагической развязкой. Тезис о единой российской революции 1917 г. был закреплен и в принятом в январе 2014 г. Историко-культурном стандарте¹. Он контекстуализируется с теорией модернизации, применительно к которой Февраль открывал перед Россией модернизационную перспективу, Октябрь же выступал как контр-модернизация². Иногда по отношению к советскому периоду используется понятие «консервативная модернизация», то есть модернизация опять-таки без институтов гражданского общества [10].

Основной довод в пользу тезиса о единой революции состоит в процессуальной связности событий 1917 г. Но также процессуально связана с ними и более ранняя, и более поздняя событийная канва. История в целом разворачивается в качестве связного процесса. По этой логике в единую революцию следовало бы относить и революционные потрясения 1905–1907 гг. Более важно то, что февральская и октябрьская трансформация утверждали две различные парадигмы. Ключевые вопросы парадигмального расхождения – выбор между экономической моделью капитализма с сохранением частной собственности и социализма с обобществлением средств производства; приматом индивидуального права, с равенством возможности и коллективистски трактуемой справедливостью, с фактическим социальным равенством; интеграцией в единый объединенный вокруг западных демократий мир и выдвижением системной альтернативы буржуазному миру. Различие и даже дихотомичность февральской и октябрьской революционных парадигм и позволяют говорить не об одной, а именно двух революциях.

Показательно, что несмотря на поддержку концепта о единой революции академическим сообществом Президент в Послании Федеральному Собранию в декабре 2016 г. озвучил традиционный подход о двух революциях. То, как это было произнесено, указывает на сознательный выбор в пользу этого подхода. «Наступающий 2017 год, – заявил Президент, – год столетия Февральской и Октябрьской революций. Это весомый повод еще раз обратиться к причинам и самой природе революции в России. Не только для историков, ученых. Российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий. Это наша общая история, относиться к ней нужно с уважением»³.

Идеологема «украденной в 1917 году свободы» имеет и соответствующие политические пролонгации. 1991 г. в ассоциативном историческом ряду предстает в качестве нового Февраля. Но в очередной раз, согласно либеральной

¹ Октябрьскую и Февральскую революции объединили в Великую российскую революцию // URL: <http://www.rbc.ru/society/31/10/2013/5704120d9a794761c0ce33a7> (Дата обращения 20.12.2016).

² Была ли Октябрьская революция? // URL: <http://echo.msk.ru/programs/year2015/1653200-echo/> (Дата обращения 20.12.2016).

³ Путин заявил о необходимости честного анализа событий 1917 года // URL: <http://www.rbc.ru/society/01/12/2016/583fecc9a7947beb433155b> (Дата обращения 20.12.2016).

схеме, порыв к свободе в России был подавлен. Подавление свободы связывается уже с путинским периодом. Сценарий единой революции – «от свободы к несвободе» в версии теории модернизации проигрывается повторно по лекалам 1917 г. Либеральное доминирование в дискурсе Столетия революции безусловно будет означать и формирование через него антирежимных настроений в настоящем.

Образ утраченной свободы является в значительной мере результатом ретроспективной экстраполяции, переносом в 1917 г. вызовов и смыслов явлений более позднего времени. Основное противоречие между февралистами и большевиками определялось в действительности проблемами социальными (такими, как крестьянский вопрос или рабочий контроль на предприятиях), а не проблемами политических свобод, по которым позиции противников в значительной мере совпадали [11].

Идеологема № 2: Октябрьская революция открыла эпоху красного террора

Еще одна воспроизводимая идеологема демонизации России связана с представлением ее истории как череды кровавого массового террора. Время Ивана Грозного и Сталина предстают как реперные точки единой процессной линии подавления государством человека. Принципиальное значение в этой схеме отводится и Октябрьской революции. В теории системного анализа утверждается, что сущность системы определяется в значительной мере ее генезисным основанием. Если террор был уже развернут в Октябре, то и весь советский период оказывается задан логикой насилия. Если же, в свою очередь, современная Россия преемственна СССР, то матрица подавления человека «молохом государства» распространяется и на нее [12; 13; 14;15].

Представление о красном терроре как системообразующем признаке советской модели государственности имплементировано в настоящее время даже в школьное образование. Соответствующий взгляд на ранний советский период внедряется уже в начальной школе. Так, в рабочей тетради по «Окружающему миру» за 4 класс в разделе «В поисках справедливости» школьникам предлагается следующее изложение содержательной канвы этого периода: «Верх в борьбе одержали красные. Часть побежденных покинула родину, других победители выслали на чужбину, расстреляли, лишили свободы. Соловецкий монастырь – духовная святыня России – на десятилетия стал тюрьмой и каторгой для тысяч людей. Замечательный ученый, исследователь древнерусской литературы Дмитрий Сергеевич Лихачев также был узником в лагере на Соловках. После революции и Гражданской войны изменилось лицо родной земли, уничтожалась историческая память народа: разрушали храмы, сносили памятники, переименовывали города и улицы» [16, с. 70–71].

При прочтении такого рода текста у четвероклассников не может возникнуть другого представления, что поиски справедливости (так называется раздел) как недостижимой утопии оборачиваются на практике репрессиями.

Большевики, действительно, прибегали в политической борьбе к тактике террора. Вряд ли это будет кто-то отрицать. Но террор не был их исключительной тактической линией. И не большевики в 1917 г. явились инициаторами революционных репрессий. Репрессивная политика была уже развернута ранее Временным правительством. Репрессии акцентировано обрушивались на «слуг царского режима», прежде всего чинов полиции. Уже в июле 1917 г. был введен запрет занятия бывшим жандармам, полицейским и агентам выборных должностей. Учинялись расправы над видными черносотенцами [17; 18, с. 289]. Жертвами репрессий Временного правительства едва не оказалось в июле 1917 г. руководство самих большевиков. Однако репрессий со стороны февралистов приверженцами идеологемы нереализованной февральской свободы принято не замечать.

С интерпретацией Октябрьской революции как исходной точки красного террора не вьются и факты первых шагов новой власти. Арестованные во время штурма Зимнего дворца министры Временного правительства были через некоторое время отпущены по домам. По отношению к ним не только не прибегли к расстрелам, что, казалось бы, требовала логика массового террора, а даже к элементарному тюремному заключению (для сравнения: члены ГКЧП содержались под стражей почти полтора года). Второй Съезд Советов, наряду с историческими декретами, принял 26 октября 1917 г. решение о полной отмене смертной казни. Не террор, таким образом, а установка на отмену наиболее жестких форм репрессий была изначально принята на щит новой власти. Смертная казнь была законодательно восстановлена более чем через полгода – 13 июня 1918 г. Обстоятельства, практическая задача самосохранения, заставили впоследствии большевиков действовать иначе. Но это уже был ответ на возникающие вызовы, а не исходный замысел.

В Гражданскую войну к тактике террора прибегали все стороны. Нельзя было оставаться гуманистом тогда, как твои противники используют негуманистические методы, ведут борьбу на уничтожение. Не используй, очевидно, большевистское руководство тактику террора, оно само бы стало жертвой белых репрессий.

На первых порах большевики часто отпускали взятых под арест противников под честное слово, что впредь они не будут вести борьбу против советской власти. Одним из отпущенных таким образом был атаман Петр Краснов. Но «честное слово» нарушалось. Краснов и другие, оказавшись на воле, брались снова за оружие. Естественно, что в критической ситуации 1918 г. от гуманистических практик отношения к противнику большевики были вынуждены отказаться.

Идеологема № 3: Революция как «русский бунт»

Тема «русского бунта» при соответствующей акцентировке национальной специфики легко переходит в тему «русского варварства». Идеологема о варварстве русских – один из наиболее устойчиво воспроизводимых стереотипов западной мысли в отношении России. Он уже был широко распространен в Европе в эпоху Просвещения, соотносясь с триадной схемой развития человечества: дикость – варварство – цивилизация. Ведущие фигуры просветительской идеологии высказывались в отношении позиционирования русских в качестве «варваров» [19]. И эта идентификация была с определенными модификациями, характерными для контекста соответствующих исторических эпох, сохранена до настоящего времени. Образ «ватника» активно используется сегодня в антироссийской пропаганде, будучи современной модификацией той же темы русского варварства.

Матрица русского варварства была перенесена и на советский период истории. Требовалось доказать, что проект СССР не есть выражение исторического прогресса, а воспроизводство темной архаики. Применительно к Революции речь шла о дионисийской, разрушающей архаике «русского бунта» [20; 21]. Акцентировалась антикультурность революционных сил, противопоставление их интеллектуальной и творческой элите. Используются, в частности, слухи о массовом вандализме, проявленном после взятия Зимнего дворца, разграблении утвари, изнасиловании представительниц женского батальона.

Экцессы такого рода были, как они были и во всякой революции. Их не скрывали в своих мемуарах и сами большевики [22, с. 200]. Но это были именно эксцессы, которые большевики стремились категорически пресечь. Уже через пять дней после штурма Зимнего была создана специальная Городская комиссия, которая оценивала нанесенный ущерб и фиксировала все прецеденты незаконных действий. Были зафиксированы случаи трех изнасилований. Случаев расправ над защитниками Зимнего дворца (в частности, выбрасываний из окон, о чем говорили противники) не было зафиксировано вовсе. Размер нанесенного материального ущерба оценивался суммой в 50 тысяч рублей – не столь большая величина для штурма. Часть похищенных предметов властям удалось найти у перекупщиков, у иностранцев, покидающих Россию, и вернуть во дворец. На фоне других революций Октябрьская была как раз более других ограничена культурными рамками, т.е. наименее погромной и наименее мародерской [23, с. 456–457].

Образ революционного антиинтеллектуализма традиционно в критике «советских преступлений» представляет «Философский пароход». Действительно, высылка из страны в 1922 г. группы известных мыслителей не могла не сказаться отрицательно на когнитивных потенциалах российской интеллигенции. Но может ли это само по себе служить индикатором антиинтеллектуализма советского государства? Для адекватной оценки явления его следует

сопоставлять не с нормами нашего времени, а с практикой исследуемой эпохи. Высылка из страны инакомыслящих входила в те годы в практику многих стран, включая и те, которые позиционируются в качестве демократических. К такой практике прибегали, в частности, Соединенные Штаты Америки (знаменитые «рейды Палмера»).

Значимый вклад в формирование образа советского варварства внесли, безусловно, созданные в эмигрантской среде образы «восставшего хама». Художественно ярко этот образ создавался, в частности, Иваном Бунинным («Окаянные дни»). Но аллюзии эмигрантов, обиженных и раздраженных ввиду потери своего прежнего статуса, – плохое основание для создания достоверной исторической картины. Между тем в прямом противоречии с идеологией о советском варварстве находится реальная, подтвержденная законодательными решениями, культурная политика большевиков. Как иллюстрация этой политики стало принятие в 1918 г. декретов «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» и «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». В тяжелейших условиях борьбы за выживание советская власть находила, тем не менее, возможности ставить вопросы о сохранении памятников истории и культуры. Не варварство, а, как раз, наоборот, стремление дать высокую культуру, прежде ограниченную кругами элит, широким народным массам составляло суть советской культурной политики.

Вопреки распространяемой сегодня идеологией об антиинтеллектуализме большевиков сто лет назад мировая интеллектуальная элита мира с большим воодушевлением восприняла большевистский эксперимент. Многие интеллектуалы воспринимали Октябрьскую революцию как выдвигание грандиозного альтернативного эксперимента по отношению к зашедшему в тупик западному миру. Эти настроения отражает, в частности, оценка Бернарда Шоу, посетившего по прошествии четырнадцати лет после революции СССР: «Я уезжаю из государства надежды и возвращаюсь в наши западные страны – страны отчаяния... Для меня, старого человека, составляет глубокое утешение, сходя в могилу, знать, что мировая цивилизация будет спасена... Здесь, в России, я убедился, что новая коммунистическая система способна вывести человечество из современного кризиса и спасти его от полной анархии и гибели» [24].

Идеологема № 4: Октябрьская революция как модификация русского империализма

Тема «русской угрозы» в западном общественном дискурсе существует и воспроизводится столь же устойчиво, сколь длительно существует само российское государство. Создан и поддерживается пропагандистскими средства-

ми по сей день стереотип об имманентности «русского империализма». Применительно к средневековому периоду он выражается, в частности, в империалистическом парафразе эсхатологического учения о Москве как Третьем Риме [25]. Обвинения в замыслах установления мирового господства Российской империи связываются с фальсифицированным завещанием Петра Великого [26; 27, с. 77–89]. О петровских замыслах покорения мира писал, как известно, в числе прочих и К. Маркс, чью теорию коммунизма подняла на щит революция [28]. Доказательство преемственности русского империализма советскому этапу истории России служит представление в качестве империалистического проекта идеи мировой коммунистической революции [29; 30].

Октябрьская революция интерпретируется не только и не столько как революция национальная, сколько в качестве инициирования революции мировой [31; 32, с. 66–96]. А далее, следующим шагом мировая революция оказывается отождествляема с мировой империалистической экспансией. Российская революция превращается в революцию мировую, а она, в свою очередь, в российскую мировую экспансию. То, что в обвинениях в империализме имелась ввиду не коммунистическая идеология, а именно сама Россия, стало очевидно в условиях «новой холодной войны» современного периода истории. И «методики раскрытия» российских тайных кибератак позволяют понять, как «методически раскрывался» столетие назад «русский коммунистический заговор».

Безусловно, большевики верили в грядущую мировую революцию и желали ее наступления. Но они не являлись авторами самой идеи, составлявшей общую идею левого движения на Западе еще в XIX столетии. Идея мировой революции не была к тому же россиецентричной. Судя по выступлению Л.Д. Троцкого на Втором съезде Советов, речь в октябре 1917 г. могла идти о том, чтобы революционная Россия катализировала мировую революцию, но не о российском мировом доминировании. Эта революция мыслилась как антиимпериалистическая. «Надежду свою мы, – заявлял Л.Д. Троцкий, – возлагаем на то, что наша революция развяжет европейскую революцию. Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, мы будем раздавлены, – это несомненно. Либо русская революция поднимет вихрь борьбы на Западе, либо капиталисты всех стран задушат нашу» [33, с. 272]. Необходимость мировой революции обосновывалось, таким образом, как ответ на давление международного империализма.

Существует также принципиальная разница между желанием революции и ее непосредственной организацией. Для ее организации в международном масштабе большевики должны были обладать немалыми ресурсами. Очевидно, что такими ресурсами большевики в 1917 г. не обладали. Ресурсов не хватало даже для того, чтобы удержаться у власти в России, не то что организовывать революцию. Другое дело, что революционная волна как следствие кризиса мировой системы действительно захлестнула мир. Помощь со стороны большевиков в отношении и германской, и венгерской революций ограни-

чивалась моральным сочувствием. Коммунистический Интернационал был учрежден только в марте 1919 г., то есть постфактум и революции, и интервенции со стороны Антанты. В значительной мере он был сформирован путем перехода на ленинские позиции части членов Второго Интернационала. Хронология в данном случае принципиально важна: вначале осуществляется революция в России, следующим шагом – страны Антанты организуют интервенцию и только уже после этого создается Коммунистический Интернационал, ставший таким образом, ответом на военное вмешательство Запада [34].

Вопрос о «коммунистической мировой революции» применительно к современному политическому контексту предстает как попытка «перевода стрелок», перенос обвинения с себя на другого. Мир сегодня сотрясает череда «цветных революций». Внешнее управление современным революционным процессом и его геополитическая выраженность очевидны. США, получается, имеют право делать то, что применительно к большевикам рассматривается в качестве заговора против человечества.

Идеологема № 5: Октябрьский переворот и нелегитимность советской власти

Очевидно, что любая революция незаконна с точки зрения действующего законодательства. В противном случае она не являлась бы революцией. Другой вопрос – легитимность революции. Если революция нелегальна (незаконна), но легитимна, то есть поддерживаема большинством населения, то установленный в результате ее режим может восприниматься в качестве политического выражения воли нации. В таком случае революция не противоречит национальному суверенитету. Если же революция отвергается большинством народа, то, соответственно, нелегитимным и противоречащим национальному суверенитету оказывается и устанавливаемый постреволюционный режим. В соответствии с этой логикой предпринимаются многочисленные попытки доказательства нелегитимности Октябрьской революции. Нелегитимность Октября означает и нелегитимность советской власти. Это, в свою очередь, делегитимизирует весь период советской истории.

Под эти пролонгируемые выводы подводится, очевидно, и дискуссия о том, что произошло в октябре 1917 г. – революция или переворот. Дискуссия сама по себе, казалось бы, лишена смысла. Революция как смена одной модели общества на другую включает в себя и элемент переворота – захвата политической власти. Революция и переворот не являются дихотомическими категориями. Противопоставить их друг другу, доказать, что имел место октябрьский переворот, потребовалось, очевидно, именно для проведения тезиса о нелегитимности большевистского режима [35].

Легальность власти была прервана еще в феврале 1917 г. Временное правительство не имело никаких правовых оснований для позиционирования в качестве высшей российской государственной власти. Еще 26 февраля 1917 г. Высочайшим указом была приостановлена деятельность Государственной Думы. В этих условиях на неофициальном, «частном» совещании ряда думских фракций лидер кадетов П.Н. Милюков выступил с инициативой учреждения Временного Комитета для обеспечения коммуникации с лицами и институтами. Временный Комитет Государственной Думы – законодательный орган был через несколько дней, как известно, превращен во Временное правительство – орган исполнительной власти. Прав выступить от имени всей Думы, в которой значительную компоненту составляло монархическое крыло, Комитет, сформированный на основе консенсуса прогрессистов и левых, не имел. «Частное совещание» было проведено без необходимого кворума и соблюдения установленных процедур¹ [36]. И далее все изменения в составе Временного правительства осуществлялись кулуарным путем, без каких-либо выборов. Большевики, таким образом, вступили в активную политическую борьбу с нелегальным политическим режимом. Степень его легальности, очевидно, для них и не составляла предмета рефлексии, но данная фиксация принципиальна важна применительно к последующим обвинениям в адрес Октябрьской революции как разрыву правовой традиции.

В доказательство нелегитимности Октябрьской революции ссылаются, как правило, на результаты выборов в Учредительное собрание² [37]. Но так ли уж, в действительности, делегитимизировали они новую власть? Выборы показали прежде всего провал либеральной идеологии. Кадеты получили на них всего 4,7% голосов. Совокупно с другими либеральными партиями – 7,5%. Это был полный провал феврализма, о котором, как правило, не говорят сторонники упущенной февралистской альтернативы.

Большинство голосов получили, как известно, эсеры – 40,4% голосов. Большевики заняли вторую строчку – 24%. К ним может быть приплюсован еще один процент, полученный левыми эсерами (в действительности больше, так как эсеры шли на выборы в основном единым списком). Но большевики со значительным преимуществом лидировали в губернских городах и военных гарнизонах (Таблицы 1, 2)³.

¹ Государственная Дума Российской империи 1906–1917: энциклопедия. М.: РОСПЭН, 2008. С. 108–109.

² Академик Юрий Пивоваров: «У России было две мечты...». URL: <http://www.istpravda.ru/interview/1976> (Дата обращения 20.12.2016).

³ Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 550.

Таблица 1

**Распределение голосов на выборах
в Учредительное собрание по губернским городам
(в% ко всем принявшим участие в голосовании)***

Гарнизон	За большевиков	За эсеров	За кадетов
Петроград	45,3	16,7	26,3
Москва	50,1	8,5	35,9
Владимир	30,8	19,9	34,0
Иваново	64,3	12,8	15,6
Калуга	24,7	5,5	49,2
Рязань	25,8	15,3	43,2
Смоленск	40,8	16,1	28,6
Тверь	47,2	16,9	19,8
Тула	34,0	20,9	23,4
Ярославль	47,1	11,2	23,6
Н. Новгород	22,8	14,3	31,7
Кострома	43,6	10,3	22,4
Казань	26,1	21,0	24,8
Пенза	15,6	47,9	24,8
Самара	42,0	26,5	13,8
Саратов	37,7	14,5	19,9
Симбирск	19,5	36,0	21,2
Астрахань	27,5	12,4	25,8
Воронеж	11,9	12,2	58,1
Курск	26,0	17,4	45,1
Орел	27,6	16,5	28,7
Тамбов	28,2	16,6	26,8
Вятка	18,2	12,3	29,8
Оренбург	34,1	7,8	17,7
Пермь	27,0	22,6	28,9
Уфа	19,2	26,5	12,0
Екатеринбург	42,8	15,9	31,3
Барнаул	44,2	27,9	17,8
Красноярск	58,2	24,6	12,7
Иркутск	30,6	33,9	21,7
Томск	40,2	23,0	19,6
Чита	21,0	44,4	13,1
Владивосток	50,1	14,6	17,0
Архангельск	29,7	26,9	28,9
Вологда	23,3	29,2	37,5
Новгород	20,3	20,0	37,6
Псков	38,7	16,4	29,6
Киев	16,8	4,2	10,3

Окончание табл. 1

Гарнизон	За большевиков	За эсеров	За кадетов
Харьков	27,8	16,7	25,2
Екатеринослав	26,4	8,4	11,7
Житомир	10,3	4,9	14,9
Одесса	28,6	5,5	16,2
Кишинев	18,8	19,4	10,5
Минск	26,7	2,7	5,8
Витебск	34,8	8,9	6,9
Ревель	47,7	2,4	10,2
Тифлис	18,8	11,3	9,4
Ставрополь	47,6	13,5	23,6
Владикавказ	44,4	9,6	23,8
Баку	20,1	16,9	8,2
Ростов-на-Дону	37,5	11,1	20,0
Таганрог	41,7	19,4	13,0

* Table 1. Distribution of voices on elections to the Constituent assembly for the provincial cities (in% to all taken part in vote).

Таблица 2

**Распределение голосов на выборах
в Учредительное собрание по гарнизонам
(в% ко всем принявшим участие в голосовании)***

Гарнизон	За большевиков	За эсеров	За кадетов
Петроград	79,2	12,0	5,8
Москва	79,5	6,2	9,8
Калуга	72,5	9,1	13,3
Рязань	73,5	17,9	5,4
Смоленск	67,7	15,7	10,7
Тверь	68,4	21,9	6,0
Тула	71,6	18,0	8,2
Ярославль	82,4	10,9	3,1
Н. Новгород	66,9	20,9	6,6
Кострома	79,6	12,6	3,9
Казань	40,8	36,1	6,4
Пенза	15,5	47,5	25,5
Самара	54,8	19,6	3,3
Саратов	70,6	14,9	4,6
Симбирск	29,3	55,6	2,0
Астрахань	53,4	19,2	2,8

Окончание табл. 2

Гарнизон	За большевиков	За эсеров	За кадетов
Воронеж	56,3	23,9	11,1
Курск	58,2	30,5	7,5
Орел	61,0	27,2	6,3
Тамбов	68,2	19,8	4,5
Вятка	68,7	20,3	4,0
Оренбург	27,8	5,7	3,3
Пермь	53,7	29,0	4,0
Уфа	27,4	26,4	1,6
Екатеринбург	78,5	10,8	5,3
Барнаул	49,9	43,0	4,0
Красноярск	77,5	15,2	3,1
Иркутск	30,7	31,5	24,6
Томск	69,0	24,8	3,2
Чита	23,4	68,8	2,1
Архангельск	65,9	22,5	7,3
Вологда	42,1	47,4	8,3
Новгород	52,2	34,9	4,3
Псков	60,6	18,3	10,5
Харьков	53,4	35,9	5,1
Екатеринослав	19,5	15,7	3,3
Житомир	13,4	17,4	19,1
Одесса	44,9	10,7	9,1
Кишинев	40,3	40,7	5,9
Витебск	68,9	13,9	5,2
Ревель	60,5	34,3	-
Тифлис	45,2	26,6	6,1
Ставрополь	71,1	14,8	6,4

* Table 2. Distribution of voices on elections to the Constituent assembly on garrisons (in% to all taken part in vote)

Преимущественно большевистским электоратом являлись рабочие и солдаты. Крестьянство и население мелких городов поддерживало главным образом эсеров. Но большевики и не скрывали классового характера революции и то, что выражают позиции определенного класса. Власть в октябре 1917 г. была взята от имени Второго съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Конституция РСФСР 1918 г. определяла новую власть не в качестве выразителя агрегированных интересов, а как диктатуру городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства. С этих позиций установленный Октябрьской революцией политический режим был вполне легитимен, будучи поддерживаемый той частью населения, от имени которого и высту-

пал. В Конституции СССР 1936 г. Советский Союз уже позиционировался как государство рабочих и крестьян. Конституция СССР 1977 г. давала характеристику советского государства в качестве общенародного. Эти изменения отражали реальный процесс эволюции системы легитимности советского государства.

Выводы. Вероятно, помимо перечисленных идеологем могут появиться и иные, укладывающиеся в общую матрицу советофобии, а шире – россиефобии. Причина нелюбви к советскому на современном Западе и в западнически ориентированных кругах части российской общественности состоит в том, что именно на период существования СССР пришелся апогей геополитической и экономической мощи нашего государства. Именно в советский период был осуществлен форсированный, небывалый в мировой истории прорыв, который вывел страну в технологические лидеры мира. Неудивительно, что со стороны геополитических противников предпринимались и будут, очевидно, предприниматься и далее попытки дезавуирования советского исторического опыта. Но при парадигмальном анализе за дезавуированием истории СССР обнаруживается более исторически развернутый пласт вражды в отношении российской цивилизации. Автор высказывания «Мы думали, что нас ненавидят, потому что мы красные, но выяснилось, что нас ненавидят, потому, что мы русские», неизвестен, но оно достаточно точно отражает суть произошедшего в последние годы прозрения. Интерпретация Октябрьской революции оказывается, равно так как и интерпретация Великой Отечественной войны, сегодня вопросом, находящимся в повестке национальной безопасности России.

© Багдасарян В.Э., Реснянский С.И., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Гордина Е.Д.* Проблемы отечественной истории на страницах массового журнала «Огонек» 1987–1991 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2004.
- [2] Фальсификация исторических источников и конструирования этнократических мифов / Под ред. В.А. Шнирельмана, А.Е. Петрова. М.: ИА РАН, 2011.
- [3] *Полосин В.С.* Миф. Религия. Государство. М.: Ладомир, 1999.
- [4] *Пайтс Р.* Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004.
- [5] *Янов А.* Иваниана // Нева. 1992. № 7. С. 195–238
- [6] *Пайтс Р.* Русская революция. М.: «Захаров», 2005. Т. 1, 2.
- [7] *Пивоваров Ю.С.* Уроки Февраля. URL: <http://polit.ru/article/2012/02/24/fabruary/> (Дата обращения 20.12.2016)
- [8] *Сегал Д.* «Сумерки свободы»: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // Минувшее. Исторический альманах. М., 1991. № 3. С. 131–199 .
- [9] *Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989.
- [10] *Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

- [11] *Телицын В.Л.* «Бесмысленный и беспощадный»?.. Феномен крестьянского бунтарства: 1917–1921 гг. М.: РГГУ, 2002.
- [12] *Дойков Ю.В.* Красный террор. Россия. Украина. 1917–1924. Архангельск, 2008.
- [13] *Дойков Ю.В.* Памятная книжка: Красный террор в советской Арктике, 1920–1923: (документальные материалы). Архангельск: Центр документации, 2011.
- [14] Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. Ю.Г. Фельштинского, Г.И. Чернявского. Лондон, 1992.
- [15] *Фельштинский Ю.Г.* Красный террор в годы гражданской войны. М., Книговек, 2013.
- [16] *Плешаков А.А., Новицкая М.Ю.* Окружающий мир. Рабочая тетрадь. 4 класс. Часть 2. М.: Просвещение, 2015.
- [17] Дневник П.А. Лурье // Юность. 1990. №10. С. 6–11.
- [18] *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М., 1995.
- [19] *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003.
- [20] *Ахизер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 1. От прошлого к будущему.
- [21] *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
- [22] *Мельгунов С.П.* Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М.: Айрис-пресс, 2005.
- [23] *Логонов В.Т.* Неизвестный Ленин. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010.
- [24] *Воронцова Т.* В гостях у «старшего брата» // <http://lit.lseptember.ru/article.php?ID=200300909> (Дата обращения 20.12.2016).
- [25] *Ульянов Н.И.* Комплекс Филофея // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 43–52.
- [26] *Данилова Е.Н.* «Завещание» Петра Великого // Труды Историко-архивного института. Т. 2. М., 1946. С. 34–39.
- [27] *Козлов В.И.* Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М.: Аспект Пресс, 1996.
- [28] *Маркс К.* Разоблачение дипломатической истории XVIII века // http://aldebaran.ru/author/genrih_marks_karl/kniga_razoblacheniya_diplomaticheskoyi_istorii/ (Дата обращения 20.12.2016).
- [29] *Безансон А.* Интеллектуальные истоки ленинизма. М., 1998.
- [30] *Безансон А.* Советское настоящее и русское прошлое. М., 1998.
- [31] *Маккензи К.* Коминтерн и мировая революция. 1919–1943. М.: Центрполиграф, 2008.
- [32] *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Независимая газета, 2004.
- [33] *Соловьев О.Ф.* Русские масоны. От Романовых до Березовского. М.: Эксмо, Яуза, 2004.
- [34] *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: первые десять лет. Исторические очерки. М.: Издательский центр «Россия молодая», 1993.
- [35] Революция 1917-го в России как серия заговоров. М.: Алгоритм, 2017.
- [36] *Милюков П.Н.* Война и вторая революция. Пять дней революции (27 февраля – 3 марта) // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. С. 49–58.
- [37] *Фельштинский Ю.Г.* Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 – Июль 1918. На пути к однопартийной диктатуре. Серия «Исследования новейшей русской истории» / под общей ред. А.И. Солженицына, ИМКА-Пресс. Париж. 1984.

История статьи:

Поступила в редакцию: 14 января 2017 г.

Принята к печати: 12 апреля 2017 г.

Об авторах:

Багдасарян Вардан Эрнестович – д.и.н., профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского Государственного областного университета; Почтовый адрес организации: 105005 Россия, Москва, ул. Радио, 10а.

Реснянский Сергей Иванович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов; Почтовый адрес организации: 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

**CENTENARY OF 1917 RUSSIAN REVOLUTION
IN THE FOCUS OF ANTI-RUSSIAN HISTORICAL PROPAGANDA**

Vardan E. Bagdasaryan^a, Sergey I. Resnyansky^b

^aMoscowRegionState University,
Moscow, Russia, *vardanb@mail.ru*

^bPeopls' Friedship University of Russia (RUDN University)
Moscow, Russia, *s-r44@yandex.ru*

The article analyzes the anti-Russian historical narrative focused on the 1917 events. The relevance of the theme is determined by the wide-ranging discussion on the Russian revolution due to its anniversary.

The authors solve the problem of the scientific criticism of the anti-Russian myths, focused on the assessments and interpretations of the two Russian revolutions of 1917.

In the article there are shown the ideological basis and political context of the coverage of the events of 1917. The authors analyze 5 historical ideologemes, which are disseminated in the public consciousness. They also show the cognitive and political implications of adopting the respective ideology.

As a typical liberal myth, the authors regard the interpretation of the October Revolution as “stolen freedom” provided by the February revolution. In the article there is shown that through the myth of “stolen freedom” the whole history of Russia is presented as a reproduction of the “totalitarian regime”. The authors prove the incorrectness of showing Bolsheviks as the initiators of the use of mass terror tactics, to which all major opposing forces resorted. There is considered the connection of the interpretation of the Revolution as the manifestation of the “Russian rebellion” with the Russophobic myth of the Russian barbarism. The authors criticize the idea of the Bolshevik imperialism, which is allegedly based on the ideology of world revolution. The article gives the deconstruction of the myth of the Bolshevik regime illegitimacy and shows the cognitive contradictions of the attempts to counter the concepts of “October Revolution” and “October Coup”. The authors reveal that the thesis of the Constituent

Assembly, as an illustration of the Bolshevik illegitimacy, doesn't correspond to the historical facts.

The authors conclude that the issues of covering the events of both the Revolution and the Great Patriotic War are linked to the national security of Russia.

Keywords: Revolution 1917, propaganda, methodology, anti-Russian myths, ideologies, history

REFERENCES

- [1] Gordina E.D. Gordina E.D. *Problemy otechestvennoi istorii na stranitsakh massovogo zhurnala «Ogonek» 1987–1991 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk* [Problems of national history in the pages of the mass magazine “Ogonyok” 1987–1991.: PhD thesis]. N. Novgorod; 2004 (in Russian).
- [2] *Fal'sifikatsiya istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniya etnokraticeskikh mifov* [Falsification of historical sources and the construction of ethnocratic myths]. Moscow; 2011 (in Russian).
- [3] Polosin V.S. *Mif. Religiya. Gosudarstvo* [Myth. Religion. State.] Moscow: Ladomir; 1999 (in Russian).
- [4] Paips R. *Russia Under the Old Regime*. Moscow: Zakharov; 2004 (in Russian).
- [5] Yanov A. Ivaniana. *Neva*. 1992; (7): 195–238 (in Russian).
- [6] Paips R. *The Russian Revolution*. Moscow: Zakharov; 2005 (in Russian).
- [7] Pivovarov YuS. *Uroki Fevralya* [February Lessons]. Available from: <http://polit.ru/article/2012/02/24/fabruary/> (Date of access: 20 December 2016) (in Russian).
- [8] Segal D. «*Sumerki svobody*»: o nekotorykh temakh russkoi ezhednevnoi pechati 1917–1918 gg. [«Twilight of Freedom»: About some themes of the Russian periodical press 1917–1918. The Past. Historical almanac]. 1991; (3): 131–199 (in Russian).
- [9] Eidel'man NYa. «*Revolutsiya sverkh*» v Rossii [Revolution from above in Russia]. Moscow: Kniga; 1989 (in Russian).
- [10] Vishnevskii AG. *Serp i rubl'. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and Ruble. Conservative modernization in the USSR]. Moscow; 1998 (in Russian).
- [11] Telitsyn VL. «*Bessmyslennyi i besposhchadnyi*»?.. Fenomen krest'yanskogo buntarstva: 1917–1921 gg. [«Senseless and merciless»? The phenomenon of Russian rebelliousness: 1917–1921]. Moscow: RGGU; 2002 (in Russian).
- [12] Doikov YuV. *Krasnyi terror. Rossiya. Ukraina. 1917–1924* [Red terror. Russia. Ukraine. 1917–1924]. Arkhangel'sk; 2008 (in Russian).
- [13] Doikov YuV. *Pamyatnaya knizhka: Krasnyi terror v sovetskoi Arktike, 1920–1923: (dokumental'nye materialy)* [The memorial book: Red terror in Soviet Arctic, 1920–1923: (Documentary materials)]. Arkhangel'sk: Tsentr dokumentatsii; 2011 (in Russian).
- [14] Fel'shtinskii YuG, Chernyavskii GI. *Krasnyi terror v gody Grazhdanskoi voyny: Po materialam Osoboi sledstvennoi komissii po rassledovaniyu zlodeyanii bol'shevikov* [Red terror during the Civil war: On the materials of a special commission to investigate the Bolshevik criminals]. London; 1992 (in Russian).
- [15] Fel'shtinskii YuG. *Krasnyi terror v gody grazhdanskoi voyny* [Red terror during the Civil war]. Moscow. Knigovok; 2013 (in Russian).

- [16] Pleshakov AA., Novitskaya MYu. *Okruzhayushchii mir. Rabochaya tetrad' . 4 klass* [Science. Workbook. 4 grade]. Moscow: Prosveshchenie; 2015 (2) (in Russian).
- [17] Dnevnik PA. Lur'e [P.A. Lurie's Diary]. *Yunost'*. 1990 (10): 6–11 (in Russian).
- [18] Nikolaevskii BI. *Tainye stranitsy istorii* [Secret pages of history]. Moscow; 1995 (in Russian).
- [19] Mezin SA. *Vzglyad iz Evropy: frantsuzskie avtory XVIII veka o Petre I.* [European view: French authors of the 18th century about Peter the Great]. Saratov; 2003 (in Russian).
- [20] Akhiezer AS. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)* [Russia: Criticism of historical experience (Socio-cultural dynamics of Russia)]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1998; 1 (in Russian).
- [21] Buldakov VP. *Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red time of troubles: sources and consequences of revolutionary terror]. Moscow: ROSSPEN; 1997 (in Russian).
- [22] Mel'gunov SP. *Kak bol'sheviki zakhvatili vlast'. «Zolotoi nemetskii klyuch» k bol'shevistskoi revolyutsii* [How the Bolsheviks seized the power. «Golden German key» to the Bolshevik Revolution]. Moscow: Airis-press; 2005 (in Russian).
- [23] Loginov VT. *Neizvestnyi Lenin* [Unknown Lenin]. Moscow: Eksmo, Algoritm; 2010 (in Russian).
- [24] Vorontsova T. *V gostyakh u «starshogo brata»* [Visiting the Big Brother]. Available from: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200300909> (Date of access: 20 December 2016) (in Russian).
- [25] Ul'yanov NI. *Kompleks Filofeya* [Philotheus's complex]. *Voprosy istorii* [Historical questions]. 1994; (4): 43–52 (in Russian).
- [26] Danilova EN. «Zaveshchaniye» Petra Velikogo [The Will of Peter the Great]. *Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta* [Works of the Historical Archives Institute]. 1946; 2: 34–39 (in Russian).
- [27] Kozlov VI. *Tainy fal'sifikatsii. Analiz poddelok istoricheskikh istochnikov XVIII–XIX vekov* [Secrets of falsification. Analysis of counterfeits of historical sources of the 18–19th centuries]. Moscow: Aspekt Press; 1996 (in Russian).
- [28] Marx K. *Razoblachenie diplomaticheskoi istorii XVIII veka* [Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century]. Available from: aldebaran.ru/author/genrih_marks_karl/kniga_razoblacheniya_diplomaticheskoyi_istorii/ (Date of access: 20 December 2016) (in Russian).
- [29] Bezanson A. *Intellektual'nye istoki leninizma* [Intellectual sources of Leninism]. Moscow; 1998 (in Russian).
- [30] Bezanson A. *Sovetskoe nastoyashchee i russkoe proshloe* [The Soviet present and the Russian past]. Moscow; 1998 (in Russian).
- [31] Makkenzi K. *Komintern i mirovaya revolyutsiya. 1919–1943* [The Comintern and World revolution. 1919–1943]. Moscow: Tsentrpoligraf; 2008 (in Russian).
- [32] Khobsbaum E. *Epokha krainostei: Korotkii dvadtsatyi vek (1914–1991)* [The era of extremes: The short 20th century (1914–1991)]. Moscow: Nezavisimaya Gazeta; 2004 (in Russian).
- [33] Solov'ev OF. *Russkie masony. Ot Romanovykh do Berezovskogo* [Russian masons. From Romanovs to Berezovsky]. Moscow: Eksmo, Yauza; 2004 (in Russian).
- [34] Vatlin AYu. *Komintern: pervye desyat' let. Istoricheskie ocherki* [The Comintern: the first decade. Historical feature articles]. Moscow: Rossiya molodaya; 1993 (in Russian).

- [35] *Revolyutsiya 1917-go v Rossii. Kak seriya zagovorov* [Russian revolution in 1917. As a series of conspiracies]. Moscow: Algoritm; 2017 (in Russian).
- [36] Milyukov PN. *Voina i vtoraya revolyutsiya. Pyat' dnei revolyutsii (27 fevralya – 3 marta)* [The war and the second revolution. Five days of revolution (27 February – 3 March)]. *Strana gibnet segodnya. Vospominaniya o Fevral'skoi revolyutsii 1917 g.* [The country is dying today. Memories of the February Revolution 1917]. Moscow: Kniga; 1991: 49–58 (in Russian).
- [37] Fel'shtinskii YuG. *Bol'sheviki i levye esery. Oktyabr' 1917 – Iyul' 1918. Na puti k odno-partiinoi diktature* [Bolsheviks and left Socialists-Revolutionaries. October 1917 – July 1918. On the way to One-party dictatorship]. Paris: IMKA-Press; 1984 (in Russian).

Article history:

Received: 14 January 2017

Revised: 12 April 2017

Accepted: 12 april 2017

About the author:

Vardan E. Bagdasaryan, Dr. in history, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law at Moscow Region State University; Postal address of the organization: 10a Radio Str., Moscow, 105005, Russia.

Sergey I. Resnyansky, Dr. in history, Professor of the department of Russian History at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Postal address of organization: 6 Mikloukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia.



УДК 94(47).084.1

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-323-335

«НЕЮБИЛЕЙНАЯ» КНИГА**В.В. Зверев**

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Москва, Россия, v.v.zverev@bk.ru

«История антропологична, а не политична.
Российская – в особенности.
А потому надо научиться воспринимать
прошлую и нынешнюю эпоху через ее людей,
сколько бы наивными и нелепыми ни казались
их устремления и поступки»

*(Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.
Война, породившая революцию.
М.:Новый хронограф, 2015. С. 696)*

В статье анализируется монография В.П. Булдакова и Т.Г. Леонтьевой «Война, породившая революцию», которая по своему содержанию и исследовательской направленности разрушает сложившиеся историографические мифы о Великой российской революции. Проведя историко-антропологическую деконструкцию старых и новых представлений, авторы создали многоплановое и многоаспектное исследование проблемы психологии восприятия войны различными слоями российского общества. Авторы рассматривают войну и революцию как острейшее проявление глобальной психопатологии, к которой пришла эпоха Просвещения, закончившаяся мировым катаклизмом. Исследовательские подходы основываются на теории ресентимента (подспудно накапливающейся агрессивности внутри «прогрессирующего» общества).

Ключевые слова: Первая мировая война, Великая российская революция, теория ресентимента, власть, политические партии, народные массы

Введение. Вышедшая накануне 1917 г. монография известных отечественных исследователей никак не может быть отнесена к категории юбилейной литературы, которой, чего греха таить, присуще механическое перечисление устоявшихся и отшлифованных временем историографических мифов. Напротив, она *антиюбилейна* по своему содержанию и направленности.

Трудно отыскать в современной российской историографии столь откровенно «провокационную» – в хорошем смысле слова – книгу, хотя в западных исследованиях подобный способ привлечь внимание к той или иной теме или проблеме давно является научной нормой.

О предпосылках мировой войны и русской революции написано громадное число сочинений самого различного уровня и объема. Авторы откровенно дистанцируются от всей их массы. Начиная с вызывающе-нарочитого эпиграфа, книга посвящена всевозможным – большим и маленьким – «дуракам истории», а равно и пассивно следующим за ними историографам. Действительно, история войн и революций присутствует в исторической памяти как набор всевозможных легенд и фантазий, постоянно сочиняемых и воспроизводимых людьми по причине невозможности разобраться в причинах и масштабах произошедшего. На этом фоне процветает соответствующее пропагандистское вранье. И эта псевдоисторическая «свистопляска» продолжается целое столетие.

Исследование проблемы. Сделав такой авантюрный заход, авторы меняют тон на вполне академичный. Они вовсе не рассчитывают на очередную публицистическую «сенсацию». Предложенные в книге идеи и приемы исследования проводятся ими последовательно и неуклонно. Набившим оскомину всякого рода штампам и стереотипам авторы противопоставляют многоплановое и многоаспектное исследование проблемы психологии восприятия войны различными слоями российского общества. Именно сфера психологии становится той точкой, в которой происходит пересечение и переплетение проявлений хозяйственной практики, быта, нравов, элементов духовной жизни.

Новизна подхода проявляется не только в анализе, но и в синтезе, в основу которого положена полидисциплинарность, где соединяются и традиционные научно-исторические методы, и методы смежных наук. Все это дает возможность вывести сделанные выводы на уровень выявления закономерностей событий, происходивших на 1/6 части земного шара. Нетривиальная стилистика изложения придает выводам авторов дополнительную убедительность¹.

Совершенно очевидно, что в основе книги лежит давнее и настойчиво реализуемое намерение В. Булдакова пересмотреть как историю революции 1917 г., так и ее последствия, основываясь на анализе социологически трудноуловимой, в том числе и «тонкой» материи исторического бытия. Русская революция, как и вся «кризисная» российская история, – это явление не политическое, а синергетическое. Параллели с Великой Французской революцией – некорректны, ибо основываются преимущественно на внешнем сходстве. Со-

¹ Язык работы блестящ, а некоторые из фраз претендуют на статус афоризмов. Достаточно перечислить некоторые из них: «В России власть не свергают. Ее добивают после того, как она уже полуразвалилась от собственной глупости», «Миром управляют идеи. Россией – лозунги», «В России всякая власть имеет обыкновение моментально обрастать клерками и даже почитателями» [1, с. 434, 478, 666].

временники русской революции 1917 г. постоянно сравнивали ее со Смутным временем, тогда как исследователи революции во Франции от аналогичных экскурсов в прошлое воздерживались.

В известной степени этот подход направлен против привычных позитивистских методов исследования [2, с. 31–46; 3, с. 3–17; 4, с. 5–27; 5, с. 53–63; 6, с. 20–35; 7, с. 101–111], то и дело пасующих перед дилетантскими фантазиями [8, с. 24–33; 9, с. 98–115; 10, с. 35–43; 11, с. 11–12]. Для решения этой задачи в книге впервые привлекается не только светская, но и церковная история. Благодаря Т. Леонтьевой, одной из первых заговоривших о предреволюционных нестроениях в духовной жизни [12; 13, с. 29–43; 14; 15, с. 495–516; 16, с. 582–603; 17, с. 18–56; 18, с. 693–700], соответствующие сюжеты органично вводятся в динамичный нарратив.

Историко-антропологическая деконструкция старых и новых представлений о революции, действительно, настоятельно необходима. Частично она уже осуществлялась одним из авторов данной книги [19, с. 5–27; 20, с. 54–65]. Но на чем базировались привычные историографические заблуждения? Авторы дают понять, что историю возникновения Первой мировой войны не стоит рассматривать только в рамках империалистической геополитики, представления о которой основывались преимущественно на политико-экономических представлениях эпохи Просвещения. Действительно, даже Дж. Гобсон в 1902 г. смотрел на события шире своих последователей (включая В.И. Ленина). Так, он подчеркивал, что его исследование «определенно относится к области социальной патологии, и потому в нем не делается никаких попыток скрыть злокачественность недуга» [21, с. 17]. Авторы, со своей стороны, рассматривают войну и революцию как острейшее проявление глобальной психопатологии, к которой закономерно пришла эпоха Просвещения, фактически закончившаяся мировым катаклизмом.

Слов нет, заявления такого рода смотрятся не только вызывающе, но и самонадеянно, особенно если учесть, что экономико-детерминистические представления об истории в наше время переживают своего рода Ренессанс. Более того, они стали подпоркой всевозможных конспирологических теорий. Как бы то ни было, аргументация авторов книги, вольно или невольно противостоящая детерминистам, смотрится весьма убедительно. Она основывается на теории ресентимента (подспудно накапливающейся агрессивности внутри «прогрессирующего» общества). В свое время об этом писал Ф. Ницше, затем его идеи развил М. Шелер, но в целом они остались незамеченными в силу тогдашних «самообольщений прогресса». Стоило бы заметить, что современные российские социологи уже взяли эти идеи на вооружение.

Психопатология европейского мира, по мнению авторов, была связана с двумя главными факторами, определившими его развитие с середины XIX в.: демографическим бумом и колоссальным развитием технологий. «Омоложение» населения привело к перенасыщению социумов юношеской деструктивностью; правители вложили в руки молодежи разрушительное оружие ради

защиты традиционно понимаемых национальных интересов, а социалисты предложили ей свои «научные» утопии. В связи с развитием визуальных средств информации возросла «иллюзорность» массового сознания. В конечном счете появилось искушение с помощью новой идеологии и техники переиначить весь мир на «справедливых» началах за счет противника. Россия по-своему отреагировала на тенденции в силу колоссального разрыва между культурами верхов и низов [1, с. 17]. В общем, европейские народы готовы были вести своего рода революционно-освободительную войну. Не чужда была этого поветрия и Россия, причем помимо освобождения от «немецкого засилья» внутри страны она готова была приступить к «освобождению» славянских народов, не говоря уже о «сакральной» цели – завладении проливами (о чем писал еще Ф.М. Достоевский).

По-своему революционной была вся Европа. Но если европейский ре-сентимент в силу возобладания в социалистическом движении реформистских тенденций направился вовне (особенно заметно это было у германских социал-демократов), то в России он был связан с неослабевающим внутренним социальным антагонизмом, который, в свою очередь, усугублялся гетерогенностью культур «верхов» и «низов». Со всем этим можно было бы согласиться, если бы картина «безумия Европы», нарисованная авторами, была бы более полной. Конечно, фантазийно-милитаристский жанр, пышным цветом расцветший в европейских странах – на что обратили особое внимание авторы, – смотрится убедительно, но достаточно ли аргументов только из этой области? И какие качественно новые источники способны усилить убедительность авторской гипотезы?

Представляется, что стоило бы обратить внимание на визуальные источники того времени, о чем давно пишут западные авторы. Российские авторы также обратили внимание на один неочтенный у нас источник – почтовые открытки. Так, из недавно изданного уникального их собрания видно, что с конца XIX в. во всей Европе (в меньшей степени в России) происходило лавинообразное накопление международной напряженности и внутренней агрессивности [22, с. 28–123]. Причем заметно, что открытки, в отличие от плакатов, были не только частью целенаправленной пропаганды, но и выступали социально-коммуникативным инструментом самообразования масс в международных делах.

Дух ре-сентимента, действительно, пронизывал всю предвоенную общественную жизнь Европы. Но в результате нынешней искусственной «визуализации» прошлого люди теряют ощущение «духа» истории. Отсюда и сочинения об обилии предреволюционных заговоров, направленных против якобы вполне дееспособной царской власти [23]. Авторы рецензируемой книги, напротив, полагают, что слухи о заговорах – неизбежное порождение вырождающейся патерналистской социальной среды, становящейся беспомощной перед вызовами времени в связи с утратой авторитарно-духовного начала [1, с. 9–10] При этом Булдаков и Леонтьева показывают, что слухи и конспиро-

логические фантазии о всевозможных заговорах множились уже в дореволюционное время, отражая бессилие общества перед лицом кризисных ситуаций [1, с. 394, 412].

После революции количество «заговорщиков» по понятным причинам не могло не вырасти. В советское время домыслы прошлых лет были подхвачены некоторыми публицистами и даже историками (Н.Н. Яковлев); академичные авторы (А.Я. Аврех, В.И. Старцев и др.) не столько опровергли их, сколько подлили масла в огонь. Не удивительно, что в условиях современной нестабильности известные предположения были не просто воспроизведены, но и выступили в качестве «неопровержимых» свидетельств, в который уже раз сконцентрировавшихся на «масонской» теме [1, с. 455].

Но каков был уровень внутренней агрессивности в других воюющих странах, если известно, что шпиономания была общеевропейским явлением? Ведь существует представление, что в европейских странах слухи в значительной степени связаны с недостатком официальной информации. Так ли было в России? В какой степени и насколько возобладало «национальное единение» в разных европейских странах?

Не секрет, что в наше время происходит стремительное отчуждение населения (причем не только в России) от своей реальной истории. Понятно, что в этом в значительной мере повинны СМИ, превращающие человека в пассивного созерцателя «экзотических» картинок из прошлого. Несомненно, это крайне опасная тенденция. И историк обязан так или иначе преодолеть возникающий в связи с этим конспирологический «соблазн».

Авторы рецензируемой монографии справедливо заключают, что нынешние конспирологи вряд ли подозревают, что «в гипертрофированной форме воспроизводят “ученые” предрассудки людей, бездарно растерявших свой авторитет и власть», а также домыслы некоторых иереев, распространявших панические слухи о «темных силах», учинивших революцию [1, с. 497–498]. Православное духовенство (по сути выступавшее основной идеологической опорой самодержавия) в связи с этим не только не выполнило своей охранительной функции, но и, напротив, способствовало (пусть косвенно) деморализации общественной среды.

Вместе с тем «генеалогию» конспирологического мифотворчества стоило бы отследить более тщательно. Кое-что в этом отношении исследователями уже сделано [24, с. 17–21; 25, с. 138–146].

Вероятно, стоило бы отметить еще одну характерную тенденцию в современной отечественной литературе: на месте пресловутых масонов все чаще оказываются «генералы, либералы и предприниматели» [26], которым вроде бы не было иных забот, кроме свержения самодержавия.

В советское время в отечественной историографии сложился своеобразный культ «объективных» данных. Тогда убежденность в неизбежности революции складывалась в признание их системной противоречивости, в результате которой масштабный классовый конфликт выглядел неизбежным.

В постсоветское время по причинам чисто психологического свойства представления об истории складывались «от противного»: все было с точностью наоборот. Конечно, это не из области истории, а из области психологии современности. Как бы то ни было, возникла убежденность, что предвоенная Россия уверенно «прогрессировала». Именно это сыграло с некоторыми исследователями злую шутку: если так, то революция не имела под собой объективных (решающих) предпосылок. Поле деятельности для конспирологов было «расчищено». Реанимация былых «объективных» показателей стало их главным антиреволюционным «аргументом». Теперь можно было записать в заговорщики кого угодно.

Авторы книги легко оставляют современных конспирологов не у дел. Они показывают, что перед революцией на сознание людей решающее воздействие оказывали не «объективные» показатели, а субъективные представления о происходящем, базирующиеся на личном повседневном опыте. Для этого был привлечен громадный массив источников личного происхождения, характеризующий настроения и устремления представителей самых различных слоев населения. Как известно, в прошлом такими источниками, как мемуары, дневники, письма, историки склонны были пренебрегать в силу субъективности изложенных в них представлений о происходящем. Между тем собрание персональных мнений может сложиться в объективную картину агрегированного настроения общества в целом. Именно учет такого настроения всегда помогал и помогает тем или иным политикам – разумеется, если они не из числа безнадежных доктринеров. Увы, в 1917 г. таковые были только в партиях непарламентского типа.

Не секрет, что в отечественной историографии все еще преобладают представления о революции как о некоем политическом процессе, в ходе которого одни политические партии вытесняли других. В. Булдаков, настаивая на понимании революции синергетического процесса, начинающегося с ресентиментных явлений в социальной психике и кончающемся ее фрустрационным «успокоением», выбивает почву из-под ног «политологов». Но поможет ли это нынешней историографии? Что и говорить – писать об «умеренных» партиях и их интеллигентских лидерах, осуждая при этом «неразумность» революции и ужасы Гражданской войны, куда проще.

Авторы книги стремятся показать, что предпосылки революции, будучи производными от объективных социально-экономических процессов, в значительной степени зависели от тех или иных партий, поскольку коренились в «душах людей»: все слои российского общества были недовольны происходящим. Это было именно иррациональное недовольство – основной источник неотрагированной агрессивности. И это потребовало тотального обновления источниковой базы.

Наиболее интересная часть исследования связана с воспроизведением выдержек из перлюстрированных цензурой писем людей всех рангов и словий – от министров и епископов до рядовых рабочих, крестьян и солдат.

Документы такого рода давно известны, но до сих пор исследователи не выстраивали их в единый эмоциональный ряд. Не приходится сомневаться, что всякая авторитарно-патерналистская система «избыточно» эмоциональна. А потому гипотезе авторов, что империя стала «заложником» реактивации примордиалистских эмоций [1, с. 17, 19, 32, 36, 63, 86, 128, 159, 170], не следует удивляться. Русская православная церковь, в свою очередь, не могла противостоять распространению всевозможных (в том числе эсхатологических) предрассудков. Убедительно звучит и одно из заключений: «То, что в России называется политикой, в сущности, является сгустком эмоций, которые пребывают в спячке до того момента, пока не зашатается “всевидящая” власть. И вот тогда активизируются “неведомые” силы, готовые опрокинуть все устои прежнего порядка» [1, с. 344]. Действительно, многочисленные – большевистские и антибольшевистские – политические истории русской революции до сих пор не только не приблизили нас к пониманию ее внутренней динамики, но и увели в сторону от ее реалий.

Еще одно несомненное достоинство книги в том, что показана связь культурных верхов со стихийными процессами, протекавшими в народной толще. В прошлом в работах большинства историков культурная жизнь того или иного периода словно отсутствовала. В так называемых обобщающих коллективных работах ее обычно загоняли в конец книги. Напротив, для Булдакова и Леонтьевой эмоциональные метания представителей высокой культуры куда важнее логических построений политических доктринеров. В контексте их работы данный прием выглядит более чем оправданно. Действительно, если великая русская литература своим морализаторством в известной степени спровоцировала русскую революцию, то более чем естественно разобраться в их настроениях 1917 г. И надо заметить, что при этом представители высокой культуры наиболее остро чувствовали саму природу революционной стихии.

Политический процесс периода Временного правительства изложен в книге – то ли намеренно, то ли в силу утраты профессионального интереса – более поверхностно. Возможно, это связано с тем, что прежний документальный ряд прервался: цитат из перлюстрированных писем уже не было, а новые «письма во власть» (в Петроградский Совет и Временное правительство) принадлежат к иному типу источника, несопоставимого с прежним. Между тем, поскольку авторы ранее подчеркивали гетерогенность культур верхов и низов в России, стоило бы показать, что привело к политическому коллапсу конца 1917 – начала 1918 г. Если либеральные и социалистические элиты исходили из политических практик парламентской демократии, то низы (активно и эмоционально писавшие новым властям) тяготели к традиционной политической культуре. Это и дало возможность большевикам с легкостью «перехватить» власть [1, с. 667].

Выводы. Представление о том, что большевики именно *перехватили* власть у зазевавшихся социалистов (сначала на II съезде Советов, затем на Учредительном собрании), а не *захватили* ее, несомненно, составляет прин-

ципиальный момент всей авторской концепции революции. Похоже, они считают, что российская демократия была обречена, по крайней мере, после корниловского выступления. «Люди – это своего рода неловкие статисты нескончаемого спектакля истории, обреченные постоянно наткаться на ими же воздвигнутые декорации из возвышенных образов и смыслов, – пишут авторы. – Особенно трудно поверить в это рафинированным представителям высокой культуры» [1, с. 608].

Звучит красиво, а потому может показаться убедительным. Но такие заявления следовало бы как-то подтверждать. Можно согласиться, что народная стихия в полном смысле слова прокатилась по стране мимо растерянной русской демократии. В связи с этим – поскольку авторы концентрируются на «тонкой материи» революции – стоило бы выявить, ощущали ли тогдашние либералы и демократы нарастание собственного бессилия. Увы, об этом в книге говорится как-то мимоходом. Между тем следовало бы доказать документально (как ранее это делалось по отношению к самодержавию), что «обреченность правительства Керенского становилась все более очевидной» [1, с. 656]. Вероятно, непроработанность этого момента составляет главную слабость данной книги.

Известно, что Булдаков отличается умением «подать книгу». Но в данном случае он несколько «переборщил» с заголовками и подзаголовками. Так, из двух разделов книги один называется «Война или Россия?», другой – «Россия или революция?» Выглядит интригующе, но оправдано ли в смысловом отношении. Встречаются и другие антитезы: «Демократия или армия?»; «Революция или культура?». И вообще в заголовках и подзаголовках поражает большое количество вопросительных знаков. Вряд ли это оправдано.

В целом, если книга названа «Война, породившая революцию», то следовало бы уделить большее внимание заключительному акту этой драмы. К сожалению, авторы этим пренебрегли. Эта часть книги куда беднее впервые введенными в оборот архивными материалами. Скорее всего, это произошло оттого, что авторы имплицитно были настроены на опровержение конспирологических домыслов, связанных с Февральской революцией. Между тем предрассудки, как людское невежество в целом, многолики. «Конспирология – это не просто индикатор общественной дезориентированности, – отмечают сами авторы в заключении. – Это своеобразный памятник коллективной глупости эпохи, которая начинает внимать заведомым шарлатанам» [1, с. 670]. Если это так, с чем трудно не согласиться, взирая на сегодняшний телеэкран, то надо доводить поставленную задачу до конца. В частности, книга заметно выиграла бы, если бы авторы в той или иной форме проследили за генеалогией конспирологического шарлатанства. В конце концов, если наше историческое воображение упорно не желает верить в «дураков истории», то стоит им для начала показать во весь рост «дураков историографии».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М.: Новый хронограф, 2015. 720 с.
- [2] Булдаков В.П. Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии // Россия и современный мир. 2001. № 2 (31). С. 31–46.
- [3] Булдаков В.П. Истоки и смысл русской революции: взгляд через 90 лет // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2007. № 23 (51). С. 3–17.
- [4] Булдаков В.П.. Революция и историческая память: Российские параметры клиотравматизма // Россия и современный мир. 2008. № 2 (59). С. 5–27.
- [5] Булдаков В.П. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53–63.
- [6] Булдаков В.П. Октябрьская революция: иное измерение «катастрофического» прошлого // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2009. № 40. Вып. 3. С. 20–35.
- [7] Булдаков В.П. Пир во время чумы? Деморализация российского общества в предреволюционную эпоху: причины и следствия (1914–1916 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8: История. С. 101–111.
- [8] Булдаков В.П. Феномен российской революции: между мифом и реальностью // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2005. № 4. С. 24–33.
- [9] Булдаков В.П. Революция и гражданская война как травма исторической памяти // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2007. № 26 (54). С. 98–115.
- [10] Булдаков В.П. Октябрьская революция: современная судьба старых мифов // Русская революция в контексте истории. Томск, 2008. С. 35–43.
- [11] Булдаков В.П. Россия, 1914–1918 гг.: война, эмоции, революция // Россия в годы Первой мировой войны, 1914 – 1918. М., 2014. С. 11–22.
- [12] Леонтьева Т.Г. Вера или свобода? Попы и либералы в глазах крестьян в начале XX в. (на материалах Тверской губернии) // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. С. 92–114.
- [13] Леонтьева Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России в начале XX века // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 29–43.
- [14] Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. 256 с.
- [15] Леонтьева Т.Г. Православные подданные и большевистская революция: особенности адаптации к «новому миру» в годы Гражданской войны // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. М., 2002. С. 495–516.
- [16] Леонтьева Т.Г. Православное духовенство и русская революция // К истории русских революций. События, мнения, оценки. Памяти И.И. Минца. М., 2007. С. 582–603.
- [17] Леонтьева Т.Г. Вера и реформы в России: истоки и причины инновационных провалов // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2007. № 23. С. 18–56.
- [18] Леонтьева Т.Г. Православный священник, приход, власть и проблема устойчивости российской государственности // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. М., 2013. С. 693–700.

- [19] *Булдаков В.П.* Империя и смута: к переосмыслению истории русской революции // *Россия и современный мир*. 2007. № 3 (56). С. 5–27.
- [20] *Булдаков В.П.* Историк и миф. Перверсии современного исторического воображения // *Вопросы философии*. 2013. № 8. С. 54–65.
- [21] *Гобсон Дж.* Империализм. М., 2009.
- [22] Первая мировая война на почтовых открытках. Книга 1. От Сараева до Компьена. Киров/Вятка, 2014.
- [23] *Никонов В.А.* Крушение России. 1917. М., 2011.
- [24] *Ганелин Р.Ш.* Российский революционный процесс и его историографические судьбы // Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии».
- [25] *Островский А.В.* О степени социального расслоения в дореволюционной России // Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии». Сб. докладов. СПб., 2012. С. 138–146.
- [26] *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М., 2003.

История статьи:

Поступила в редакцию: 9 февраля 2017 г.

Принята к печати: 24 марта 2017 г.

Об авторе:

Зверев Василий Васильевич – д.и.н., профессор кафедры истории российской государственности; Российская академия государственной службы при Президенте РФ; Почтовый адрес организации: 119606, Россия, Москва, просп. Вернадского, 84.

“NON-ANNIVERSARY” BOOK

Vasilii V. Zverev

Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Moscow, Russia, v.v.zverev@bk.ru

The article analyzes the monograph of V.P. Buldakov and T.G. Leontieva “The War that gave birth to the revolution”, which in terms of the content and research focus destroys the prevailing historiographical myths about the Great Russian revolution. After the historical-anthropological deconstruction of the old and new concepts, the authors created a multidimensional and multifaceted research of the problem of psychology of war perception in various strata of the Russian society. The authors examine the war and the revolution as an acute manifestation of global psychopathology, to which came the Enlightenment that resulted in the global cataclysm.

The research approaches are based on the theory of resentment (implicitly accumulated aggression within the “progressive” society). According to the authors, psychopathology of the European world was associated with the demographic boom and enormous development of technology. The “rejuvenation” of the population led to youthful destructiveness in societies. In Russia it was associated with the persistent internal social antagonism, which was exacerbated by the heterogeneity of the cultures of the “top” and “bottom”. Before the revolution people’s minds had been mainly influenced not by “objective” indicators, but subjective ideas of the events based on everyday personal experience. To prove this thesis, the authors used a huge number of personal sources. The most interesting part of the research is connected with the reproduction of extracts from censored letters of people of different ranks and classes.

The authors seek to show that the preconditions of the revolution to a small extent depended on the parties, since the dissatisfaction with what was happening was typical of all strata of society. But whereas the liberal and socialist elites came from the political practices of parliamentary democracy, the lower classes tended to the traditional political culture. This allowed the Bolsheviks to easily “seize” power. This conclusion is a fundamental point of the author’s conception of the revolution.

Keywords: First World War, Great Russian revolution, theory of resentment, government, political parties, the masses

REFERENCES

- [1] Buldakov VP., Leontieva TG. *Voina porodivshaya revolyutsiu* [The war that generated the revolution]. Moscow; 2015 (in Russian).
- [2] Buldakov VP. Rossiiskie smuty i krizisy: vostrebovanost’ sotsial’noi i pravovoi antropologii [Russian turmoil and crises: the relevance of social and legal anthropology]. *Russia and the Contemporary World*. 2001; (2): 31–46 (in Russian).
- [3] Buldakov VP. Istoki i smysl russkoi revolyutsii: vzglyad cherez 90 let [Origins and meaning of the Russian revolution: a look through 90 years]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [Bulletin of Tver State University. Series: History]. 2007; (23): 3–17 (in Russian).
- [4] Buldakov VP. Revolyutsiya i istoricheskaya pamyat’: Rossiiskie parametry kliotravmatizma [Revolution and historical memory: Russian settings citramalate]. *Russia and the Contemporary World*. 2008; 29(2): 5–27 (in Russian).
- [5] Buldakov VP. Revolyutsiya kak problema rossiiskoi istorii [Revolution as a problem of Russian history]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2009; 1: 53–63 (in Russian).
- [6] Buldakov VP. Oktyabr'skaya revolyutsiya: inoe izmerenie «katastrofichnogo» proshlogo [The October revolution: a different dimension «catastrophic» past]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [Bulletin of Tver State University. Series: History]. 2009; 40(3): 20–35 (in Russian).
- [7] Buldakov VP. Pir vo vremya tchumy? Demoralisatsiya rossiiskogo obtshetstva v pred-revolutsionnuyu epochu: prichiny i sledstviya (1914–1916 gody) [The feast during the plague? Demoralization of Russian society in the pre-revolutionary era: causes and consequences (1914–1916 years)]. *Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 2014; 13(8): 101–111 (in Russian).

- [8] Buldakov VP. Fenomen rossiiskoi revolyutsii: mejdu mifom i realnostyu [The phenomenon of the Russian revolution: between myth and reality]. *RUDN Journal of Russian History*. 2005; (4): 24–33 (in Russian).
- [9] Buldakov VP. Revolyutsiya i grajdanskaya voina kak travma istoricheskoy pamyati [The revolution and the civil war as a trauma of historical memory]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [Bulletin of Tver State University. Series: History]. 2007; 54(26): 98–115 (in Russian).
- [10] Buldakov VP. Oktyabrskaya revolyutsiya: sovremennaya sud'ba staryh mifov [The October revolution: the modern fate of old myths]. *Russkaya revolyutsiya v kontekste istorii* [The Russian Revolution in the Context of History]. Tomsk; 2008: 35–43 (in Russian).
- [11] Buldakov VP. Rossia, 1914–1918 gg.: voina, emotsii, revolyutsiya [Russia, 1914–1918: war, emotions, revolution]. *Rossia v gody Pervoi mirovoy voiny, 1914–1918* [Russia during the First World War, 1914–1918]. Moscow; 2014: 11–22 (in Russian).
- [12] Leontieva TG. Vera ili svoboda? Popy i liberally v glazah krestyan v natchale XX v. (na materialah Tverskoi gubernii) [Faith or freedom? The priests and the liberals in the eyes of the peasants in the early twentieth century (on materials of the Tver province)]. *Revolutsiya i tchelovek: sotsialno-psihologicheskii aspekt* [Revolution and man: the socio-psychological aspect]. Moscow; 1996: 92–114 (in Russian).
- [13] Leontieva TG. Vera i bunt: duhovenstvo v revolyutsionnom obtshestve v natchale XX veka [Faith and revolt: the clergy in the revolutionary society in Russia in the early twentieth century]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2001; (1):29–43 (in Russian).
- [14] Leontieva TG. *Vera i progress. Pravoslavnoe selskoe duhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX – natchale XX vv.* [Faith and progress: Orthodox rural clergy of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. Moscow; 2002: 256 (in Russian).
- [15] Leontieva TG. Pravoslavnye poddannye i bolchevitskaya revolyutsiya: osobennosti adaptatsii k “novomu miru” v gody Grajdanskoi voiny [Orthodox subjects and the Bolshevik revolution: the peculiarities of adaptation to the “new world” during the Civil war]. *Grajdanskaya voina v Rossii. Sobytiya, mneniya, otsenki* [Civil war in Russia. Events, opinions, assessments]. Moscow; 2002: 495–516 (in Russian).
- [16] Leontieva TG. Pravoslavnoe duhovenstvo i russkaya revolyutsiya [The Orthodox clergy and the Russian revolution]. *K istorii russkih revolyutsiy. Sobytiya, mneniya, otsenki. Pamyati I.I. Mintsy* [To the history of the Russian revolutions. Events, opinions, assessments. In memory of I. I. Mintsa]. Moscow; 2007: 582–603 (in Russian).
- [17] Leontieva TG. Vera i reformy v Rossii: istoki i prichiny innovatsionnykh provalov [Faith and reform in Russia: the origins and causes of innovation failures]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Istoriya”* [Bulletin of Tver State University. Series: History]. 2007; (23): 18–56 (in Russian).
- [18] Leontieva TG. Pravoslavnyi svyatshebnik, prihod, vlast' i problema ustoychivosti rossiiskoy gosudarstvennosti [Orthodox priest, parish, power, and the problem of stability of the Russian state]. *Rossiiskaya gosudarstvennost': istoricheskie traditsii i vysovy XXI veka* [Russian statehood: historical traditions and challenges of the 21st century]. Moscow, 2013:693–700 (in Russian).
- [19] Buldakov VP. Imperiya i smuta: k pereosmysleniyu istorii rossiiskoy revolyutsii [Empire and discord: rethinking the history of the Russian revolution]. *Russia and the Contemporary World*. 2007;(3): 5–27 (in Russian).

- [20] Buldakov VP. Istorik i mif. Perversii sovremennogo istoricheskogo voobrajeniya [Historian and myth. Perversions of the modern historical imagination]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2013; (8):5–27 (in Russian).
- [21] Gobson Dg. *Imperialism*. Moscow; 2009 (in Russian).
- [22] *Pervaya mirovaya voina na potchtovyh otkrytkah* [World War I on postcards]. Kirov, Vyatka; 2014 (in Russian).
- [23] Nikonov VA. *Krushenie Rossii. 1917* [The collapse of Russia. 1917]. Moscow; 2011 (in Russian).
- [24] Ganelin RCh. Rossiskii revoliutsionnyi protsess i ego istoriograficheskie sud'by [The Russian revolutionary process and the historiographical fate]. *Mejdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Russkaya revoliutsiya 1917 goda: problemy istorii i istoriografii"*. Sb. Dokladov [Interuniversity scientific conference "The Russian Revolution of 1917: the problems of history and historiography." Collection of reports]. St-Peterburg; 2012, p. 17–21 (in Russian).
- [25] Ostrovskiy AV. O stepeni sotsialnogo rassloeniya v dorevoliutsionnoy Rossii [On the degree of social stratification in pre-revolutionary Russia]. *Mejdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Russkaya revoliutsiya 1917 goda: problemy istorii i istoriografii"*. Sb. Dokladov [Interuniversity scientific conference "The Russian Revolution of 1917: the problems of history and historiography": Collection of reports]. St-Peterburg; 2012, p. 138–146 (in Russian).
- [26] Airapetov OR. *Generaly, liberally, i predprinimateli: rabota na front i na revoliutsiyu. 1907–1917* [Generals, liberals and entrepreneurs: work for the front and for the revolution. 1907–1917]. Moscow; 2003 (in Russian).

Article history:

Received: 9 February 2017

Revised: 24 March 2017

Accepted: 24 March 2017

About the author:

Vasilii V. Zverev, Dr. in History, Professor of the Department of Russian statehood history at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Postal address of the organization: 84, Vernadskogo Av., Moscow, 119606, Russia.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Редакционная коллегия принимает к публикации рецензии объемом 10 000 знаков, статьи и историографические обзоры объемом 40 000 знаков, включая сноски и межсловные интервалы (пробелы), в форматах PDF и MS Word с типом файла DOC. В редакцию должны быть направлены три файла.

Первый файл должен содержать в себе статью с указанием автора и информацией о нем. Файл направляется по электронному адресу корпоративной почты журнала: *rushistj@rudn.university*.

Статья должна состоять из трех разделов: «Введение» (обоснование темы, обзор литературы (включая зарубежную) и источников, новизна и цель исследования), «Исследование проблемы», «Выводы».

После основного текста статьи размещается раздел «Документы и материалы» и «Библиографический список». Последний должен включать в себя не менее 20 наименований публикаций. Из них как минимум 3 – ссылки на иностранные публикации и как минимум 3 – на статьи из российских журналов, включенных в БД Scopus и Web of Science.

Каждому наименованию присваивается порядковый номер, заключенный в квадратные скобки. Перечень источников располагается в алфавитном порядке, перечень публикаций в «Библиографическом списке» располагается в порядке следования в тексте.

Ссылки на литературу внутри текста статьи также оформляются в виде квадратных скобок. Внутри скобок указывается порядковый номер издания из «Библиографического списка» и через запятую – страница текста.

Дополнения автора, документы без авторства (архивные источники, официальные документы, инструкции, интернет-материалы) оформляются в виде постраничных автоматических сносок.

Вторым файлом по электронному адресу корпоративной почты журнала **направляются:** информация об авторе на русском и английском языках, аннотация статьи на английском языке в **300** слов и русскоязычный исходный текст англоязычной аннотации.

Третий файл должен содержать текст статьи **без** указания ФИО автора и информации о нем. Данный анонимный файл автор прикрепляет на сайт журнала для проведения внешнего «слепого» рецензирования.

Более полную информацию о правилах оформления рукописи см. на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

Адрес электронной почты: *rushistj@rudn.university*.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПОРТФЕЛЬ ЖУРНАЛА НА 2018 Г.

Том 17, № 1 (2018)	
Тема рубрики	Русские в мире
Прием статей до	1 декабря 2017 г.
Выход из печати	февраль/март 2018 г.
Том 17, № 2 (2018)	
Тема рубрики	История евреев в России
Прием статей до	1 марта 2018 г.
Выход из печати	май/июнь 2018 г.
Том 17, № 3 (2018)	
Тема рубрики	История тюркско-мусульманских народов России
Прием статей до	1 июня 2018 г.
Выход из печати	август/сентябрь 2018 г.
Том 17, № 4 (2018)	
Тема рубрики	Народы юга России: история, культура, традиции, менталитет
Прием статей до	1 августа 2018 г.
Выход из печати	ноябрь/декабрь 2018 г.

Редколлегия журнала

ДЛЯ ЗАМЕТОК
